

АЛИСИЯ ЧЕКАДА

Теоретические основы составления
двуязычного словаря: на примере
польского и эстонского языков

АЛИСИЯ ЧЕКАДА

Теоретические основы составления
двуязычного словаря: на примере
польского и эстонского языков

Диссертация допущена к защите на соискание ученой степени доктора философии по польской филологии 27 сентября 2017 г. решением совета по защите докторских диссертаций по программам германо-романской филологии и русской и славянской филологии Тартуского университета

Научные руководители:

доктор филологических наук,
профессор-эмеритус Александр Дуличенко

PhD, лектор Ирина Абисогомян

Оппоненты: Станислав Гайда, dr hab, академик ПАН, профессор
института польского языка и культуры Опольского
университета (Ополе, Польша)

Тадеуш Левашкевич, dr hab, профессор института польской
филологии Университета
им. Адама Мицкевича (Познань, Польша)

Защита состоится 17 ноября 2017 г. в 13.00 в главном здании Тартуского университета, в зале Сената (ул. Юликооли 18–204).

Научная работа, связанная с темой диссертации, проводилась на отделении славистики колледжа иностранных языков и культур Тартуского университета

ISSN 1406-0809

ISBN 978-9949-77-580-4 (print)

ISBN 978-9949-77-581-1 (pdf)

Copyright: Alisija Tšekada, 2017

University of Tartu Press
www.tyk.ee

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА I. К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЕЙ	15
1. Ориентированность двуязычного словаря на пользователя	16
1.1. Двуязычный словарь, ориентированный на одну группу пользователей.....	17
1.2. Двуязычный словарь, ориентированный на две группы пользователей.....	19
ГЛАВА II. ПРИНЦИПЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОНЕТИКИ И ГРАФИКИ В ПОЛЬСКО-ЭСТОНСКОМ СЛОВАРЕ	23
1. Фонетика и ее место в двуязычном словаре	23
1.1. Фонетическая транскрипция в двуязычном словаре.....	24
1.2. Трудности эстонской фонетики для носителей польского языка	27
1.3. Трудности польской фонетики для носителей эстонского языка	28
1.4. Представление информации о фонетических и орфоэпических особенностях эстонского и польского языков в двуязычном польско-эстонском словаре.....	31
ГЛАВА III. ПРИНЦИПЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СЛОВА В ПОЛЬСКО-ЭСТОНСКОМ СЛОВАРЕ	33
1. Морфология и ее место в двуязычном словаре	33
1.1. Имя существительное в эстонском и польском языке	35
1.2. Грамматическая категория рода в польском языке.....	36
1.3. Этнонимы мужского и женского рода в эстонском и польском языке	42
1.4. Категория числа в эстонском и польском языке	46
1.5. Представление информации о морфологических особенностях имен существительных в двуязычном польско-эстонском словаре.....	50
2.1. Имя прилагательное в эстонском и польском языке	51
2.2. Склонение эстонских и польских прилагательных.....	53
2.3. Несклоняемые прилагательные в эстонском языке.....	57
2.4. Степени сравнения прилагательных в эстонском и польском языке	58
2.5. Представление информации о морфологических особенностях имен прилагательных в двуязычном польско-эстонском словаре.....	63
3.1. Глагол в эстонском и польском языке.....	64
3.2. Категория глагольного вида в контексте двуязычного словаря....	65
3.3. Категория времени в эстонском и польском языке.....	68
3.4. Категория лица и числа в эстонском и польском языке	70
3.4.1. Супплетивные формы глагола	70
3.5. Категория рода у глаголов в польском языке	72

3.6. Категория наклонения в эстонском и польском языке	73
3.7. Категория залога и формы речи у глаголов в эстонском языке	74
3.8. Представление информации о морфологических особенностях глаголов в двуязычном польско-эстонском словаре	75
ГЛАВА IV. ПРИНЦИПЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СЛОВА В ПОЛЬСКО-ЭСТОНСКОМ СЛОВАРЕ	77
1. Семантика и ее место в двуязычном словаре	77
1.1. Семантизация лексического значения	79
1.2. Синонимия переводных эквивалентов	93
1.3. Представление информации о семантических характеристиках слова в двуязычном польско-эстонском словаре	99
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	100
ЛИТЕРАТУРА	106
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Фрагмент вводной части к польско-эстонскому словарю	112
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Пример статьи имени существительного в двуязычном польско-эстонском словаре	115
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Пример статьи имени прилагательного в двуязычном польско-эстонском словаре	116
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Пример статьи глагола в двуязычном польско- эстонском словаре	117
SUMMARY IN ESTONIAN.....	118
SUMMARY	122
КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ	127
ELULOOKIRJELDUS.....	128

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время в Эстонии заметно возросла необходимость в польско-эстонских и эстонско-польских переводах (технических, художественных, научных и др.). Вместе с тем, резко увеличилась потребность и в соответствующей польско-эстонской и эстонско-польской справочной литературе.

В ходе многолетних занятий переводами с вовлечением польского и эстонского языков нам неоднократно приходилось сталкиваться с отсутствием в имеющихся лексикографических изданиях искомой лексики, поэтому на помощь в подобном случае нередко приходил «третий» язык.

Чаще всего выйти из трудной ситуации помогают словари с иным исходным или же выходным языком (например, русским или английским). Но, как известно, перевод с использованием промежуточного – третьего – языка усложняет и замедляет работу переводчика, а самое главное – ухудшает качество перевода.

По словам Э. Росс, в Эстонии «традиция переводных словарей живет более трех с половиной столетий», но «о наличии действенной лексикографической системы эстонского языка можно говорить лишь в XX столетии» [Росс 1998: 45].

В период Первой Эстонской республики (1918–1940) процесс составления и издания двуязычных словарей вышел на новый уровень. «Особенно хорошим подбором слов и необходимым числом удачных переводных соответствий отличались словари, подготовленные в 1930-ые годы <...>. В определенном отношении эти словари вполне удовлетворяют пользователей и сегодня» [там же: 46]. Прежде всего, это англо-эстонский, финско-эстонский, шведско-эстонский, немецко-эстонский и русско-эстонский словари. Каждый из них неоднократно переиздавался по несколько как в Эстонии, так и за ее пределами [там же: 47].

В сороковые годы XX в. работа лексикографов в Эстонии в силу исторических и идеологических причин была практически приостановлена. Лишь на рубеже 1950–1960-х гг. вновь стали появляться двуязычные словари.

Среди славянских языков, представленных в качестве одной из параллелей в современных словарях, на первом месте по-прежнему продолжает оставаться русский язык.

Если говорить в целом о плодах эстонско-русской лексикографии, то следует отметить, что на сегодняшний день имеется целый ряд исследований, посвященных различным аспектам изучения русского и эстонского языков. Выпущено большое количество русско-эстонских и эстонско-русских лексикографических пособий в виде словарей и разговорников.

В Тартуском университете защищена докторская диссертация «Двуязычный словарь и функционально значимые связи слова» О. Н. Паликовой, посвященная проблеме представления языкового материала в двуязычном словаре на материале русского и эстонского языков. Как отмечает

О. Н. Паликова, «Русско-эстонская / эстонско-русская лексикография <...> существует около 120 лет и насчитывает около 120 изданий (не считая переизданий)» [Паликова 2007: 7].

Первые двуязычные словари для этой пары языков были изданы в Эстонии еще в конце XIX в. В роли первого эстонско-русского словаря выступает вышедший в 1890 г. словарь *Eesti-Wene sõnaraamat Wiedemanni järele seadnud M. Salem / Эстско-русский словарь по Видеману* [Eesti-Wene sõnaraamat 1890]. Первый русско-эстонский словарь *Wene-eesti sõna-raamat* появился в 1885 г. [Wene-eesti sõna-raamat 1885]; словарь выдержал 5 переизданий, последнее из которых вышло в 1917 г.

В числе общих и учебных словарей на данный момент имеется около полутора десятков эстонско-русских, более 30-ти русско-эстонских словарей и по одному двунаправленному словарю (эстонско-русско-эстонский, русско-эстонско-русский).

Наиболее значимыми достижениями последнего времени являются большой эстонско-русский словарь в 5 томах [Eesti-vene sõnaraamat 1997–2009], большой русско-эстонский словарь в 4-х томах [Русско-эстонский словарь 1984–1994] (переиздание 2000 г. вышло в 2 томах [Vene-eesti sõnaraamat 2000a]), однотомный русско-эстонский словарь [Vene-eesti sõnaraamat 2000b]. Для данной языковой пары вышел также ряд общих разговорников. Кроме того, существует большое количество узкоспециальных терминологических словарей и тематических разговорников.

Помимо традиционных книжных словарей существует также ряд онлайн-словарей. Институт эстонского языка на своем интернет-сайте www.eki.ee поместил эстонско-русский и русско-эстонский онлайн-словари, которые созданы на базе уже имеющихся бумажных словарей: эстонско-русский словарь опирается на пятитомное издание [Eesti-vene sõnaraamat 1997–2009], а русско-эстонский словарь основывается на двухтомнике [Vene-eesti sõnaraamat 2000a]. Эти словари доступны также по адресу www.keeleeveeb.ee.

Существует еще несколько эстонско-русских и русско-эстонских онлайн-словарей, находящихся в открытом доступе на сайтах www.dictionary.ee, www.annaabi.ee, www.vene-eesti.ase.ee.

Новые разработки и достижения в области двуязычной лексикографии освещаются в ряде международных изданий и на различных лексикографических конгрессах¹.

Первым опытом составления учебного пособия для эстонского и польского языков стал двунаправленный эстонско-польско-эстонский разговорник *Praktiline eesti-poola, poola-eesti käsiraamat / Praktyczny podręcznik estońsko-polski i polsko-estoński* [Nurmik, Skomorowski 1937], содержащий небольшой сравнительно-сопоставительной грамматический очерк эстонского и польского языков. Этот разговорник в течение нескольких последующих десятилетий оставался первым и единственным в данной обла-

¹ См., напр.: <http://www.ruslang.ru/doc/lexcomission/slav-lex.pdf>, <http://euralex.org/>

сти². В 1980 г. был издан польско-эстонский разговорник *Mini-rozmówki estońskie* [Sepre, Sepre, Wójcik 1980]. В начале XXI в. вышли два общих эстонско-польских разговорника: *Eesti-poola vestmik / Rozmówki estońsko-polskie* [Major 2000], *Eesti-poola vestmik* [Borowska-Peterson, Peterson 2008].

В течение последних 15-ти лет были выпущены три общих польско-эстонских словаря: 1) польский язык оказался включенным в число девяти языков в словаре *Languages around the Baltic Sea. Dictionary in Nine Languages. Keeled ümber Läänemere. Üheksakeelne sõnastik* [Kaljuste 1996]; 2) эстонско-польский словарь *Eesti-poola sõnastik. Słownik estońsko-polski* [Erin, Stefańczyk 2000a]; 3) учебный двунаправленный эстонско-польско-эстонский словарь *Język estoński dla początkujących. Słownik estońsko-polski i polsko-estoński* [Bielecki 2010].

Кроме того, существует проект электронного польско-эстонско-английского тематического словаря *Polsko-estońsko-angielski elektroniczny słownik tematyczny*³, но на данный момент, как выяснилось из личной переписки с одним из авторов-составителей словаря, работа над его созданием не закончена.

В рамках многоязычного словарного онлайн-проекта Glosbe на сайте <https://et.glosbe.com/> доступны небольшие эстонско-польский и польско-эстонский словари. Проект Glosbe предполагает в нем участие также и простых пользователей: на сайте есть функция, которая позволяет пользователям добавлять перевод слов и выражений, поэтому данный словарный проект можно отнести к интерактивным. Морфологические и синтаксические характеристики заголовочных слов и их эквивалентов в польско-эстонском словаре не указываются. Оттенки значений и синонимы представлены в свободном порядке без уточняющих комментариев. Основную часть словарных статей составляют иллюстративные примеры, организованные по принципу параллельного корпуса; эта часть словаря является его огромным преимуществом, поскольку для данной пары языков до сих пор не привлекался материал языковых корпусов.

Кроме того, существует проект краткого эстонско-польского и польско-эстонского словаря на сайте <https://www.slowniki.eu/>. Авторы данного проекта предлагают своего рода заготовку словаря – здесь представлен список слов и дан их перевод. Словарных статей как таковых здесь нет.

В рамках еще одного международного проекта Opus по созданию параллельных языковых корпусов для большого количества языковых комбинаций, находящегося по адресу <http://opus.lingfil.uu.se/>, можно обнаружить некоторое количество текстов, переводных с польского языка на эстонский. Эти тексты могут использоваться, например, для создания конкордансов. Собственно словарем данный проект не является.

² Всем изданным польско-эстонским и эстонско-польским лексикографическим изданиям посвящена отдельная статья, см. [Чекада 2012].

³ Подробнее об этом проекте см. [Matulewska, Wasielewska 2004: 1–9].

Что касается других славянских языков, то здесь следует отметить следующее: в области создания лексикографических изданий для эстонского и чешского языков имеется всего один небольшой чешско-эстонский словарь [Raid, Smirnov 1966] и чешско-эстонский разговорник [Leemets, Smirnov 1989]. Некоторое время назад появились проекты по составлению эстонско-украинского, эстонско-болгарского и болгарско-эстонского словарей, но работа над ними, по информации, полученной от авторов в ходе электронной переписки, пока не завершена. По другим славянским языкам составление двуязычных словарей пока не ведется.

Достижения в области двуязычной лексикографии финского (как близкородственного эстонскому) и западнославянских языков также привлекли наше внимание. За последние несколько десятилетий был выпущен ряд польско-финских и финско-польских словарей и разговорников, самыми значимыми из которых являются польско-финский словарь [Turućko 1962], финско-польский словарь [Wałęga 1978] и составленный ему в пару польско-финский словарь [Wałęga 1986], а также большой двухтомный финско-польский словарь польского финно-угриста Ч. Куджиновского [Kudzinowski 1988].

В начале XXI века появилась целая серия небольших польско-финских и финско-польских словарей, словариков и разговорников. Некоторые из них выдержали по несколько переизданий; выпущено также несколько разговорников.

Что касается чешского и финского языка, то по части двуязычных словарей картина на сегодняшний день выглядит следующим образом: в 1980-ые гг. появились такие словари, как финско-чешско-финский словарь [Lindroosová-Čermáková 1984] (словарь был переиздан в 2003 году [Lindroos-Čermáková 2003]), дорожно-туристический чешско-финский и финско-чешский словарь [Čermák, Lindroosová 1986]. В 2000-ые гг. появилось несколько специализированных тематических словарей и разговорников.

Двуязычные издания для финского и словацкого языков немногочисленны: в 2001 г. был издан небольшой по объему (около 6000 слов) двунаправленный финско-словацко-финский словарь [Suomi Slovakia Suomi 2001]; в 2009 г. вышел финско-словацкий словарь [Grocký 2009].

Представленные данные позволяют говорить о том, что эстонско-польская и польско-эстонская лексикография, как и эстонско-славянская лексикография в целом, представлена определенным перечнем справочников и словарей. Основная их часть появилась за последние 20 лет – в период, когда тесные языковые и культурные контакты между Эстонией и Польшей обусловили необходимость составления учебников, справочников, разговорников и двуязычных словарей. Самый значимый из имеющихся словарей – это эстонско-польский словарь *Eesti-poola sõnastik. Słownik estońsko-polski* [Erin, Stefańczyk 2000a].

Актуальность исследования объясняется тем, что на сегодняшний день отсутствует польско-эстонский словарь, который соответствовал бы современным требованиям. По нашему мнению, необходим двуязычный

словарь, предназначенный для польского пользователя, желающего перевести текст или фрагмент речи с родного языка на эстонский и одновременно ориентированный на эстонского пользователя, который сможет при помощи этого словаря перевести необходимый материал с польского на свой родной эстонский язык.

В ходе исследования мы будем опираться, прежде всего, на славянскую теоретическую лексикографическую традицию, представленную, например, в работах Л. В. Щербы, В. П. Беркова, Л. Згусты; а также на лексикографические концепции авторов, относительно редко привлекающиеся к славянскому словарному «контексту», например, на труды Я. Малкиэля [Malkiel 1967], С. Аткинса и М. Ранделла [Atkins, Rundell 2008], Б. Свенсена [Svensen 1993, 2009], А. М. Аль-Касими [Al-Kasimi 1983].

Дигитальный прорыв в области лексикографии, начавшийся на рубеже XX и XXI веков, открыл абсолютно новаторские возможности в деле составления словарей всех типов и направленностей [Hanks 2013: 1, 307]. Новые возможности позволили использовать электронные ресурсы там, где до этого в течение столетий применялся «ручной труд» и исключительно бумажные источники материала [Bogaards 2013: 27].

Изменения в подходе к работе над составлением словарей, а также изучение новых ресурсов привело к тому, что отдельно взятое слово перестало рассматриваться рядом исследователей, такими, как, например, Д. Синклер [Sinclair 1998, 2003], П. Ханкс [Hanks 2010, 2012, 2013], Д. Ферт [Firth 1957, 1968], Р. Лангакер [Langacker 2008], А. Адамска-Салачак [Adamska-Sałaciak 2006, 2010, 2013a], как основная единица значения. При этом довольно значительное место в работе над анализом лексики занимает теория прототипов. Особенно ярко и последовательно идея использования прототипов в лексикографии представлена в работах А. Вежбицкой [Вежбицкая 1996, 2001, Wierzbicka 1972, 1985].

Современный словарь – как одноязычный, так и двуязычный – невозможен без электронного языкового корпуса [Sinclair 2010, Hanks 2012]. В контексте двуязычного словаря корпус предоставляет, прежде всего, данные о значениях слов исходного и выходного языка, а также дает сведения о частотности использования тех или иных лексических единиц [Kilgarriff 2013: 85].

Наличие корпуса открывает перед лексикографами ранее недоступные возможности, которые позволяют кардинально поменять методы работы. Одна из наиболее важных среди новых возможностей с точки зрения практической лексикографии – это возможность создавать гипертекстовые базы данных, демонстрирующие при помощи системы ссылок связь между значениями слова и моделями словоупотребления в виде речевых клише, штампов. [Hanks 2012: 7]. Таким образом, языковой корпус помогает, что немаловажно, определить перечень наиболее типичных несвободных словосочетаний (в том числе коллокаций, коллигаций, фразеологических оборотов), которые могут быть использованы лексикографами как иллюст-

ративный материал в различных аспектах использования языка [Adamska-Sałaciak 2013a: 218].

Благодаря смене методов работы в деле составления словарей, внимание лексикологов и лексикографов возросло к фразеологии (тут важно подчеркнуть, что традиционные словари не уделяют достаточного внимания фразеологии), к типичным контекстам с использованием конкретного слова исходного либо же выходного языка. В зависимости от доступности корпусов для той или иной пары языков, наличия достаточной по объему материальной базы, включающей и другие электронные ресурсы, а также наличия необходимого времени и группы специалистов можно планировать работу над составлением конкретного двуязычного словаря.

Объекты исследования – двуязычные словари общего типа и принципы их составления. В центре изучения находятся двуязычные словари, где одним из представленных языков является славянский, прежде всего, польский, а также двуязычные словари, в которых представлены польский, русский, чешский, эстонский и английский языки в различных комбинациях. Кроме того, задействованы и электронные ресурсы. Мы не стремимся проанализировать все имеющиеся на сегодняшний день печатные и электронные источники, а сознательно ограничимся лишь теми, которые, в первую очередь, напрямую связаны с тематикой работы: западнославянско-инопольские двуязычные словари, выпущенные такими признанными академическими издательствами, как, например, *Oxford University Press*, *PWN*, *Wiedza Powszechna*, *Наука*, *Eesti Keele Instituut*; языковые корпусы польского и эстонского языков⁴; электронные эстонско-польские и польско-эстонские словари⁵.

Методы исследования. В работе применяются специфические для лексикографии методы: анализ и комментирование словарных классификаций; сопоставительное изучение словарных статей в ряде двуязычных словарей, а также концепций и проектов словарей; анализ корпусных данных.

При анализе словарей обращается внимание не только на собственно словарный материал, но и на теоретическую составляющую, к которой следует относить предисловие к данным изданиям. Именно в вводной части словаря авторы делятся своим опытом, указывают на трудности и особенности, с которыми им пришлось столкнуться в процессе работы над словарем.

Цели работы:

- 1) выявление и описание характеристик, влияющих на составление словарных статей в двуязычных словарях активного и пассивного типа для одной и той же пары языков (в нашем случае – эстонского и польского) и на успешный процесс и качественный результат составления двуязычного словаря в целом;

⁴ См., напр.: <http://www.keeleeveeb.ee/>, <http://nkjp.pl/>

⁵ См., напр.: <https://et.glosbe.com/>, <https://www.slowniki.eu/>, <http://opus.lingfil.uu.se/>

- 2) выработка фонетических и графических параметров словарной статьи, а также системы соответствующих помет для потенциального польско-эстонского словаря, сочетающего в себе одновременно черты активного и пассивного словаря, т. е. рассчитанного на обе группы пользователей (носителей польского и эстонского языка);
- 3) выработка грамматических параметров словарной статьи и системы соответствующих помет для имен существительных, имен прилагательных и глаголов для потенциального польско-эстонского словаря общего типа;
- 4) выработка основных семантических параметров словарной статьи и системы соответствующих помет для данного словарного типа;
- 5) создание текста Предисловия к потенциальному эстонско-польскому словарю, в котором отражена разработанная в ходе исследования лексикографическая концепция и основополагающие принципы представления языкового материала в словаре;
- 6) разработка в качестве примеров возможных вариантов словарных статей для разных типов словарей: не только для книжных (несмотря на то, что бумажные словари постепенно уходят из нашей жизни), но и для электронных версий.

Таким, образом, акцент в работе делается на представлении *грамматической* (фонетические данные с учетом языковых особенностей польских и эстонских пользователей словарем; морфологические характеристики лексем в левой и правой частях словарной статьи) и *семантической* (лексические значения, семантика лексем, коллокации, фразеологические выражения, степень эквивалентности, типы синонимов) информации о слове в рамках словарной статьи в двуязычном словаре активного и пассивного типа на материале польского и эстонского языков.

Обсуждаемый словарь должен быть предположительно среднего объема и универсального предназначения, что позволит «уместить» его бумажную версию в одну книгу т. к. мы все же не отказываемся от печатного формата словаря. Поскольку работа носит теоретический характер, мы не ставим задачи сугубо практического плана, как то: конкретное число заголовочных слов, входящих в словник потенциального польско-эстонского словаря, состав и процентное соотношение лексики разных стилей (предполагается, что это будет в основной массе общая лексика, будет представлен также научный, разговорный пласт лексики, культурно обусловленная лексика, имена собственные и некоторое количество идиоматических выражений). За рамками данной работы остаются вопросы технического воплощения словаря: дизайн статей, компьютерные решения для электронной версии словаря и пр.

Содержание и структура диссертации. Работа состоит из Введения, четырех основных глав, Заключения, списка литературы и четырех приложений.

Во Введении представлена история вопроса и обзор славянско-эстонских и эстонско-славянских лексикографических изданий.

В **первой главе** диссертации обсуждаются различные классификации двуязычных словарей с целью проанализировать взаимосвязь между ориентированностью двуязычного словаря на конкретную группу пользователей и содержанием словарной статьи.

Во **второй главе** рассматривается ряд вопросов, связанных, прежде всего с фонетическими характеристиками польского и эстонского языков, которые необходимо учитывать при составлении потенциального польско-эстонского словаря.

В **третьей главе** внимание уделяется морфологическим характеристикам, требующим фиксации в словаре. В частности, рассматриваются различные подходы к оформлению и составлению словарных статей для имени существительного, прилагательного и глагола в польском и эстонском языке; обсуждается система словарных помет и отсылок, способы их графической интеграции в микро- и медиаструктуру словника в потенциальном польско-эстонском словаре.

В **четвертой главе** затрагиваются вопросы, связанные с семантической составляющей словарной статьи. На ряде примеров с привлечением данных двуязычных и национальных толковых словарей эстонского, польского, русского языков, а также языковых корпусов, которые помогают раскрыть лексико-семантические связи слов; сопоставляются механизмы подбора эквивалентов, разбивки лексемы на значения; демонстрируется принцип семантизации значений леммы и ее соответствий в выходном языке, а также анализируются сложности, возникающие при попытках разграничить лексическую синонимию.

В Заключении представлены выводы, касающиеся результатов исследования.

К тексту работы также прилагаются примеры статей для потенциального польско-эстонского словаря, а также составленный нами текст Предисловия к этому словарю.

Работа написана на русском языке, а не на польском или эстонском, что, возможно, было бы более логичным, учитывая тематику исследования. При выборе языка в данном случае мы исходили из того, что в польской научной среде эта диссертация, будучи написанной на эстонском языке, не смогла бы получить должного распространения, так же, как и написанная по-польски диссертация не удостоилась бы широкого внимания среди эстонских исследователей. Поэтому нами был выбран русский язык как основной славянский язык, использующийся в научной среде во многих странах, в том числе в Эстонии и Польше.

ГЛАВА I

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЕЙ

На сегодняшний день в области лексикографии имеется целый ряд различных словарных типологий [Denisov 2003]. Словарным классификациям посвящены работы многих исследователей, таких, как напр., Л. В. Щерба [Щерба 1940], Т. Себеок [Sebeok 1962], Я. Малкиэль [Malkiel 1967], Л. Згуста [Zgusta 1971], А. М. Аль-Касими [Al-Kasimi 1983], Б. Свенсен [Svensen 1993, 2009], С. Аткинс и М. Ранделл [Atkins, Rundell 2008]. Словари можно распределять в различные группы, в зависимости от тех критериев, которые являются значимыми для того или иного автора.

В исследовательской среде общепринятым считается положение о том, что основы типологии лексикографических изданий были заложены еще Л. В. Щербой в «Опыте общей теории лексикографии» [Щерба 1940]. Концепция Щербы послужила базой для ряда последующих разработок по теории и практике составления словарей.

По словам Щербы, «одним из первых вопросов лексикографии является, конечно, вопрос о различных типах словарей. Он имеет непосредственное практическое значение и эмпирически всегда как-то решался и решается» [там же: 89]. Щерба сформулировал один из основных критериев составления двуязычных⁶ словарей, в котором указывал, что «для всякой пары языков нужно четыре словаря – безусловно, два толковых иностранных словаря с объяснениями на родном языке пользующегося данным словарем и <...> два переводных словаря с родного языка на иностранный» [там же: 116]⁷.

В последствие многие из теоретиков и практиков лексикографии опирались на типологию Щербы, углубляя и дорабатывая её, или же, наоборот, отвергали ее, предлагая иной подход к классификации словарей.

Контрастные признаки любой словарной типологии делятся на два типа: т. н. «внутренние» и «внешние» признаки [Saravanan 2009], или же, как еще их принято называть, «субъективные» и «объективные» факторы [Гак 1978].

К «внутренним» признакам относятся собственно языковые аспекты, как, скажем, противопоставление синтагмы и парадигмы, синхронии и диахронии, формы и содержания.

⁶ Напомним, что как особый тип словаря Л. В. Щерба отдельно рассматривал в рамках своей классификации двуязычный словарь, который он называл «переводным».

⁷ Свенсен вдвое увеличивает этот перечень и предлагает составлять по 8 двуязычных словарей – 4 для каждой категории пользователей [Svensen 2009: 14–15].

К «внешним» признакам, или к субъективным лексикографическим параметрам, можно отнести адресата⁸, т. е. потенциального пользователя словарем, для которого тот или иной словарь составляется; его предназначение (например, понимание или порождение текста); объем словаря; способ организации словарных статей; количество задействованных языков и т. д.

«Внешние» признаки словаря – изменяемые, и, в отличие от «внутренних» (неизменяемых параметров), напрямую зависят от практического предназначения того или иного словаря [Atkins, Rundell 2008: 33], поэтому в настоящем исследовании основной акцент делается именно на изменяемых параметрах словаря – с учетом опыта предшествующих составителей, и предлагается набор «внешних» признаков, которые следует учитывать при составлении активного и пассивного польско-эстонского словаря.

1. Ориентированность двуязычного словаря на пользователя

Каждый составитель двуязычного словаря, приступая к работе, определяет для себя перечень релевантных признаков, которые станут для него руководством к действию. Одним из основных вопросов неизменно остается ориентированность на адресата, для которого тот или иной двуязычный словарь задуман.

В исследовательской традиции существуют две противоположные точки зрения на то, как следует при составлении двуязычного словаря решать проблему ориентированности на пользователя. Словарь, в котором помещается лексика двух языков, может быть использован двумя (как минимум) группами пользователей, т. е. носителями обоих представленных в словаре языков.

Согласно одной точке зрения [Al-Kasimi 1983, Берков 1996], двуязычным словарем (одно- и двунаправленным) может эффективно пользоваться носитель только одного из двух представленных в словаре языков.

Согласно другой концепции [Atkins, Rundell 2008, Svensen 2009] двуязычный словарь в равной степени ориентирован на носителей двух языков, поэтому отбор языкового материала и составление словаря в этом случае будет подчиняться иным принципам, нежели в случае, когда составители задумывают словарь только для одной группы пользователей.

Далее анализируются оба подхода с учетом составления потенциального польско-эстонского словаря активного и пассивного типа.

⁸ В том случае, когда родным языком пользователя двуязычным словарем является исходный язык словаря, словарь относится к т. н. активному типу. Если родной язык пользователя – выходной, то такой двуязычный словарь относится к т. н. пассивному типу. Далее в работе подробно анализируется разница между этими двумя типами двуязычных словарей.

1.1. Двужычный словарь, ориентированный на одну группу пользователей

Составление двужычного словаря только для одной группы пользователей предполагает, что акцент делается на каком-то одном из видов языковой деятельности: пользователь т. н. активного словаря обращается к словарю тогда, когда порождает текст на неродном языке или же переводит текст с родного языка на иностранный. Пользователь пассивного словаря использует его в процессе рецептивного усвоения неродного языка при переводе фрагмента текста или речи на свой родной язык.

По мнению В. П. Беркова, «в идеале словарь должен был бы иметь одного адресата» [Берков 1996: 8], Аль-Касими, в свою очередь, также говорит о том, что «невозможно обслуживать носителей обоих языков в равной степени в одном и том же двужычном словаре» [Al-Kasimi 1983: 21]⁹.

Двужычный словарь для носителя исходного языка составляется совершенно иначе, нежели словарь для носителя выходного языка. Это означает, что в рамках данной концепции польско-эстонский словарь для носителей польского языка должен составляться по другим критериям, чем для носителей эстонского языка, т. е. субъективные факторы, о которых говорилось выше, будут разными – от адресата будет зависеть, каким будет словник, и по каким принципам будет отбираться информация для словарных статей.

На выбор языка метаописания в словаре также влияет родной язык предполагаемого пользователя: если двужычный словарь составлен в помощь носителям исходного языка, то общие указания должны быть даны на этом языке; но если он предназначен для носителей выходного языка, тогда все разъяснения должны быть даны на выходном языке.

В нашем случае это означает, что в активном польско-эстонском словаре (где исходный язык – польский, а, следовательно, и адресат – носитель польского языка) вводный очерк и словарные пометы следует давать на польском языке (что означает ориентированность на носителя польского языка).

В пассивном польско-эстонском словаре ситуация будет обратной: на эстонском языке должен быть написан вводный очерк, и все словарные пометы должны быть эстонскими (с учетом того, что адресатом будет носитель эстонского языка).

Тип словаря – активный или пассивный – указывает, для каких видов речевой деятельности составляется тот или иной двужычный словарь: для порождения текста/речи на неродном языке, для перевода с иностранного языка на родной или для понимания текста/речи на неродном языке, для перевода с родного языка на иностранный.

Выбор языков для левой и правой частей словаря – это фактор, от которого зависит содержание и структура словарных статей. Если, предполо-

⁹ Перевод цитат здесь и далее с иностранного языка на русский осуществлен автором диссертации – А. Ч.

жим, перед лексикографом стоит задача составить два одинаковых по объему словаря, один пассивный и второй активный, то в пассивный он должен включить больше словарных статей с бóльшим количеством значений слов исходного языка, чем в активный.

Словарные статьи в активном словаре (в отличие от пассивного) должны давать пользователю больше информации о грамматике и синтаксисе заголовочных слов. Таким образом, на материале польского и эстонского языков можно говорить о том, что в активном польско-эстонском словаре перевес должен быть в пользу *грамматических и синтаксических характеристик* польского языка, а в пассивном польско-эстонском словаре должно быть *больше значений слов* польского языка.

Согласно представленной в данном пункте точке зрения, вариант совмещенного использования активного и пассивного словаря обеими группами пользователей исключается: а именно (в нашем случае) использование польско-эстонского словаря как активного носителями польского языка и одновременно как пассивного словаря носителями эстонского языка; и, соответственно, невозможно использование эстонско-польского словаря как активного носителями эстонского языка и как пассивного носителями польского языка.

Как результат – должно быть два различающихся по принципам составления эстонско-польских и два польско-эстонских словаря:

1. Активный эстонско-польский словарь для носителей эстонского языка;
2. Активный польско-эстонский словарь для носителей польского языка;
3. Пассивный польско-эстонский словарь для носителей эстонского языка;
4. Пассивный эстонско-польский словарь для носителей польского языка.

Из числа анализируемых двуязычных словарей, задействованных в работе, некоторые относятся именно к такой разновидности, когда предполагаемым адресатом является носитель только одного языка. Таким является, например, чешско-эстонский словарь (далее – ЧЭС) [Raid, Smirnov 1966].

Тип данного словаря можно определить, как пассивный, рассчитанный на понимание чешского текста и его перевод на родной эстонский язык. Вводный очерк дается только на эстонском языке. Грамматические пометы используются применительно к материалу исходного чешского языка. У чешских существительных указывается родовая принадлежность. При наличии отклонений от стандартной модели словоизменения фиксируются нерегулярные словоформы. При глаголах указываются их видовые характеристики. Кроме того, в небольшом объеме задействована чешская фразеология.

Русско-эстонский словарь (далее – РЭС) [Русско-эстонский словарь 2000] является словарем пассивного типа, рассчитанным на носителя эстонского языка, который сталкивается с проблемой перевода русского текста на эстонский язык. Набор грамматических помет для заглавных слов довольно широкий: у русских существительных указывается род, число, категория одушевленности/неодушевленности, при отклонениях в

словоизменении указываются падежные формы, а также нерегулярные словоформы; фиксируются случаи, когда имя не склоняется. При глаголах даются указания на категорию вида, валентность; сведения об отклонениях в образовании или использовании тех или иных форм. Язык словарных помет при этом – русский. Как нам видится, для максимального понимания особенностей русской грамматики и для более удобного пользования словарем язык помет должен быть эстонским, а не русским, т. к. словарь рассчитан на эстонского пользователя.

При составлении двуязычного словаря для одной группы пользователей авторами более подробно разрабатывается либо правая, либо левая часть словника. На примере пассивного ЧЭС и пассивного РЭС видно, что в качестве активного такой словарь использовать весьма проблематично. В выигрыше оказывается носитель эстонского языка в обоих случаях. Для носителя чешского языка в рамках ЧЭС и для носителя русского языка в рамках РЭС эффективность использования словаря будет минимальной.

1.2. Двуязычный словарь, ориентированный на две группы пользователей

На практике при составлении словарей невозможно абсолютно четко придерживаться принципа «одна функция словаря – один тип словаря». Нередко составители двуязычных словарей руководствуются практическими, и прежде всего, экономическими принципами экономии средств, поэтому зачастую двуязычные словари оказываются ориентированными одновременно (в большей или меньшей степени) на две группы пользователей.

Стремление решить сразу две (или более) задачи в рамках одного двуязычного словаря приводит к тому, что его структура усложняется, а это, в свою очередь, требует от пользователей обоих языков большей компетенции и повышенного внимания при поиске необходимой информации. Такой словарь «два в одном» является активным и пассивным одновременно.

В зависимости от того, является ли родной язык предполагаемого пользователя исходным или же выходным языком двуязычного словаря, можно выделить 4 вида речевой деятельности, которые и определяют тип словаря:

- 1) понимание иноязычного текста;
- 2) порождение иноязычного текста;
- 3) перевод иноязычного текста на родной язык;
- 4) перевод текста с родного языка на иностранный.

Как уже было сказано выше, информация о слове неродного для предполагаемого пользователя языка должна быть более обширной и исчерпывающей, чем те сведения, которые указываются для слов родного языка. Но для того, чтобы словарем могли равноценно пользоваться как носители

исходного, так и выходного языка, следует соединить в рамках одной словарной статьи признаки активного и пассивного словаря.

Так, словарная статья в потенциальном польско-эстонском словаре должна в случае совмещенного активно-пассивного типа составляться с учетом того, что:

- 1) активное использование словаря предполагает перевод с родного польского языка на иностранный эстонский или порождение текста на нем, а, значит, и объем информации об эстонском переводном соответствии должен быть максимально исчерпывающим (грамматические, синтаксические, стилистические и пр. характеристики);
- 2) пассивное использование словаря предполагает перевод с неродного польского на родной эстонский, следовательно, объем сведений о польской лемме должен также быть максимально исчерпывающим.

Таким образом, активный польско-эстонский словарь для носителей польского языка должен быть одновременно пассивным польско-эстонским словарем для носителей эстонского языка.

Это же положение распространяется и на двунаправленные словари: их в равной степени могут использовать как носители исходного языка, так и носители выходного языка.

Из числа использованных в работе двуязычных словарей рассчитанными на обе группы пользователей являются, например, эстонско-польский словарь (далее – ЭПС) [Erin, Stefańczyk 2000a], эстонско-русский словарь [Эстонско-русский словарь 1997–2009] (далее – ЭРС). Оба эти словаря являются, с одной стороны, пассивными, рассчитанными на перевод с неродного эстонского на родной польский или русский язык, с другой стороны активными, предполагающими возможный перевод с родного эстонского на неродной польский или русский.

В ЭПС эстонские существительные фиксируются, как правило, с указанием форм некоторых косвенных падежей единственного и множественного числа, при несовпадении форм числа у эстонских существительных и их польских эквивалентов приводится соответствующее разъяснение. У польских существительных и прилагательных также указываются формы некоторых косвенных падежей, правда, не во всех случаях; у существительных отмечается также грамматический род. Глаголы в левой части словника даются в формах обоих инфинитивов, глаголы в правой части снабжаются указанием вида и некоторыми личными формами в настоящем и/или прошедшем времени.

Безусловно, структура словарной статьи в ЭПС разработана недостаточно, чтобы и польский, и эстонский пользователь смог почерпнуть достаточно грамматических и синтаксических сведений о слове, но имеющиеся данные позволяют говорить об этом словаре как об активном и одновременно пассивном.

В ЭРС как эстонские леммы, так и русские соответствия снабжаются грамматическими пометами. Для существительных это, прежде всего,

падежные формы: у эстонских лексем указываются формы трех первых падежей парадигмы единственного числа и второго и третьего падежей парадигмы множественного числа. Русские существительные непременно имеют указание на родовую принадлежность и, как и прилагательные, падежные формы (например, им. падеж мн. числа, род. падеж мн. числа). Глаголы в обоих частях словника даются с указанием личных форм; эстонские глаголы фиксируются в двух инфинитивных формах, русские – с указанием вида и, как правило, парного видового глагола.

Таким образом, обе группы пользователей смогут найти в словнике необходимую информацию о слове неродного языка.

Структура двуязычного словаря, обслуживающего две категории пользователей с разными языковыми потребностями и запросами, будет, конечно же, более сложной, чем структура обычного (только активного или только пассивного) двуязычного словаря.

Более того, он будет содержать определенные типы информации, которые необходимы одной из групп пользователей, но являются избыточными для другой группы.

В дополнение к этому язык метаописания в словаре должен быть понятен обеим группам пользователей. Обычно составители помещают в такое издание на двух языках пометы, сокращения, правила пользования словарем.

В целом подобный словарь предъявляет высокие требования к языковой компетенции пользователей. Но эффективность и частота использования такого словаря может быть выше, чем у тех словарей, которые составляются по принципу ориентированности только на одно «направление» (активный – пассивный) и одну группу пользователей.

Поэтому далее в работе в ходе различных обсуждений будут предлагаться варианты по составлению словника для польско-эстонского словаря, который будет полезен как польскому, так и эстонскому пользователю.

На базе проведенного анализа точек зрения относительно того, кто должен быть потенциальным пользователем двуязычного словаря, нами предложен фрагмент проекта вводной части к польско-эстонскому словарю, рассчитанному одновременно на польских и эстонских пользователей.

Поскольку словарь сочетает в себе признаки активного и пассивного словаря, то вводный очерк написан на двух языках – польском и эстонском.

Проект обсуждаемого польско-эстонского словаря нацелен помочь освоению и использованию обоих языков. Внимание пользователей обращается прежде всего на те различия в грамматике польского и эстонского языков, которые помогут стать причиной появления потенциальных языковых ошибок.

Определенные виды информации, содержащейся в словаре, могут быть предназначены для одной из двух групп пользователей, например, сведения о польском/эстонском словоизменении, фиксация нерегулярных флексивных словоформ и отсылки к соответствующей начальной форме слова и пр.

Носитель польского языка, прибегая к помощи такого словаря, сможет переводить тексты или фрагменты речи на неродной эстонский язык, носитель же эстонского языка сможет использовать словарь для чтения/перевода польских текстов на родной язык или для изучения польского языка.

ГЛАВА II

ПРИНЦИПЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОНЕТИКИ И ГРАФИКИ В ПОЛЬСКО-ЭСТОНСКОМ СЛОВАРЕ

1. Фонетика и ее место в двуязычном словаре

Двуязычный словарь включает большое количество разных типов информации, относящейся как к конкретной лексике словаря, так и к обоим задействованным языкам (исходному и выходному) в целом на всех структурных уровнях (микро-, макро-, медиаструктура словаря).

Источником основных сведений об исходном и/или выходном языке является, как правило, предваряющая словник вступительная статья. Подобный очерк может включать данные, касающиеся фонетики, графики, морфологии, синтаксиса, фразеологии одного или же обоих языков. Для пользователя важно, чтобы вся необходимая информация о слове содержалась не только во вводном очерке, но и в соответствующей словарной статье.

Во второй главе нашей работы внимание уделяется ряду фонетических и графических аспектов, которые могут оказаться проблематичными для активного и/или пассивного пользователя потенциального польско-эстонского словаря.

Прежде всего, мы обратимся к таким аспектам фонетики и графики в контексте двуязычного словаря, которые относятся к области расхождений в фонетической системе польского и эстонского языков и способов фиксации этих расхождений. Анализируется также степень соотнесенности фонетики и графики (корреляция между звуком и буквой) в польском и эстонском языках. Внимание уделяется необходимости включения в двуязычный словарь правил произношения и чтения, фонетических таблиц [The principles of the IPA 1967], различных типов транскрипции (выборочная, графическая, аудио-транскрипция).

В конце главы предлагается вариант фрагмента словарной статьи, где фиксируются фонетические и графические особенности лексики обоих языков в потенциальном польско-эстонском словаре.

Как каждый язык, польский и эстонский имеют свои фонетические особенности, на которые принято обращать внимание иностранцев, изучающих язык. Мы придерживаемся мнения о том, что двуязычный словарь призван, прежде всего, быть переводным пособием. Цель – овладеть принципами произношения и чтения – здесь не является первоочередной в силу того, что дидактическая функция словаря второстепенна, но, тем не менее, двуязычный словарь «должен давать пользователю информацию, достаточную для правильного произнесения как леммы, так и эквивалентов» [Берков 1996: 88].

Традиционно составители двуязычных словарей помещают во вводной части фонетические таблицы, призванные исполнять роль самоучителя для тех, кто не владеет навыками произношения фонем и чтения на одном из двух языков (исходном либо выходном). «Продвинутый» пользователь, как правило, прибегает к помощи фонетических таблиц довольно редко, или же не пользуется ими вообще, т. к. необходимые навыки – для чтения или устного общения на иностранном языке – у него уже есть.

Как справедливо отмечает В. П. Берков, «информация о произношении слова складывается из двух элементов – информации о его звуковом составе и информации о его просодической характеристике (ударении, тоне)» [Берков 1996: 88].

Б. Свенсен, говоря о произношении, выделяет среди востребованных в двуязычном словаре типов информации четыре, а именно: а) качественные сведения (например, твердость и мягкость согласных фонем); б) количественные сведения (долгота и краткость фонем); в) позиционные (место ударения в слове); г) тон (для тех языков, где есть тон) [Svensen 2009: 115].

В рамках двуязычного словаря выбор типов фонетической информации зависит от исходного и выходного языков, а также от того, какие задачи этот словарь призван выполнять (словарь активного/пассивного типа).

Сведения о просодических характеристиках польского и эстонского языков во вводном очерке к потенциальному польско-эстонскому словарю должны, по нашему мнению, включать в кратком и понятном виде данные о позиционных, качественных и количественных характеристиках польского и эстонского языков.

Далее в этом разделе исследования мы обращаем внимания на конкретные трудности польской и эстонской фонетики и графики, которые непременно следует учитывать в рамках польско-эстонского словаря.

1.1. Фонетическая транскрипция в двуязычном словаре

К сожалению, далеко не все двуязычные словари содержат информацию о фонетической системе языка и принципах произношения [Wells 1985], в большинстве случаев авторы ограничиваются только общими фонетическими таблицами. Для таких языков, как например, английский или же французский, в словарях¹⁰ дается транскрипция непосредственно внутри словарной статьи.

Транскрипцией могут снабжаться в зависимости от установленных составителем критериев:

- а) все лексемы в левой части словарной статьи (заголовочные слова);
- б) все переводящие эквиваленты в ее правой части;
- в) только определенные лексемы в левой и/или правой части словника (например, слова-исключения, заимствованные слова и пр.);

¹⁰ Не только в двуязычных, но и в учебных, т. н. *learner's dictionaries*.

г) высказывания или части высказывания (в том числе, устойчивые словосочетания, фразеологизмы, иллюстративные примеры и пр.).

Некоторые современные онлайн-словари¹¹ позволяют давать кроме графической, также и аудио-транскрипцию (звучащую, голосовую)¹². В рамках электронной или онлайн-версии потенциального польско-эстонского словаря аудио-транскрипция может использоваться весьма успешно: транскрипцией могут снабжаться абсолютно все элементы словарной статьи: заголовочные слова, переводные эквиваленты, иллюстративные примеры.

По нашему мнению, следует помнить также о том, что в двуязычном словаре кроме вопросов собственно фонетики (т. е. словесного ударения, фонетической транскрипции) необходимо затронуть проблему корреляции между фонетикой и графикой, т. е. между звуковой и визуальной формой слова.

Первостепенно важным в вопросе звукового состава слов является степень соответствия между графикой конкретного языка и его звуковой системой [Берков 1996: 91–100].

Языки с четко выраженным фонематичным принципом орфографии, как правило, в транскрипции не нуждаются. Лексикографы и исследователи-теоретики в качестве наглядного примера приводят в данном случае финский язык [Al-Kasimi 1983; Wells 1985; Берков 1996; Svensen 2009]. В финском языке наличествует почти полная – «один в один» – корреляция между звуковой и графической формой слова, а «само написание слова дает полную информацию о его звучании» [Берков 1996: 88]. В такой ситуации произношение полностью подчиняется «правилам чтения, которые выражают соотношение между фонемой и графемой, речью и письмом» [Wells 1985: 45].

Из этого следует логический вывод о том, что носителю иностранного языка, который сталкивается с финским языком, для верного произношения или прочтения финского слова вспомогательная информация не требуется.

Но все же, аудио-транскрипция слов и даже словосочетаний в рамках финско-иноязычного или иноязычно-финского словаря была бы значительной помощью для изучающих финский язык. С помощью аудио-транскрипции двуязычный словарь становится важным источником фонетических сведений о языке.

В случае языков с «плохой орфографией», как, например, английский или французский, фонетическая транскрипция (хотя бы выборочная) является необходимой, так же, как и фиксация ударения в слове.

¹¹ Например, англо-русский онлайн-словарь на *lingvolive.ru*.

¹² Еще в конце 1970-х гг. Аль-Касими писал о том, что «двуязычный словарь должен включать запись или ленту, содержащую ключевые слова и предложения, произнесенные носителем выходного языка» [Al-Kasimi 1983: 42]. На наш взгляд, аналогичное замечание было бы справедливо и для исходного языка.

Один из предлагаемых, например, Аль-Касими вариантов фиксации фонетической транскрипции в двуязычном словаре, заключается в том, что «только проблематичная фонема слова должна быть затранскрибирована» [Al-Kasimi 1983: 43]. Таким образом, в квадратные скобки будет помещена лишь только та часть слова – которая может вызвать трудности при чтении у человека, не владеющего в должной степени правилами чтения на том или ином иностранном языке.

Я. Малкиэль такой подход «сокращения фонетической информации» – в зависимости от каждого конкретного случая – называет «наиболее экономным и, в то же время, дидактически наиболее эффективным» [Malkiel 1971: 370–371].

В. П. Берков по поводу необходимости транскрипции для языков со слабой соотносительностью между фонемой и графемой, как тот же английский, отстаивает мнение об избирательном подходе к транскрибированию слов: «Все те леммы, где буквы читаются в соответствии с основными правилами, <...> транскрипции не требуют» [Берков 1996: 91].

В рамках потенциального польско-эстонского словаря использование транскрипции должно, прежде всего, помочь эстонскому пользователю справиться со сложными для него – с точки зрения произношения и чтения – польскими фонемами, лексемами и фразами.

Но и польскому пользователю необходима в ряде случаев аналогичная помощь с эстонским языком, т. к. в польском языке отсутствуют некоторые фонемы, характерные для эстонского языка. В традиционном бумажном словаре в подобных ситуациях транскрипция будет иметь стандартный вид, т. е. будет помещаться в квадратные скобки¹³.

Электронная и онлайн-версии словаря позволяют использовать транскрипцию в неограниченном объеме: аудио-транскрипцией можно снабдить заголовочные слова, их эквиваленты, иллюстративные примеры как в левой, так и в правой части словника.

На практике аудио-транскрипция «звучит», если, как вариант, на необходимое слово навести курсор и «кликнуть» – так, например, работает аудио-транскрипция в англо-русском словаре на сайте *lingvolive.ru*.

Ниже приводятся необходимые, на наш взгляд, помимо собственно транскрипции, фонетические и графические параметры польского и эстонского языка, которые должны получить отражение в потенциальном двуязычном польско-эстонском словаре.

¹³ К примеру, в [Nurmik, Skomorowski 1937] при описании фонетических особенностей эстонского и польского языка авторы дают объяснение фонетических особенностей польского и эстонского языков посредством русского языка: например, «*żaba* = *żaba* – *konn* (венек. *жаба*)»; «*õõ* – *нос*. (podobnie do rosyjskiego *ě* w słowie *лѣн*) <курсив наш – А. Ч.>» [Nurmik, Skomorowski 1937, 1938, 1939: 5–6]. В данном случае авторы привлекли русский языковой материал в силу близкого родства с польским языком, рассчитывая при этом, что носители как польского, так и эстонского языка имеют хотя бы минимальные навыки владения русским языком.

1.2. Трудности эстонской фонетики для носителей польского языка

Эстонский язык вслед за родственным финским является языком с ярко выраженным фонетическим принципом орфографии («как слышим, так и пишем»). Словари эстонского языка – эстонско-иностранноязычные и иностранно-эстонские – снабжаются, как правило, фонетическими таблицами; при этом транскрипция лексем в самом словнике не используется.

В эстонском языке словесное ударение – динамическое, падающее всегда на первый слог: *sõna, otsustama, roheline*. Необходимо помнить и о наличии не только основного (на первом слоге), но и дополнительного ударения (например, *tágasiside, móotorpáat*), о котором в двуязычных словарях, как правило, сведений нет.

Информацию о дополнительном ударении можно указать не только во введении, но и в соответствующей словарной статье. В заимствованных словах ударение не всегда падает на первый слог: *fantáasia, variánt*. Подобные случаи также можно описать во введении и указать в словарной статье. Как исключение выступают междометия типа *aitáh*; подобные случаи следует оговорить во введении к словарю.

В контексте двуязычного польско-эстонского словаря с точки зрения носителя польского языка наиболее сложным фонетическим свойством эстонского языка, на наш взгляд, является оппозиция фонем по долготе и краткости, или фонетическая квантитативность.

Эстонский язык один из немногих, в котором понятие количества или квантитативности (эст. *kvantiteet*) имеет первоочередное значение [Wiik 1991: 95–96, Ariste 1984: 45–48]. Отсюда и особое название языка – „*kvantiteedikeel*” [Ariste 1984: 30], так как количественные сведения о фонемах (их долгота и краткость) в эстонском языке определяют разницу лексических и морфологических значений. От квантитативности в эстонском языке зависят словесная интонация, ритм, качественные характеристики звуков.

С понятием квантитативности неразрывно связано понятие ступени (эст. *välde*) и, собственно, системы ступеней, в рамках которой лексика языка маркируется согласно степени долготы (I, II и III степень долготы, т. е. ступень: I степень *vaba* – II степень *raamat* – III степень *raame*). В классическом виде эта система состоит из трех ступеней, хотя некоторые исследователи выделяют большее количество ступеней (см.: [Ariste 1984: 31, EKG 1995: 110]).

Для носителей польского языка, как, впрочем, и для других иностранцев, изучающих эстонский язык, это явление нередко оказывается сложным для понимания и усвоения, поскольку требует не просто знания правил грамматики и лексического значения слова, но и навыка, способности на слух определять ту или иную степень долготы и уметь артикулировать эстонские лексемы по правилам системы эстонских фонетических ступеней.

Степень долготы в эстонском языке имеет смысловозначительную функцию: например, I степень *sada* (числ. ‘сто’) – II степень *saada* (импер. ‘отправь’). При этом II и III степень имеют, как правило, еще и значимую для грамматики эстонского языка форморазличительную функцию: например, II степень *koera saba* (эст. ‘хвост собаки’) – III степень *näen koera* (эст. ‘вижу собаку’) [Кюльмоя, Вайгла, Солль 2003: 12].

Оптимальным средством для усвоения системы ступеней в эстонском языке и снижения числа возможных грамматических и прочих ошибок со стороны носителя польского языка может стать аудио-транскрибирование. Особенно это актуально для электронных и онлайн-словарей.

Поскольку для польского языка оппозиция фонем по долготе и краткости является нехарактерной, то для носителей польского языка в соответствующем электронном польско-эстонском словаре необходимо дать аудио-транскрипцию эстонских лексем в тех случаях, где долгота и краткость фонем имеет также и смысловозначительную функцию, например: *on – onn, tal – tall, kuul – kull, kaas – kass, rist – riist* и пр.

Ввиду того, что активный словарь предполагает, что польский пользователь будет переводить польский текст или высказывание на эстонский язык, то уместным нам кажется использование аудио-транскрипции в рамках электронного и онлайн-словаря, чтобы эстонские эквиваленты в прямом смысле зазвучали: звучащая транскрипция поможет услышать разницу между долгими и краткими звуками и соотнести эти отличия с графическим написанием (одна или две буквы) соответствующих слов.

Аудио-транскрипция, таким образом, поможет избежать ошибок, а также уменьшить акцент у носителей польского языка.

Понятно, что в двуязычном словаре правилам чтения и произношения не может быть уделено такое же пристальное внимание, как в учебнике или методическом пособии. И если ориентироваться при составлении двуязычного словаря на пользователя, который плохо знаком или вовсе не знаком с эстонским языком, то, как нам представляется, использование аудио-транскрипции является необходимым и оправданным.

1.3. Трудности польской фонетики для носителей эстонского языка

Ударение в польском языке динамическое, фиксированное на предпоследнем слоге: *wydawać, nauczyciel, lekki*. Но есть ряд исключений, о которых следует упомянуть во введении и также в рамках соответствующей словарной статьи:

- 1) в заимствованных словах, таких, как *múzyka, fízyka, krýtyka* и пр., ударным является первый слог;
- 2) в некоторых личных формах глагола: *robiliśmy, zapomniałiśmy*).

В потенциальном польско-эстонском словаре следует также отметить случаи, когда в словах, состоящих более чем из трех слогов, появляется еще и дополнительное ударение на первом слоге: *úzasadniońy, ódrabiánie*.

Польский язык имеет отличную от эстонского языка систему фонетико-орфографических связей. Отличия в произношении звуков и слов, обусловленные позиционными изменениями, влекут за собой существенный разрыв между произношением и письмом [Dukiewicz, Sawicka 1995].

В польской орфографии преобладает морфологический принцип письма, который требует придерживаться по возможности одинаковой письменной фиксации словообразовательных фрагментов, несмотря на изменения в их произношении¹⁴.

В эстонском языке квантитативность в слове стоит на первом месте, а интонация, с фонетической точки зрения, – это явление сопутствующее.

По отношению к польскому языку понятие квантитативности не является значимым, так как здесь оппозиция по долготе и краткости фонем нерелевантна. В польском языке к смыслоразличительным относятся качественные различия между фонемами [Nagórko 1998].

В двуязычном польско-эстонском словаре с целью упростить освоение польской фонетики и графики эстонскими пользователями необходимо обратить внимание на правила произношения носовых гласных, шипящих согласных, а также на случаи т. н. орфографической синонимии.

Овладение правилами произношения и чтения ряда фонем важно как для носителей польского языка, так и для иностранцев, изучающих польский язык. Особое внимание следует уделять произношению носовых гласных, обозначаемых буквами *q* и *ę* ввиду того, что, во-первых, в эстонском языке таких фонем и графем нет, и, во-вторых, по причине того, что носовые гласные подчиняются в польском языке разным правилам чтения.

В зависимости от занимаемой в слове позиции польские носовые *q* и *ę* имеют несколько вариантов произношения [Maciołek, Tambor 2012: 49–51]: *kępa* [kɛmpa], *pręt* [prent], *pełk* [peɲk], *rąbać* [rombać], *kąt* [kont], *pałk* [poɲk], *wąs* [vɔs], *maż* [mɔʂ], *zwezić* [zvezić]. Поэтому носовые гласные требуют повышенного внимания при изучении польского языка.

В двуязычном польско-эстонском словаре транскрипция (звучащая – в электронном и онлайн-словаре) слов с носовыми гласными непременно должна присутствовать, ведь ее наличие способствует правильной артикуляции польских слов.

Определенные сложности, возникающие при овладении польской орфографией и навыками чтения на польском языке, получили отражение в т. н. «орфографической синонимии» [Берков 1996: 89] – явлении, когда одной и той же фонеме соответствует два или более способа графического отображения на письме.

¹⁴ Сюда можно отнести, например, случаи уподобления групп согласных, упрощения групп согласных: *koz-a – kóz-ka, law-a – law-ka*.

Так, например, одинаково читаются звуки, которые на письме имеют несколько вариантов фиксации, и соответственно одна фонема в таких словах графически оформляется по-разному:

[ś]: *śnieg, uśmiech – siano, jesień*
[ć]: *ćwikła, złość – cień, mycie*
[ż]: *żart, róża – rzeka, morze*
[ź]: *źle, późno – zima, poziom*
[ń]: *tuńczyk, cień – ponieważ, pranie*
[u]: *mózg – szum*

В двуязычных словарях, где одним из языков является именно польский, в большинстве случаев приводится базовая фонетическая таблица с более или менее развернутым комментарием, объясняющим, как следует произносить тот или иной звук, букву, сочетание букв.

В потенциальном бумажном двуязычном польско-эстонском словаре сложные случаи следует снабдить частичной фонетической транскрипцией, которая бы отражала фонетическую специфику конкретной буквы или сочетания букв (например, *późno* [-uź-], *morze* [-ż-]).

В электронном словаре, а также в онлайн-словаре, которые в наименьшей степени зависимы от объема издания, уместно использование аудио-транскрипции.

Как отмечает П. Аристе, «kuulma peab „õppima”» [Ariste 1984: 56], что значит «нужно “учиться” слышать». Носители эстонского языка, например, испытывают сложности при различении ряда русских букв и соответствующих им согласных фонем, таких, как, например, [б], [д], [з], [ш], [ж], [ц], [ч] по причине того, что они не являются исконно эстонскими. Нетрудно предположить, что «неродные» для эстонца польские фонемы, графически отображаемые как *cz, sz, rz, dż, dź, dz, ś, ć, ź, ż*, а также *ł* (напр., в словах *czerwony, sześć, żółty, korzystać, przez*) окажутся источником дополнительных трудностей.

Как следствие этой «дисфункции» выступает не только частое неверное чтение этих фонем, но и ошибки на письме (*draama teater – *traama teater; diivan – *tiivan, šokolaad – *sokolaad, brigaad – *prigaad*). Причем не только тогда, когда это касается родного эстонского языка, но также и иностранных языков. Поэтому частичная письменная транскрипция и (выборочная) аудио-транскрипция лексики польского языка в словнике двуязычного словаря во многом были бы полезны носителю эстонского языка.

1.4. Представление информации о фонетических и орфоэпических особенностях эстонского и польского языков в двуязычном польско-эстонском словаре

Наличие во вводной части словаря фонетических сведений является, бесспорно, важным и незаменимым источником языковой информации практического характера.

В нашем случае носитель польского языка будет нуждаться в сведениях о фонетических особенностях эстонского языка в той же степени, что и носитель эстонского языка относительно информации о фонетике польского языка.

Все, что связано с просодической характеристикой слова применительно к польскому и эстонскому языку, не требует, на наш взгляд, подробного и развернутого анализа во введении к словарю, так как в обоих языках ударение фиксированное.

Исключения немногочисленны, и могут быть оговорены во вступлении к словарю, или непосредственно в рамках словарной статьи, где это заголовочное слово или же его эквивалент фиксируется.

Как в польском, так и в эстонском языке графема способна менять лексическое значение слов, что немаловажно с коммуникативной точки зрения, поскольку одна буква в некоторых случаях полностью изменяет слово и даже смысл целого высказывания, например, в эстонском: *kari, kerī, kuri, kiri, kōri* и в польском *dym/tym, dom/tom, dam/tam, kosa/koza, mala/miala*. Внимательность при произношении и чтении слов неродного польского или эстонского языка в таком случае крайне важна.

При использовании транскрипции для обозначения произношения составитель двуязычного словаря должен, прежде всего, решить, какую систему транскрипционных символов он будет применять:

- 1) специально разработанный международный фонетический алфавит (IPA) [The principles of the IPA 1967, Wiik 1991];
- 2) алфавит одного из двух представленных в словаре языков, используя при необходимости некоторые дополнительные символы.

При условии, что словарь выйдет в электронном формате или в онлайн-версии, аудио-транскрипцию возможно поместить при большем количестве слов, или даже при каждом, в зависимости от ресурсов, которыми располагают составители словаря.

Кроме собственно вполне традиционных фонетических таблиц мы предлагаем ввести частичную (выборочную) транскрипцию в самом словнике.

В польско-эстонском словаре, рассчитанном на обе группы пользователей, транскрипция должна использоваться как в левой, так и в правой части словника. Транскрипция также необходима, на наш взгляд, если в одной из форм слова появляются чередования, которые меняют не только

графический, но и фонетический облик слова (например, пол. *mąż – dla męża*).

На наш взгляд, звучащая транскрипция может быть вполне успешно использована и применительно к эстонскому языку в электронном или онлайн-словаре. В рамках двуязычного польско-эстонского словаря транскрипция эстонских лексем будет нацелена на помощь носителю польского языка в произношении и чтении эстонских слов и выражений.

Для примера приведем фрагменты нескольких словарных статей в потенциальном польско-эстонском словаре, содержащие частичную или полную фонетическую транскрипцию, постановку ударения в заимствованных словах:

deszcz [-šč] *m* <...> vihm <...>
dydákty|ka *f* <...> didákтика
filizán|ka [-ž-] *f* <...> tass [taš] <...>
znów [-u-] <...> taas [tās] <...>

ГЛАВА III

ПРИНЦИПЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СЛОВА В ПОЛЬСКО-ЭСТОНСКОМ СЛОВАРЕ

1. Морфология и ее место в двуязычном словаре

Третья глава диссертации посвящена определенным видам морфологической информации, необходимым, по нашему убеждению, для книжного и электронного издания двуязычного польско-эстонского словаря. Для анализа были выбраны три «основные» части речи как наиболее полно отражающие систему языка в целом: имя существительное, имя прилагательное и глагол.

Прежде всего рассматриваются морфологические аспекты указанных частей речи, которые представляются сложными для усвоения носителю другого языка (польского/эстонского) в виду их отсутствия или же отличий от аналогичных характеристик в родном языке, а учитывая лексикографическую тематику работы, акцент делается на способах фиксации этих грамматических характеристик в двуязычном польско-эстонском словаре.

Здесь же будет представлен краткий анализ морфологической составляющей в ряде лексикографических изданий (некоторые из них уже привлекались для разбора в предыдущем разделе работы). Цель данной главы – подвергнуть анализу данные словарных статей существующих словарей и предложить свой алгоритм построения словарной статьи в польско-эстонском словаре для лексем указанных частей речи.

Морфологические и синтаксические сведения о слове в рамках словаря в понимании обычного пользователя и есть та самая «грамматика», за которой он обращается к словарю. В особенности это касается двуязычного словаря, поскольку он должен предоставить «иностранцу всю необходимую информацию без отсылки его к справочнику по грамматике» [Al-Kasimi 1983: 50].

По словам Г. Джексона, словарная статья может содержать четыре типа грамматической информации: во-первых, сведения о флексии, особенно в том случае, если присутствуют исключения из правил; во-вторых, пометы, указывающие на принадлежность слова к той или иной части речи или классу слов; в-третьих, эксплицитные синтаксические сведения, например, традиционное обозначение глаголов как переходных или непереходных; в-четвертых, иллюстративные примеры¹⁵, которые имплицитно или же эксплицитно обеспечивают грамматическую и особенно синтаксическую информацию в словарной статье [Jackson 1985: 54].

¹⁵ В настоящем исследовании вопрос, связанный с принципами отбора материала для иллюстративных примеров, не затрагивается.

Зафиксированная в двуязычном словаре морфологическая информация способствует изучению языка и делает иностранного пользователя словарем более самостоятельным, давая ему возможность без посторонней помощи порождать правильные с точки зрения грамматики высказывания на изучаемом языке.

В рамках двуязычного словаря грамматическую информацию о слове, согласно Беркову, можно представить как «сумму двух частных характеристик – парадигматической и синтагматической» [Берков 1996: 109]¹⁶. Двуязычный словарь, таким образом, призван давать как пассивному, так и активному пользователю сведения, достаточные для того, чтобы образовать любую форму лексической парадигмы «и грамматически правильно употребить это слово в контексте» [там же].

Среди парадигматических характеристик Берков выделяет «несколько взаимно пересекающихся классов» [там же: 111], характеризующих взаимосвязь между грамматикой и:

- а) языковым материалом словарной статьи;
- б) структурой словарных помет словаря;
- в) степенью полноты сообщаемой о слове информации;
- г) типом парадигматических изменений, приписываемых конкретному слову.

Синтагматическая информация в рамках морфологических характеристик о слове подразумевает сведения о его управлении («правое» и «левое» управление) и сочетаемости.

Объем и степень полноты как парадигматической, так и синтагматической информации разнятся от словаря к словарю. Для традиционных печатных словарей проблема ограниченности объема не позволяет, в отличие от электронных проектов, в полной мере отразить указанные выше типы грамматической информации о слове [Marcinkevičienė 2007: 49].

Грамматический очерк во введении к двуязычному словарю предполагает наличие сравнительных исследований грамматик обоих языков. Что касается польского и эстонского языков, то здесь ситуация складывается не в нашу пользу – на сегодняшний день сравнительных работ по изучению польского и эстонского языка нет.

Польский и эстонский языки относятся к разным языковым группам: польский входит в число западнославянских языков, а эстонский относится к прибалтийско-финским языкам.

В силу отсутствия типологического родства между польским и эстонским языком имеется ряд существенных отличий, в том числе и морфологических, на которые необходимо обратить внимание при составлении двуязычного словаря.

¹⁶ Как и Джексон, Берков опирается на те же типы информации, но лишь с той разницей, что представляет их в более общем виде, а не так детально, как это делает Джексон.

Мы можем опираться лишь на аналогичные контрастивные исследования, проводимые для родственных языков, например, очерки по сравнительной грамматике русского и эстонского языков [Пялль, Тотсель, Тукумцев 1962; Mölder 1967; Кюльмоя, Вайгла, Солль 2003]. Эти работы позволяют выделить основные отличия русского языка от эстонского и уже перенести полученные результаты на материал интересующих нас языков – польского и эстонского.

Далее сравниваются морфологические характеристики трех частей речи в польском и эстонском языках: имени существительного, имени прилагательного и глагола.

1.1. Имя существительное в эстонском и польском языке

В эстонском языке имя существительное изменяется по числам и падежам. В польском языке существительное характеризуется родовой соотношенностью, одушевленностью-неодушевленностью, изменяется по числам и падежам, и во множественном числе характеризуется категорией лично-мужского или нелично-мужского рода¹⁷.

Среди категориальных отличий польских и эстонских имен существительных необходимо, прежде всего, обратить внимание на категорию одушевленности-неодушевленности и на категорию рода, которые в эстонском языке отсутствуют.

Категория рода в эстонском языке не имеет формальных грамматических показателей, но, несмотря на это, пол живого существа возможно указать при помощи ряда словообразовательных суффиксов [Кюльмоя, Вайгла, Солль 2003: 20–31, 45].

В польском же языке, кроме свойственных всем славянским языкам мужского, среднего и женского грамматического рода с четко выраженными формальными показателями, есть дополнительно категория лично-мужского и нелично-мужского рода, которая проявляется в формах множественного числа существительных и является одной из самых сложных для усвоения изучающими польский язык иностранцами.

Потенциальный польско-эстонский словарь, рассчитанный на обе группы пользователей, должен в словарной статье содержать информацию, указывающую на:

- 1) часть речи, т. е. имя существительное;
- 2) одушевленность / неодушевленность (только левая часть статьи);
- 3) грамматический род (только левая часть статьи);
- 4) модель словоизменения и выборочно (в печатной версии) или же полностью (в электронной версии) формы косвенных падежей.

¹⁷ В некоторых источниках можно встретить термин «категория мужского лица». См., напр., [Программа 1984].

Важно также учитывать возможные ошибки пользователей, связанные с отличиями в образовании форм числа: случаи существительных *singularia tantum* и *pluralia tantum*.

Рассмотрим, какое отражение получают эти показатели в единственном существующем на сегодняшний день эстонско-польском словаре, а также в ряде других словарей, чтобы решить, является ли данная информация достаточной и адекватной для того, чтобы пользователь смог правильно употребить тот или иной эквивалент.

1.2. Грамматическая категория рода в польском языке

Грамматическая категория рода присуща всем без исключения польским именам существительным. Определение грамматического рода подчиняется целому ряду правил, с которым рядовой эстонский пользователь двуязычного польско-эстонского словаря, вероятнее всего, не знаком. Поэтому вполне целесообразно в рамках именных словарных статей обращать внимание пользователя на данную грамматическую категорию и морфологические особенности соответствующих заголовочных слов.

Если говорить о практическом аспекте использования грамматической категории рода в словарной статье, то здесь категория рода раскрывается, прежде всего, в семантических группах имен существительных (в том числе и имен собственных), обозначающих этнонимы и лиц по роду деятельности и пр., а также названия животных.

Для начала обратимся к уже обсуждавшемуся словарю ЭПС с тем, чтобы продемонстрировать один из способов фиксации в словнике информации, связанной с наличием категории рода в польском языке и ее отсутствием в эстонском языке. В эстонском предисловии к ЭПС приводятся краткие сведения, касающиеся категории рода в польском языке: «В польском языке существует категория рода, вследствие чего все имена существительные распределяются по трем родам: мужскому *m*, женскому *f* и среднему роду *n*» [ЭПС: 7].

О том, каким образом выглядит классификация существительных в польском языке согласно категории рода, составители словаря пишут следующее: «Имена существительные мужского рода оканчиваются, как правило, на согласную, например: *chłop* ‘крестьянин’, *ksiądz* ‘священник’. У существительных женского рода окончание *-a*, *-i*, или суффикс *-ość*, например: *matka* ‘мать’, *pani* ‘пани’, *miłość* ‘любовь’. У существительных среднего рода окончание *-e*, *-ę*, *-o*, *-um*, например: *pole* ‘поле’, *imię* ‘имя’, *okno* ‘окно’, *muzeum* ‘музей» [там же]. При этом отсутствует необходимая информация о категории одушевленности и неодушевленности в польском языке и о наличии во множ. числе у существительных муж. рода особой личномужской формы.

В самих словарных статьях авторы уже не всегда указывают с помощью общепотребительных латинских помет *m*, *f*, *n* (или каких-либо других) род существительных.

Проработав словарь, мы установили, что помета не ставится в тех случаях, когда имена существительные соответствуют регулярным правилам родовой категориальности существительных в польском языке, кратко описанным во введении. Таким образом, указав необходимые сведения во введении, составители словаря экономят место в основной его части.

В определенной степени это стремление к экономии места кажется нам все же не вполне оправданным, т. к. эстонскому пользователю словарем придется возвращаться к введению, чтобы не ошибиться в определении рода того или иного существительного¹⁸. При этом в тех случаях, когда имя существительное в польском языке не соответствует правилам, приведенным во введении, в словарной статье отмечается категория рода существительных:

Таблица 1.

koleeg	kolega <i>m</i>
külaline	gość <i>m</i>
öö	noc <i>f</i>
mälu	pamięć <i>f</i>
nelk	góździk
meri	morze
kõrgus	wysokość

В ряде случаев эстонскому слову соответствует польский эквивалент в двух вариантах – форме муж. и жен. рода. Это лексемы, обозначающие живых существ (конкретно – человека по роду деятельности), т. е. одушевленные существительные, информация о которых (особенно об их строгих формальных разграничениях по роду в польском языке) во введении к словарю, к сожалению, отсутствует.

Составители словаря без каких-либо дополнительных пояснений или помет помещают оба польских эквивалента в одну словарную статью. Сначала приводится существительное муж. рода, затем существительное жен. рода, напр.:

¹⁸ Пользователю-нефилологу зачастую непонятен язык лингвистических терминов, даже таких, казалось бы, обычных, как *гласный*, *согласный*, *окончание* и т. д. Словарем было бы гораздо удобнее пользоваться, если бы пометы давались при каждом слове.

Таблица 2.

armuke	kochanek	kochanka
arst	lekarz	lekarka
joodik	pijak	pijaczka
elanik	mieszkaniec	# <i>mieszkanka</i>
kodanik	obywatel	# <i>obywatelka</i>
sõber	przyjaciel	
	chłopak	
	kolega <i>m</i>	

Если возникает необходимость перевода с эстонского языка на польский существительных такого типа, то эстонский пользователь словарем оказывается в ситуации выбора между двумя лексемами. Причем этот выбор для него в целом ничем не мотивирован, т. к. в эстонском языке различие по роду не является релевантным с точки зрения грамматики.

С большой долей вероятности можно предположить, что без дополнительного объяснения того, в какой ситуации следует употреблять ту или иную лексему, носителю эстонского языка будет крайне сложно сделать верный выбор.

Отметим, что в подобных случаях составители словаря не всегда поступают последовательно. В ряде словарных статей они опускают польский эквивалент жен. рода. Напр., #*mieszkanka* и #*obywatelka* в Таблице 2: формы жен. рода не указываются в соответствующих словарных статьях. Нам так и не удалось выявить закономерность отбора слов, при переводе которых на польский язык форма жен. рода не приводится. Рискнем предположить, что составители словаря руководствовались принципом частотности употребления лексики, в частности имен существительных.

Укажем и на «обратный» случай не совсем, как нам кажется, удачного расположения слов в этом словаре. Эстонские лексемы *sõber* (Таблица 2), *sõbranna* и *sõbratar* (Таблица 3) помещены в отдельные словарные статьи. РазносUFFIXальные существительные для обозначения лиц жен. пола *sõbranna* и *sõbratar* с абсолютно одинаковыми эквивалентами в польском языке даны в словаре как синонимы, но в отдельных словарных статьях:

Таблица 3.

sõbranna	sõbratar	przyjaciółka dziewczyna koleżanka
sõbratar	sõbranna	przyjaciółka dziewczyna koleżanka

Исходя из принятого в этом лексикографическом издании способа представления подобной лексики, целесообразнее, на наш взгляд, было бы поместить их в одну словарную статью к лексеме *sõber*.

Для сравнения обратимся к некоторым другим славянско-эстонским и эстонско-славянским словарям. В РЭС у существительных (помета С)¹⁹ всегда указывается род (пометы *м, ж, ср*), число, одушевленность/ неодушевленность, при отклонениях в словоизменении указываются падежные формы, а также нерегулярные словоформы; арабские цифры при заголовочном слове указывают на модель склонения²⁰.

Представим краткий анализ репрезентации вариантов лексем муж. и жен. рода в РЭС. Однокоренные слова муж. и жен. рода даются в разных словарных статьях. В каких-то случаях лексема жен. рода снабжается только отсылкой к форме муж. рода, как, например, в случае с существительными *студентка, жилища, жиличка, жительница*:

Таблица 4.

студент <i>С м. од.</i>	üliõpilane, tudeng
студентка <i>С ж. од.</i>	<i>vt.</i> студент
жилец <i>С м. од.</i>	üürnik; elanik
жилица <i>С ж. од.</i>	<i>vt.</i> жилец
жиличка <i>С ж. од. kõnek.</i>	<i>vt.</i> жилец
житель <i>С м. од.</i>	elanik
жительница <i>С ж. од. kõnek.</i>	<i>vt.</i> житель

Или же дается только перевод на эстонский язык без отсылки к существительному муж. рода, как в случае с существительными *гражданка, соседка, подруга*:

Таблица 5.

гражданин (<i>мн. ч. граждане, граждан</i>) <i>С м. од.</i>	kodanik
гражданка <i>С ж. од.</i>	(nais)kodanik
сосед (<i>мн. ч. род. п. соседей, дат. п. соседям</i>) <i>С м. од.</i>	naaber, naabrimees, üleaedne
соседка <i>С ж. од.</i>	naabrinaine, naabrinna, üleaedne
друг <i>С м. од.</i>	sõber
подруга <i>С ж. од.</i>	sõbranna, sõbratar

¹⁹ Напомним, что в РЭС язык помет – русский.

²⁰ В целях удобства восприятия словарного материала данная информация в таблицах ниже не приводится; фиксируются случаи, когда имя не склоняется.

В ЭРС принцип расстановки грамматических помет сплошной: как эстонские леммы, так и их русские соответствия сопровождаются пометами. Для существительных – это, прежде всего, падежные формы: эстонские лексемы снабжаются формами трех первых падежей ед. числа, а также формой иллатива, и второго и третьего падежей множ. числа. Русские существительные непременно имеют указание рода и тех или иных падежных форм.

Переводные эквиваленты с разной родовой принадлежностью фиксируются одновременно в правой части словарной статьи. Дополнительных пояснений на эстонском языке к русским эквивалентам жен. рода (который в эстонском языке формальных показателей не имеет, но в контексте двуязычного словаря именно форма жен. рода является маркированной) нет (ср. со статьей *гражданка* в РЭС):

Таблица 6.

kodanik (kodanik, kodaniku, kodanikku, kodanikku, kodanikkude & kodanike, kodanikkusid & kodanikke S)	1. гражданин <гражданина, <i>мн.ч. им.</i> граждане, <i>род.</i> граждан <i>м</i> >, гражданка <гражданки, <i>мн.ч. род.</i> гражданок <i>ж</i> >; 2. <i>aj (linnakodanik)</i> бюргер <бюргера <i>м</i> >, горожанин <горожанина, <i>мн.ч. им.</i> горожане, <i>род.</i> горожан <i>м</i> >
--	--

В случае статьи к слову *elanik* отметим, что жен. форма русского соответствия не указывается для лексемы *жилец*:

Таблица 7.

elanik (elanik, elaniku, elanikku, elanikku, elanikkude & elanike, elanikkusid & elanikke S)	житель <жителя <i>м</i> >, жительница <жительницы <i>ж</i> >, жилец <жильца <i>м</i> >, обитатель <обитателя <i>м</i> >, обитательница <обитательницы <i>ж</i> >
---	--

К лексеме *жилец* не добавлен жен. вариант *жилица* / *жиличка*. Хотя если мы обратимся к РЭС, то увидим, что там содержатся отдельные словарные статьи для форм *жилица* и *жиличка* с отсылкой к форме *жилец*.

То же самое можно обнаружить, если сравнить статьи *üliõpilane* и *tudeng* – форма *вузовка* не указывается в статье *tudeng*, ср.:

Таблица 8.

üli+õpilane (+õpilane, õpilase, õpilast, õpilasse, õpilaste, õpilasi S)	студент <студента <i>м</i> >, студентка <студентки, <i>мн.ч. род.</i> студенток, <i>дат.</i> студенткам <i>ж</i> >, вузовец <вузовца <i>м</i> >, вузовка <вузовки, <i>мн.ч. род.</i> вузовок, <i>дат.</i> вузовкам <i>ж</i> >
tudeng (tudeng tudengi, tudengit, -, tudengite, tudengeid S)	<i>kõnek (üliõpilane)</i> студент <студента <i>м</i> >, студентка <студентки, <i>мн.ч. род.</i> студенток, <i>дат.</i> студенткам <i>ж</i> >, вузовец <вузовца <i>м</i> >

Эстонское существительное жен. рода *naabrinna* ('соседка') в ЭРС не указывается ни как отдельная словарная статья, ни как вариантная словоформа жен. рода существительного *coced* в рамках словарной статьи *naaber*:

Таблица 9.

naaber (naaber, naabri, naabrit, -, naabrite, naabreid S)	сосед <соседа <i>м</i> >, соседка <соседки, <i>мн.ч. род.</i> соседок <i>ж</i> >
--	--

Связь между членами триады эстонских существительных *sõber-sõbranna-sõbratar* в рамках ЭРС отображается таким образом, что муж. форма *sõber* и две жен. формы *sõbranna-sõbratar* не соотносятся друг с другом посредством отсылок:

Таблица 10.

sõber (sõber, sõbra, sõpra, sõpra, sõprade, sõprasad & sõpru, S & Adj)	1. < <i>S</i> > друг <друга, <i>мн.ч. им.</i> друзья, <i>род.</i> друзей, <i>дат.</i> друзьям <i>м</i> >, приятель <приятеля <i>м</i> >
sõbranna (sõbranna, sõbranna, sõbrannat, -, sõbrannade, sõbrannasid S)	подруга <подруги <i>ж</i> >, приятельница <приятельницы <i>ж</i> >, подружка <подружки, <i>мн.ч. род.</i> подружек, <i>дат.</i> подружкам <i>ж</i> > <i>kõnek</i> товарка <товарки, <i>мн.ч. род.</i> товарок, <i>дат.</i> товаркам <i>ж</i> > <i>madalk</i>
sõbratar (sõbratar, sõbratari, sõbratari, sõbratari, sõbrataride, sõbratate S)	<i>vt sõbranna</i>

Лексемы *sõbranna* и *sõbratar* в том виде, как они указываются в ЭРС, можно считать синонимами без каких-либо семантико-стилистических различий.

В ЧЭС задача фиксации в словарной статье категории рода и представления жен. и муж. формы одной лексемы решается авторами этого словаря таким образом, что грамматический род чешских существительных обозначается латинскими *m*, *f* и *n*. В случае существительных общего рода указываются две буквы: **chot'** *m, f lit.* – *abikaasa*. Жен. и муж. формы одной лексемы в этом словаре даются вместе, в одной словарной статье:

Таблица 11.

občan <i>m, -ka f</i>	kodanik
obyvatel <i>m, -ka f</i>	1) elanik; asukas; asunik; 2) üüriline
pracovnice <i>f, -ník m</i>	töötaja, tööline
student <i>m, -ka f</i>	1) keskkooliõpilane; 2) üliõpilane

Одна из заголовочных лексем приводится в полной форме, другая же – сокращенно, т. е. фиксируется только формант (**-ník** для муж. рода и **-ka** для жен. рода), указывающий на форму другого рода.

Таким образом, в различных словарях наблюдаются разные подходы к оформлению подобных именных статей. В рамках потенциального польско-эстонского словаря муж. и жен. вариант лексемы (как в левой, так и в правой части статьи) необходимо фиксировать вместе, поскольку пользователь словарем получит всю необходимую информацию, касающуюся родовой принадлежности слова.

1.3. Этнонимы мужского и женского рода в эстонском и польском языке

Этнонимы обычно составляют небольшую по количеству слов группу существительных, обозначающих представителей той или иной народности или национальности. В словарях этнонимы нередко выносятся за рамки словника – в отдельный список слов.

В двуязычных словарях, которые анализируются в данном исследовании, этнонимы включены в основной словник. Поскольку этнонимы существуют в контексте грамматической категории рода (муж. и жен. этнонимы), далее на материале словарей выявляются и комментируются более удачные и менее удачные способы построения словарных статей для русских, польских, чешских и эстонских этнонимов и предлагаются варианты словарных статей для польско-эстонского словаря.

В данной связи стоит обратить внимание на то, каким образом в задействованных словарях представлены этнонимы. Отметим, что в эстонском языке группа слов, обозначающих представителей различных национальностей, состоит из парных лексем, обозначающих, соответственно, лиц муж. и жен. пола. Это разграничение по родовому признаку достигается за счет словообразовательных формантов [Кюльмоя, Вайгла, Солль 2003: 26, 29].

В ЭПС словарные статьи, посвященные этнонимам, выглядят следующим образом: *hiinlane – Chińczyk, Chinka*. Составители словаря помещают польские эквиваленты как муж., так и жен. рода рядом, в одну словарную статью. При этом следующая словарная статья фактически дублирует предыдущую: *hiinlanna – Chinka*. То же самое мы можем наблюдать в словарных статьях, где представлены другие этнонимы, напр.:

Таблица 12.

eestlane	<i>Estończyk, Estonka</i>
eestlanna	<i>Estonka</i>
itaallane	<i>Włoch, Włoszka</i>
itaallanna	<i>Włoszka</i>

Как нам кажется, такого рода повторение в данном словаре избыточно и не соответствует принятому авторами словаря способу представления слов, обозначающих лиц муж. и жен. пола, в рамках одной словарной статьи. Выделение жен. этнонимов в отдельную словарную статью, как нам видится, в словаре такого типа излишне.

Вполне достаточно поместить их рядом с муж. этнонимами, либо дать этнонимы одним списком в конце словаря. Хотя, возможно, выделение эстонских лексем, обозначающих национальную принадлежность лиц жен. пола в отдельные словарные статьи, продиктовано стремлением авторов словаря обратить внимание носителей польского языка на данный категориальный «парадокс» эстонской грамматики: наличие отдельных лексем для обозначения жен. этнонимов, несмотря на отсутствие категории рода в эстонском языке.

Что касается этнонимов, где возможны варианты лексем по родовому признаку, то в РЭС мы видим, что в некоторых случаях статьи составлены как независимые, не связанные друг с другом, как, напр., здесь:

Таблица 13.

немец <i>С м. од.</i>	sakslane
немка <i>С ж. од.</i>	sakslanna

В ряде статей, посвященных жен. этнонимам, мы видим, что в правой части указаны две переводные лексемы – с жен. формантом *-nna / -tar* и муж. *-lane*. При этом в круглых скобках при муж. этнониме указывается, что эта словоформа может использоваться и для называния женщины:

Таблица 14.

итальянец <i>С м. од.</i>	itaallane
итальянка <i>С ж. од.</i>	itaallane (naine), itaallanna
китаец <i>С м. од.</i>	hiinlane
китайка <i>С ж. од.</i>	hiinlane (naine), hiinlanna, hiinatar
эстонец <i>С м. од.</i>	eestlane
эстонка <i>С ж. од.</i>	eestlane (naine), eestlanna

В ЭРС словарные статьи, посвященные этнонимам на *-lane*, т. е. мужским, содержат два переводных эквивалента – муж. и жен. рода. Для некоторых этнонимов составлены «женские» статьи, где эстонский женский этноним переводится одним русским женским этнонимом:

Таблица 15.

eestlane (eestlane, eestlase, eestlast, eestlasse, eestlaste, eestlasi & eestlaseid S)	эстонец <эстонца <i>м</i> >, эстонка <эстонки, <i>мн.ч. род. эстонок ж</i> >
eestlanna (eestlanna, eestlanna, eestlannat, -, eestlannade, eestlannasid S)	эстонка <эстонки, <i>мн.ч. род. эстонок ж</i> >
hiinlane (hiinlane, hiinlase, hiinlast, hiinlasse, hiinlaste, hiinlasi & hiinlaseid S)	китаец <китайца <i>м</i> >, китайка <китайки, <i>мн.ч. род. китайнок ж</i> >
hiinlanna (hiinlanna, hiinlanna, hiinlannat, -, hiinlannade, hiinlannasid S)	китайка <китайки, <i>мн.ч. род. китайнок ж</i> >

Как выяснилось, для ряда жен. этнонимов, таких, как, напр., *sakslanna* и *itaallanna* отдельной словарной статьи в ЭРС нет. Статьи составлены только для муж. этнонимов; жен. же этноним в них не фиксируется:

Таблица 16.

sakslane (sakslane, sakslase, sakslast, sakslase, sakslaste, sakslasi & sakslaseid S)	немец <немца <i>м</i> >, немка <немки, <i>мн.ч. род. немок, дат. немкам ж</i> >
itaallane (itaallane, itaallase, itaallast, itaallase, itaallaste, itaallasi & itaallaseid S)	итальянец <итальянца <i>м</i> >, итальянка <итальянки, <i>мн.ч. род. итальянок ж</i> >

Варианты одной лексемы, отличающиеся по грамматическому роду, на наш взгляд следует помещать в одну словарную статью. Соответствия в выходном языке, которые указываются в правой части статьи, также должны отражать эту разницу.

В польском языке по понятным причинам намного больше существительных, имеющих параллельно словоформу жен. и муж. рода. В эстонском языке таких возможностей немного, но, тем не менее, следует указывать, что данное слово относится к категории лиц муж. / жен. пола.

В ЧЭС также включены этнонимы; соответствующие словарные статьи выглядят довольно скромно:

Таблица 17.

Němec <i>m</i>	sakslane
Němka <i>f</i>	sakslanna
Čech <i>m</i>	tšehh
Češka <i>f</i>	tšehhitar
Rus <i>m</i>	venelane
Ruska <i>f</i>	<i>vt.</i> Rus
Polák <i>m</i>	poolakas
Polka <i>f</i>	poolatar
Turek <i>m</i>	türklane
Turkyně <i>f</i>	türklanna

Составители помещают жен. этноним отдельно от мужского. Переводные эквиваленты подчеркивают разницу между формами муж. и жен. родов, т. к. у эстонских соответствий разные словообразовательные форманты (*-lane/-ne, -kas, -lanna, -tar*). Исключение составляет лексема *Ruska*: вместо прямого перевода *venelanna* в статье дается отсылка к муж. этнониму.

1.4. Категория числа в эстонском и польском языке

В двуязычных словарях вопрос фиксации форм имени существительного, таких, как форма един. и множ. числа, в том числе случаи *singularia tantum* и *pluralia tantum*, могут решаться по-разному. Как и во многих других языках, в польском и эстонском языке существует группа существительных, у которых образование тех или иных форм может вызывать сложности для изучающих язык, например, супплетивные формы множ. числа, а также существительные, имеющие одну форму числа. Поэтому их фиксация в рамках польско-эстонского словаря необходима.

Кроме этого, важно не забывать и о формах косвенных падежей как польских, так и эстонских имен существительных в двуязычном словаре, ведь словоизменение в этих языках происходит на базе совершенно разных морфологических принципов, поэтому риск совершения т. н. «грамматической» ошибки у пользователя, не владеющего языком в достаточной степени, очень велик.

Обратимся к материалу именных словарных статей в славянско-эстонских словарях с целью рассмотрения фиксации информации, которая касается отличительных особенностей категории числа в польском и эстонском языке на примере групп существительных *singularia tantum*, *pluralia tantum*; затронем также способы фиксации сведений об образовании форм множ. числа, супплетивных форм, исключений.

В эстонском введении авторы ЭПС указывают на наличие в польском языке существительных *singularia tantum* и *pluralia tantum*, и, как пример приводят лексемы *rodzeństwo* ‘õde-vend’ и *drzwi* ‘uks’. В соответствующих словарных статьях ставятся пометы *sg* или *pl* в правой (польской) части словника, в данном случае можно говорить о том, что авторы фиксируют те случаи, когда наблюдается несоответствие категории числа польских эквивалентов по отношению к эстонской лемме:

Таблица 18.

kelk , kelgu, -u, -u ~ kelgusse ~	sanki <i>pl</i> , sanie <i>pl</i>
õnnitlus , -e, -t, -se ~ -esse	gratulacje <i>pl</i>
kõdi , -, -, -sse	łaskotki <i>pl</i>

В ряде случаев эстонская лемма имеет две параллельные формы числа, одна из которых используется чаще (помета *hrl* „harilikult”, что означает ‘обычно’): **kariloom**, -a, -a, -a ~ -asse *hrl* ~ad *pl* – bydło *sg*

В некоторых статьях указание на единственно возможную форму множ. числа оказывается избыточным, так как расхождения между леммой и эквивалентом нет:

Таблица 19.

prill id , -ide, -e ~ -isid, -idesse	okulary <i>pl</i>
neliku d , -te, -id, -tesse <i>pl</i>	czworaczki <i>pl</i>

Что же касается образования формы множ. числа, как мы видим, эстонские леммы снабжаются всеми необходимыми падежными формами: номинативом, генитивом, партитивом и иллативом. Кроме того, во введении на польском языке авторы словаря кратко излагают принципы образования формы множ. числа в эстонском языке.

Информации, касающейся правил образования формы множ. числа у польских существительных, в словаре нет вообще, поэтому носитель эстонского языка оказывается в крайне невыгодном положении, так как образовать форму множ. числа необходимого польского имени существительного, используя данное издание, он не сможет.

Лишь некоторые словарные статьи содержат польские эквиваленты также и в форме множ. числа. Это, прежде всего, имена существительные с супплетивной основой, или же с чередованием внутри основы:

Таблица 20.

inime ne , -se, -st, -sse ~ -sesse	człowiek <i>sg</i> , ludzie <i>pl</i> , ~ste hulgas w ludziach
juu ksed , -ste, -kseid, -stesse	włosy <i>pl</i> (włos <i>sg</i>)
juu s , -kse, -st, -ksesse <i>juuksed</i>	włosy (włos <i>sg</i>)

Авторы, к сожалению, не всегда последовательны при составлении словарных статей, в которых форма множ. числа польских эквивалентов требует фиксации:

Таблица 21.

vend , -na, -da, -da ~ -nasse	brat
foorum , -i, -it, -isse	forum
õlg , õla, -a, -a ~ õlasse	ramię; ~gu kehitama wżruszyć ramionami

Отсутствие форм *bracia*, *fora*, *ramiona* значительно усложняет использование словаря носителями эстонского языка. На наш взгляд, указание формы множ. числа польских существительных в правой части словаря было бы логичным, поскольку тогда это издание давало бы больше грамматической информации эстонскому пользователю.

Для принятия оптимального решения по поводу предоставления необходимой категориальной информации для слов разных частей речи в польско-эстонском словаре рассмотрим на примере ряда других двуязыч-

ных словарей, как решаются составителями задачи по оформлению словарных статей русских и эстонских имен существительных.

В РЭС в ряде именных словарных статей формы косвенных падежей заголовочного слова указываются, скорее, в виде исключения. В ЭРС аналогичные словарные статьи оформлены иначе (см. Таблица 22).

Как видно, эквиваленты не снабжаются информацией о словоизменении, что, бесспорно, делает использование РЭС носителями русского языка неэффективным, так как отсутствие информации о склонении эстонских эквивалентов заставит их обратиться к дополнительному источнику за необходимой информацией²¹.

Во всех случаях леммы снабжаются набором стандартных для данного издания падежных форм: номинативом, генитивом, партитивом и иллативом един. числа и номинативом, генитивом и партитивом множ. числа. В статье к слову *elanik* все без исключения переводные эквиваленты, как муж., так и жен. рода, кроме начальной формы, имеют также формы род. падежа един. числа.

Таблица 22.

	РЭС
житель <i>С м. од.</i>	elanik
гражданин (<i>мн. ч. граждане, граждан</i>) <i>С м. од.</i>	kodanik
сосед (<i>мн. ч. род. п. соседей, дат. п. соседям</i>) <i>С м. од.</i>	naaber, naabrimees, üleaadne
	ЭРС
elanik (elanik, elaniku, elanikku, elanikku, elanikkude & elanike, elanikkusid & elanikke S)	житель <жителя <i>м</i> >, жительница <жительницы <i>жс</i> >, жилец <жильца <i>м</i> >, обитатель <обитателя <i>м</i> >, обитательница <обитательницы <i>жс</i> >
kodanik (kodanik, kodaniku, kodanikku, kodanikku, kodanikkude & kodanike, kodanikkusid & kodanikke S)	1. гражданин <гражданина, <i>мн.ч. им. граждане, род. граждан м</i> >, гражданка <гражданки, <i>мн.ч. род. гражданок жс</i> >; 2. <i>aj (linnakodanik)</i> бюргер <бюргера <i>м</i> >, горожанин <горожанина, <i>мн.ч. им. горожане, род. горожан м</i> >
naaber (naaber, naabri, naabrit, -, naabrite, naabreid S)	сосед <соседа <i>м</i> >, соседка <соседки, <i>мн.ч. род. соседок жс</i> >

В РЭС при лемме *гражданин* указаны две формы множ. числа: им. падежа и род. падежа. В ЭРС *гражданин* (как один из эквивалентов) имеет еще и

²¹ РЭС рассчитан на носителей эстонского языка и относится к типу пассивных двуязычных словарей, поэтому русский пользователь не найдет там необходимые сведения, касающиеся эстонской грамматики. Относительно польского и эстонского языков еще раз подчеркнем важность создания словаря для носителей обоих языков, а не только одного, как это часто бывает.

форму род. падежа един. числа. Лексема жен. рода *гражданка* снабжается также формами род. падежа един. и множ. числа. Все остальные русские эквиваленты леммы *elanik* представлены формами косвенных падежей: род. падежа един. числа (*бюргера, горожанина*), им. падежа множ. числа (*горожане*) и род. падежа множ. числа (*горожан*).

Эквиваленты *sosед* и *sosедка* в рамках статьи *naaber* снабжаются формами род. падежа един. числа (*sosеда*), им. падежа множ. числа (*sosедки*), и лексема *sosедка* формой род. падежа множ. числа (*sosедок*). Как мы видим, набор падежных форм в РЭС и ЭРС в целом разный.

В РЭС и ЭРС выбор форм словоизменения у русских лексем, которые в одном случае (в РЭС) выступают как леммы, а в другом (в ЭРС) – как эквиваленты, не совпадает, что не вполне логично с точки зрения составления словаря и не совсем удобно при использовании словаря.

Как нам кажется, ориентироваться здесь следует на способ фиксации форм слова в левой части ЭРС, где все без исключения леммы (в данном случае мы имеем в виду имена существительные) снабжаются стандартным набором падежных форм: номинатива, генитива (един. и множ. числа), партитива (един. и множ. числа). Тот же принцип следует использовать и, разумеется, неукоснительно, систематически применять на материале всего словника.

Принцип унификации морфологических форм будет гарантировать эффективное применение словарного материала. На примере лексемы *житель* продемонстрируем возможный вариант словарной статьи в русско-эстонском и эстонско-русском словаре:

Таблица 23.

РЭС	
# житель <i>С м од.</i> <ед. ч. род. жителя, мн. ч. им. жители>	elanik (elanik, elaniku, elanikku, elanikku, elanikkude & elanike, elanikkusid & elanikke S); городской житель linnaelanik, linlane (linlane, linlase, linlast, linlasse, linlaste, linlasi & linlaseid S); деревенский житель maaelanik, коренной житель päriselanik, põliselanik <...>
ЭРС	
# elanik (elanik, elaniku, elanikku, elanikku, elanikkude & elanike, elanikkusid & elanikke S)	житель <i>м од.</i> <ед. ч. род. жителя, мн. ч. им. жители>, жительница <i>ж од.</i> <ед. ч. род. жительницы, мн. ч. род. жительниц>, жилец <i>м од.</i> <ед. ч. род. жильца, мн. ч. им. жильцы, мн. ч. род. жильцов>, обитатель <i>м од.</i> <ед. ч. род. обитателя, мн. ч. им. обитатели>, обитательница <i>ж</i> <ед. ч. род. обитательницы, мн. ч. род. обитательниц>

Таким образом, если речь идет о словарной статье для имени существительного в рамках двуязычного польско-эстонского словаря, то объем грамматической информации должен включать сведения о морфологии как исходного, так и выходного языка, потому что словарь должен быть одновременно пассивным и активным.

Пометы должны указывать на необходимые морфологические показатели слов, и делать это необходимо на двух языках. В случае электронного издания словаря следует указывать максимально возможный объем информации о слове.

1.5. Представление информации о морфологических особенностях имен существительных в двуязычном польско-эстонском словаре

Сведения о морфологии польского и эстонского языков в рамках двуязычного польско-эстонского словаря должны помещаться, прежде всего, во вводной части, где дается в сжатом виде основная информация о морфологических особенностях обоих языков, причем на эстонском языке будут представлены сведения о польской морфологии, а на польском языке – об эстонской морфологии.

Словарные пометы, используемые в левой части словника, должны быть понятны в первую очередь носителю эстонского языка, для которого этот словарь является пассивным.

Пометы в правой части словника рассчитаны на носителя польского языка, так как для него словарь является активным. Таким образом, в польско-эстонском словаре будет два языка для помет: эстонский и польский; возможно использование и универсальных помет, например, *m*, *f*, *n* для обозначения категории грамматического рода.

Объем морфологических сведений о слове в рамках именной словарной статьи в польско-эстонском словаре должен быть максимально исчерпывающим.

Обязательным будет указание в левой части словарной статьи:

- 1) части речи;
- 2) категории одушевленности/ неодушевленности;
- 3) категории рода, в том числе и личному мужского/ неличному мужского;
- 4) в печатной версии выборочно форм косвенных падежей; в электронной версии можно дать все формы слова в един. и множ. числе;
- 5) соотнесенную форму жен. или муж. рода, если таковая есть.

В правой части словарной статьи обязательно указание:

- 1) части речи;
- 2) выборочное указание форм косвенных падежей в печатной версии и всех форм слова в электронной версии;
- 3) соотнесенную форму жен. или муж. рода, если таковая есть.

В заключение приведем фрагменты нескольких словарных статей в потенциальном польско-эстонском словаре, содержащих морфологическую информацию о существительных:

Таблица 24.

brat NS M ¹ (G -a, Loc. bracie, Voc. bracie! mitm. Nom. bracia G braci, Dat. braciom, Inst. braćmi, Loc. braciach)	ven d (-na, -da, -da/-nasse; -nad, -dade, -dasid/-di)
bracia → brat	
deszcz NS m ² (G -u, Inst. -em, Loc. -u, Voc. -u! mitm. Nom. -e, G -ów, Dat. -om, Inst. -ami, Loc. -ach)	vihm (-a, -a, -a/-asse; -ad, -ade, -asid/-u)
deszcze → deszcz	
filiżan ka NS f ³ (G -ki, Dat. -ce, Acc. -kę, Inst. -ką, Loc. -ce, Voc. -ko! mitm. Nom. -ki, G -ek, Acc. -ki, Dat. -kom, Voc. -kach)	tass (-i, -i, -i, -ide, -isid/e)
mieszka niec NS M (G -ńca, Dat. -ńcowi, Acc. -ńca, Inst. -ńcem, Loc. -ńce, Voc. -ńcu! mitm. Nom. -ńcy, G -ńców, Dat. -ńcom, Acc. -ńców, Inst. -ńcami, Loc. -ńcach)	elanik (-u -ku -ku, -kude/-e, -kusid/-ke), mieszkanka naiselanik
mieszkan ka NS F ⁴ (G -ki, Dat. -ce, Acc. -kę, Inst. -ką, Loc. -ce, Voc. -ko! mitm. Nom. -ki, G -ek, Dat. -kom, Acc. -ki, Inst. -kami, Loc. -kach)	(nais)elanik (-u -ku -ku, -kude/-e, -kusid/-ke), mieszkaniec elanik

¹ Сокращение для *meessoost elus*.

² Сокращение для *meessoost eluta*.

³ Сокращение для *naissoost eluta*.

⁴ Сокращение для *naissoost elus*.

2.1. Имя прилагательное в эстонском и польском языке

По количеству грамматических категорий прилагательные в польском и эстонском языках отличаются набором грамматических категорий. В обоих языках эта часть речи изменяется по числам и падежам, а также образует (за рядом исключений) сравнительную и превосходную степени сравнения. В польском языке, в отличие от эстонского, для имен прилагательных как в форме един., так и множ. числа релевантна грамматическая категория рода. Кроме того, от некоторых польских прилагательных образуется краткая форма с нулевым окончанием²²

²² Т. н. *rzeczownikowe formy przymiotników*.

(*gotowy – gotów, pełny – pełen*)²³, которая отличается от полной формы и по своему лексическому значению, и по базовой синтаксической функции, и по морфологическим особенностям.

Для эстонских имен прилагательных указание в словарной статье принадлежности к классу прилагательных крайне важно. Дело в том, что у эстонских имен прилагательных могут быть различные формальные показатели, которые не всегда позволяют иностранцу безошибочно идентифицировать слово как имя прилагательное.

Ряд эстонских прилагательных имеет непроеизводную основу, которая может ввести иностранца в заблуждение при определении части речи: *pikk, külm, lai* и пр. Для тех, чей родной язык не эстонский, неочевидно, что эти лексемы принадлежат к классу прилагательных, так как они ничем не отличаются с точки зрения формальных показателей от существительных с непроеизводной основой: *nukk, surm, sai*. Следовательно, риск ошибочного использования слова будет весьма велик, могут возникнуть трудности при переводе.

В рамках пассивного эстонско-иноязычного словаря избежать ошибки поможет словарная помета на выходном языке (т. е. на родном языке пользователя): *OS (omadussõna), przym. (przymiotnik), adj./Adj. (adjektiiv)*.

Многие эстонские качественные и относительные прилагательные образуются с помощью суффиксов. Набор этих суффиксов весьма обширен: *-ne, -line, -lik, -ldane, -kas, -jas, -ke, -v, -nud, -tud, -tu*. Некоторые из них участвуют также и в образовании причастий.

Указание на часть речи в рамках словарной статьи избавит пользователя от необходимости обращаться к иному источнику информации с целью удостовериться, что данное слово является прилагательным.

Для не владеющего эстонским языком пользователя совершенно не очевидным будет то, что, например, лексема *värav* это имя существительное ‘ворота’, а *särav* с суффиксом *-v* – это качественное прилагательное ‘сияющий’; так же как и *liblikas* ‘бабочка’, *pirukas* ‘пирожок’ – это существительные, а *andekas* ‘талантливый’, *punakas* ‘красноватый’ с суффиксом *-kas* – это качественные прилагательные, причем *punakas* – это диминутивная форма от *punane* ‘красный’.

В данном случае единственным решением в рамках пассивного эстонско-иноязычного словаря было бы использование помет, указывающих на принадлежность слова к этой или иной части речи, в данном случае – к прилагательным.

²³ В отличие, например, от русского языка, где краткая форма прилагательных образует довольно обширную по количеству прилагательных группу слов, в польском языке подобных прилагательных немного.

2.2. Склонение эстонских и польских прилагательных.

В рамках словарной статьи в двуязычном словаре, где одним из языков является славянский, имя прилагательное фиксируется, как правило, в форме един. числа муж. рода.; флексии жен. и ср. рода (в случае польского языка еще и флексии обеих форм множ. числа) указываются не всегда.

В ЭПС у польских прилагательных фиксируется только форма муж. рода, что объясняется требованиями славянской грамматики, когда начальной формой прилагательного считается именно форма муж. рода един. числа им. падежа:

Таблица 25.

ЭПС	
hele , -da, -dat, -dasse	jasny, dźwięczny; <...>
huvitav , -a, -at, -asse	ciekawy, interesujący
ootamatu , -, -t, -sse	nieoczekiwany, niespodziewany
ЭРС	
hele <heleda, heledat, -, heledate, heledaid Adj 2>	1. <...> светлый <светлая, светлое; светел, светла, светло> <i>ka pilti</i> ; (<i>ere, kirgas</i>) яркий <яркая, яркое; ярк, ярка, ярко, ярки; ярче, ярчайший> <i>ka pilti</i> ; <...>
huvitav <huvitava, huvitavat, -, huvitavate, huvitavaid Adj 2>	2. (<i>kõlav</i>) звонкий <звонкая, звонкое; звонок, звонка, звонко; звонче, звончайший>, звучный <звучная, звучное; звучен, звучна, звучно>, залиvistый <залиvistая, залиvistое; залиvist, залиvista, залиvistо>, зычный <зычная, зычное; зычен, зычна, зычно>; интересный <интересная, интересное; интересен, интересна, интересно>, любопытный <любопытная, любопытное; любопытен, любопытна, любопытно>; (<i>kõitev</i>) занимательный <занимательная, занимательное; занимателен, занимательна, занимательно>, увлекательный <увлекательная, увлекательное; увлекателен, увлекательна, увлекательно>, занятный <занятная, занятное; занятен, занятна, занятно> <i>kõnek</i> ;
ootamatu <ootamatu, 'ootamatut, -, ootamatute, 'ootamatuid Adj 1>	неожиданный <неожиданная, неожиданное; неожидан, неожиданна, неожиданно>, нежданный <нежданная, нежданное>, внезапный <внезапная, внезапное; внезапен, внезапна, внезапно>, непредвиденный <непредвиденная, непредвиденное>, нечаянный <нечаянная, нечаянное>, негаданный <негаданная, негаданное> <i>kõnek</i> ;

В ЭРС словарные статьи, посвященные тем же прилагательным, содержат больше морфологической информации: в левой части статьи дается помета, указывающая на то, что заголовочное слово – это имя прилагательное, указаны основные падежные флексии; в правой части полностью приводятся формы жен. и ср. рода, а также краткие формы. Для эстонского пользователя такая структура словарной статьи имени прилагательного является наиболее информативной с морфологической точки зрения.

Наличие в словарной статье ЭПС только одной формы – муж. рода – является недостаточным для использования данного эстонско-польского словаря в качестве активного: носителю эстонского языка будет сложно правильно перевести на польский язык высказывания, где требуется использование, напр., женского или неличномужского рода, например, *#starsza siostra*, *#ciekawi ludzie*, *#nieoczekiwane spotkanie*.

Подобные недостатки необходимо учесть при составлении потенциального польско-эстонского словаря, где сведения о категории рода польских прилагательных будут крайне необходимы для эстонского пользователя.

Большая часть эстонских прилагательных изменяется по падежам, причем модель склонения здесь единая, и она совпадает с моделью склонения имен существительных.

В словарной статье, следовательно, необходимо указывать три основные падежные формы, т. е. флексии трех основных падежей, как, например, это сделано в ЭПС. Составители приводят полностью форму им. падежа един. числа, флексии генитива, партитива и иллатива (второго, третьего и четвертого падежей) един. числа, но не указывают падежные флексии польских соответствий. В правой части словарной статьи необходимо указание падежных флексий польских прилагательных наравне с флексиями форм жен., ср. рода, а также форм множ. числа.

Продемонстрируем, как можно дополнить статьи польскими эквивалентами в форме жен. рода для прилагательных *hele*, *huvitav*, *ootamatu* в ЭПС:

Таблица 26.

ЭПС	
# <i>hele</i> , -da, -dat, -dasse	jasny <jasna, jasne; jasne, jaśni>, dźwięczny <dźwięczna, dźwięczne; dźwięczne, dźwięczni> <...>
# <i>huvitav</i> , -a, -at, -asse	ciekawy <ciekawa, ciekawe; ciekawe, ciekawi>, interesujący <interesująca, interesujące; interesujące, interesujący>
# <i>ootamatu</i> , -, -t, -sse	nieoczekiwany <nieoczekiwana, nieoczekiwane; nieoczekiwane, nieoczekiwani>, niespodziewany <niespodziewana, niespodziewane; niespodziewane, niespodziewani>

Склоняемые эстонские прилагательные могут иметь форму как един., так и множ. числа. Парадигма склонения обеих форм числа будет та же, что и у имени существительного. Среди форм множ. числа прилагательных наибольшие трудности с формообразованием у иностранцев, изучающих эстонский язык, связаны, как правило, с генитивом и партитивом. У прилагательных на **-lik** в партитиве множ. числа возможны две параллельные формы: *võimalike/võimalikkude*. В таком случае в словаре следует указывать обе возможные формы, как, напр., это сделано в ЭРС:

Таблица 27.

võimalik (võimalik, võimaliku, võimalikku, võimalikku, võimalike & võimalikkude, võimalikke & võimalikkusid Adj)	1. (<i>teostata</i> , <i>elluviida</i> , <i>saavutada</i>) возможный <возможная, возможное; возможен, возможна, возможно>, осуществимый <осуществимая, осуществимое; осуществим, осуществима, осуществимо>, достижимый <достижимая, достижимое; достигим, достигима, достигимо>;
nooruslik (nooruslik, noorusliku, nooruslikku, nooruslikku, nooruslike & nooruslikkude, nooruslikke & nooruslikkusid Adj)	моложавый <моложавая, моложавое; моложав, моложава, моложаво>, молодой <молодая, молодое; молод, молода, молод>, юношеский <юношеская, юношеское>, юный <юная, юное; юн, юна, юно>;

Подчеркнем, что составители данного издания в словарных статьях, посвященных прилагательным, кроме формы муж. рода русского эквивалента приводят в угловых скобках так же полностью формы жен. и ср. рода. Для всех эквивалентов приводятся краткие формы муж., жен. и ср. рода. Краткая форма множ. числа (*возможны, осуществимы, достижимы; моложавы, молоды, юны*) не указывается. Только у прилагательного *молодой* указана форма сравнительной степени *моложе*.

В РЭС заголовочные слова, как и их эстонские эквиваленты не снабжаются падежными формами/флексиями, что довольно неудобно как для эстонского, так и для русского пользователя.

Таблица 28.

возможный П (кр. ф. возможен, возможна, возможно, возможны)	võimalik, mõeldav;
интересный П (кр. ф. интересен, интересна, интересно, интересны)	чем, по чему, для кого-чего huvitav, huvipakkuv; kõnek. kena, võluv (välimuse kohta);

У заголовочных слов указаны краткие формы. Полные формы жен. и ср. рода не приводятся, как это было в ЭРС в случае со статьями *võimalik* и *pooruslik*, где указаны все формы русских соответствий. По нашему убеждению, в статье должны быть все формы соответствующего прилагательного: муж., жен., ср. рода полной и краткой формы, а также полная форма множ. числа и, где это допустимо, также и краткая форма множ. числа.

На наш взгляд, наличие, прежде всего в электронной версии РЭС, формы им. падежа множ. числа, род. падежа един. и множ. числа у заголовочного слова, а также генитива и партитива един. и множ. числа у эквивалентов повысило бы эффективность использования словаря, а именно: уменьшило бы для пользователя время на поиск нужной словоформы и риск совершения грамматической ошибки. Дополненная основными грамматическими характеристиками для заголовочного слова и его эквивалентов²⁴ словарная статья в РЭС могла бы выглядеть следующим образом:

Таблица 29.

# возмо́ж ый <i>П</i> <род. м, с ~ого, ж ~ой, мн. ч. ~ых> <~ая, ~ое, ~ые; возможен, возможна, возможно, возможны>	<i>võimalik</i> (<i>võimalik</i> , <i>võimaliku</i> , <i>võimalikku</i> , <i>võimalikku</i> , <i>võimalike</i> & <i>võimalikkude</i> , <i>võimalikke</i> & <i>võimalikkusid</i> Adj), <i>mõeldav</i> (<i>mõeldav</i> , <i>mõeldava</i> , <i>mõeldavat</i> , -, <i>mõeldavate</i> , <i>mõeldavaid</i> Adj)
--	---

В статье, таким образом, указаны все необходимые морфологические сведения о заголовочном слове и об эквивалентах, а именно: все необходимые пометы на двух языках (*П*, *род.*, *м*, *ж*, *с*, *мн. ч.*, *Adj*), полная и краткая формы муж., жен. и ср. рода им. и род. падежа заголовочного слова, а также формы един. и множ. числа номинатива, генитива и партитива всех эквивалентов.

Если мы все же ориентируемся в случае русско-эстонского словаря на носителей эстонского языка, которым грамматика нужна именно в правой части словарной статьи, то язык помет здесь должен быть эстонским. В ситуации, когда этим же словарем будет пользоваться носитель русского языка, левая – эстонская – часть статьи должна содержать пометы на русском языке. В итоге потенциальная словарная статья может иметь следующий вид:

²⁴ Здесь вполне уместным будет использование тех данных, которые содержатся в ЭРС в соответствующих статьях для слов *võimalik* и *mõeldav*.

Таблица 30.

# возмож ый <i>Adj</i> <Gen. <i>m, k</i> ~ого, <i>n</i> ~ой, <i>mitm.</i> ~ых> <~ая, ~ое, ~ые; возможен, возможна, возможно, возможны>	võimalik (võimalik, võimaliku, võimalikku, võimalikku, võimalike & võimalikkude, võimalikke & võimalikkusid <i>Adj</i>), mõeldav (mõeldav, mõeldava, mõeldavat, -, mõeldavate, mõeldavaid <i>Adj</i>)
---	---

2.3. Несклоняемые прилагательные в эстонском языке

Ряд имен прилагательных в эстонском языке не изменяется по падежам и числам, и об этом следует указывать в словарной статье во избежание грамматических ошибок у пользователей, не знакомых с языком на соответствующем уровне. В ЭРС на этот счет никаких специальных указаний нет.

На наш взгляд, можно было бы ввести специальную помету для тех случаев, когда имя прилагательное (или также, например, наречие) является неизменяемым словом.

В словнике ЭРС пометы такого рода не используются. Например, в статье к слову *iselaadi* в угловых скобках фиксируется еще раз вторая часть сложного слова, в статье для лексемы *katoliku* также еще раз фиксируется лемма с указанием на форму генитива:

Таблица 31.

ise+laadi <+laadi <i>Adj</i> >	<...> своеобразный <своеобразная, своеобразное; своеобразен, своеобразна, своеобразно>, своеобразный <своеобычная, своеобразное; своеобразен, своеобразна, своеобразно>; <i>iselaadi inimene</i> своеобразный ~ своеобразный человек
katoliku <katoliku <i>Adj G</i> >	католический <католическая, католическое>;

С точки зрения иностранного пользователя словарем, указание на то, что данная лемма – это неизменяемое слово (в случае с прилагательным – несклоняемое) весьма важно, потому что подобного рода информация о слове поможет избежать ряд ошибок, например, изменение по падежам в случае, когда это недопустимо: **iselaadile inimesele* вместо *iselaadi inimesele*.

Немаловажно и то, что часть несклоняемых прилагательных в эстонском языке может выступать и в роли наречий [Кюльмоя, Вайгла, Соль 2003: 64].

В соответствующей словарной статье следует указать на возможность использования леммы в качестве двух частей речи, непременно проиллюстрировав эту разницу примерами употребления. В ЭРС подобные несклоняемые прилагательные, являющиеся одновременно наречиями, снабжаются указанием на принадлежность двум частям речи, а также иллюстративными примерами.

Стоит отметить, что в рамках этого словаря функция наречия у подобных лексем указывается как первичная, а прилагательного – как вторичная:

Таблица 32.

päris <päris Adv & Adj>	<p>1. <Adv> (<i>täiesti, lausa</i>) совсем, совершенно; (<i>õige, üsna, teataval määral</i>) довольно, достаточно, вполне, весьма, поистине; <...> 2. <Adj> (<i>tõeline, tegelik; ehtne</i>) настоящий <настоящая, настоящее>, натуральный <натуральная, натуральное>, истинный <истинная, истинное; истинен, истинна, истинно>, подлинный <подлинная, подлинное; подлинен, подлинна, подлинно>, действительный <действительная, действительное; действителен, действительна, действительно>; <...></p>
--------------------------------	---

2.4. Степени сравнения прилагательных в эстонском и польском языке

Степени сравнения прилагательных существуют и в польском, и в эстонском языке. В использованных нами в рамках исследования двуязычных словарях формы сравнительной и превосходной степени прилагательного фиксируются крайне редко и несистематично. В ЭРС зафиксированы только некоторые супплетивные формы сравнительной и превосходной степени эстонских заголовочных слов. Для каждой формы дается отдельная статья, как, например, для лексем *hea* – (*kõige parem* – *parim*):

Таблица 33.

hea (<i>hea, head, -, heade, häid, Adj & S</i>)	<p>1. <Adj> хороший <хорошая, хорошее; хорош, хороша, хорошо; лучше, лучший>, добрый <добрая, доброе; добр, добра, добро, добры>, благой <благая, благое> <i>van</i>; <...> 2. <Adj> (<i>rohke, ohter, paras, tugev, suur</i>) хороший <хорошая, хорошее> <i>kõnek</i>, добрый <добрая, доброе> <i>kõnek</i>, изрядный <изрядная, изрядное> <i>kõnek</i>, порядочный <порядочная, порядочное> <i>kõnek</i>;</p>
--	---

parem (parem, parema, paremat, -, paremate, paremaid Adj & S)	1. <Adj; komparatiivis> (<i>hinnatavam, väärtuslikum, kasulikum, soodsam, mugavam, mõnusam; vastand: halvem</i>) лучший <лучшая, лучшее>, лучше; <i>sai on hea, aga kook on parem</i> булка хорошая, но пирожное лучше; <...> 3. <S> лучший <лучшего м>, лучшая <лучшей ж>, лучшее <лучшего с>;
parim (parim, parima, parimat, -, parimate, parimaid Adj)	лучший <лучшая, лучшее>, наилучший <наилучшая, наилучшее>, экстра <нескл.>, первый <первейшая, первейшее> <i>kõnek</i> ;

Для русского пользователя такой вариант является наиболее информативным, поскольку любую из трех форм (*hea – parem – parim*) можно найти в словнике. Но, к сожалению, в ЭРС между лексемами *hea – parem – parim* нет системы отсылок, которые связывали бы между собой формы *hea* с формами *parem* и *parim*: в статье *parem* нет отсылки к начальной форме *hea*, в правой части статьи скобках лишь есть указание на то, что это форма сравнительной степени (*komparatiivis*). В статье *parim* ссылка на форму *hea* отсутствует, нет и указания на то, что лемма фиксируется в форме превосходной степени.

Отметим также, что только в статье *parem* в третьем – субстантивированном значении – указаны формы род. падежа всех трех родовых форм. На наш взгляд, необходимо включить отсылки во все три статьи таким образом, чтобы в левой части статей *parem* и *parim* была указана начальная форма *hea*, а при слове *hea* были бы указаны формы сравнения:

Таблица 34.

# hea (hea, hea, head, -, heade, häid, Adj & S) <i>cp. cm.</i> parem , <i>np. cm.</i> (kõige)	хороший <...>
parem	
# parem (parem, parema, paremat, -, paremate, paremaid Adj & S) <i>cp. cm.</i> → hea	лучший <...>
# parim (parim, parima, parimat, -, parimate, parimaid Adj) <i>np. cm.</i> → hea	лучший <...>, наилучший <...>

Степени сравнения польских имен прилагательных можно обозначить как одну из наиболее сложных с морфологической точки зрения грамматических категорий для иностранцев, изучающих польский язык. Эта грамматическая категория, как правило, учитывается и при составлении двуязычных польско-иноязычных и иноязычно-польских словарей.

В обсуждавшемся ранее ЭПС этому аспекту не уделено должного внимания, поэтому в качестве иллюстративного материала далее рассматри-

ваются словарные статьи, посвященные именам прилагательным в польско-английском словаре [Wielki słownik polsko-angielski PWN 2005] (далее – ПАС).

В ПАС имена прилагательные, выступающие в роли заголовочного слова, снабжаются соответствующей пометой. В статье указывается лишь форма им. п. един. числа:

Таблица 35.

jaskiniow y	<i>adi. cave attr.; [wody, źródła] underground; <...></i>
jaskraw y	<i>adi. 1. [kolor, strój] bright; garish pejor., lurid pejor.; <...></i>
oś li	<i>adi. [skora, ogon, kopyta] donkey's</i>

В ряде случаев указание формы множ. числа крайне важно, т. к. здесь могут возникнуть сложности с образованием формы личномужского рода, связанные с чередованием согласных в конце основы: *wielki – wielcy, drogi – drodzy, boski – boscy*. В этом лексикографическом издании в словарной статье, посвященной прилагательному, только словораздел в заголовочном слове указывает, что форма множ. числа личномужского рода образуется путем чередования последнего согласного. Для английского пользователя будет целесообразнее все же указать флексию им. п. множ. числа прилагательных *galicyjski, studencki*:

Таблица 36.

galicyjs ki	<i>adi. Hist. Galician <...></i>
studenc ki	<i>adi. [legitymacja, życie, teatr] student attr.</i>
# galicyjs ki	<i>adi. (Npl ma. ~cy) <...></i>
# studenc ki	<i>adi. (Npl ma. ~cy) <...></i>

Что касается образования формы сравнительной и превосходной степени у польских прилагательных, то здесь авторы словаря в рамках статьи приводят дополнительную помету *grad.* (*adi. grad.*), которая призвана маркировать случаи, когда от заголовочного прилагательного возможно образование степеней сравнения, прежде всего синтетических, т. к. здесь существует потенциальный риск сделать ошибку.

Те, для кого польский язык не является родным, не всегда могут с легкостью определить, можно ли от того или иного имени прилагательного образовать синтетическую форму сравнительной или превосходной

степени. Но при этом, ни сами формы сравнительной и превосходной степени, ни их флексии в словарной статье не фиксируются:

Таблица 37.

szer oki	<i>adi. grad. 1.</i> [rzeka, droga, ulica] broad, wide; <...>
oszczędn y	<i>adi. grad. 1.</i> (nierozrzutny) [gospodyni] economical, frugal, thrifty; <...>

В случае с прилагательным *jasny* сравнительная и превосходная степени все же указываются в рамках основной словарной статьи, причем эти формы приводятся в рамках иллюстративного примера к одному из переносных значений прилагательного *jasny*:

Таблица 38.

ja sny	I <i>adi. grad. 1.</i> (dający światło) [ogień, lampa, słońce] bright; <...> 10. przén. (pomyślny) bright; <...> jaśniej^{sze} chwile w życiu life's lighter a. brighter moments <...> III najjaśniej^{szy} <i>adi. sup.</i> (w tytule) najjaśniej^{szy} pan/najjaśniej^{sza} pani His/Her Majesty; <...>
# ja sny	I <i>adi. grad. (comp. jaśniej^{szy}, sup. najjaśniej^{szy})</i> <...>
# ja sny	I <i>adi. grad. (comp. ~śniej^{szy}, sup. najjaśniej^{szy})</i> <...>

По нашему мнению, более рационально было бы указать форму сравнительной степени прилагательного *jasny* в самом начале словарной статьи, чтобы пользователь, не прибегая к помощи дополнительных источников, смог использовать форму *jaśniej^{szy}*, и при необходимости образовал бы и форму превосходной степени *najjaśniej^{szy}*.

В случае, когда имя прилагательное в сравнительной и превосходной степени имеет основу, отличную от той, которая содержится в форме положительной степени, следует связать все три формы между собой при помощи ссылок. В ПАС прилагательные *dobry – lepszy – najlepszy* представлены таким образом, что формы сравнительной и превосходной степени не представлены в качестве отдельных словарных статей.

В случае с прилагательными *zły – gorszy – najgorszy* авторы используют иной способ фиксации и отсылки лексем. В статье *zły* не содержатся формы компаратива и суперлатива. Форма компаратива фиксируется в словнике в виде отдельной словарной статьи – отсылочной.

Таблица 39.

dobry	I <i>adi. grad. 1.</i> (spełniający oczekiwania) [<i>odpowiedź, pomysł, wzrok, słuch</i>] good; <...> wszystkiego najlepszego best wishes; <...>
lepszzy	<i>adi. comp. pot. 1.</i> <...> obraca się teraz w lepszym towarzystwie he keeps better company nowadays <...>
zły	I <i>adi. grad. 1.</i> [<i>zamiar, charakter, siła, postępowanie</i>] (nieetyczny) evil; <...>
gorszy	<i>adi.comp.</i> → zły
# lepszy	<i>adi.comp.</i> → dobry
# zły	I <i>adi. grad. (Npl ma. źli, comp. gor szy, Npl ma. ~si)</i> <...>
# gor szy	<i>adi. comp (Npl ma. ~si)</i> → zły
# najgor szy	<i>adi. sup. (Npl ma. ~si)</i> → zły

Вполне обоснованным было бы поместить и форму сравнительной степени *lepszzy* в соответствующем алфавиту месте словника как отдельную статью с отсылкой к начальной форме этого прилагательного.

Если исходить из установки на то, что ПАС будет использоваться носителем английского языка, то фиксация компаративных форм польских прилагательных здесь крайне важна.

По нашему убеждению, формы сравнительной степени следует указывать в рамках статьи при прилагательном в начальной форме, т. е. в основной словарной статье, и, кроме этого, фиксировать форму компаратива как отдельную отсылочную словарную статью.

В рамках потенциального польско-эстонского электронного или онлайн-словаря, который не ограничен в объеме, в отличие от бумажных словарей, мы обязательно включили бы в словник отдельные отсылочные словарные статьи для форм как компаратива, так и суперлатива польских имен прилагательных, отмечая при этом все «опасные» падежные формы (например, форму множ. числа личному мужского рода).

Переводные эквиваленты также должны быть представлены таким образом, чтобы у пользователя не возникло вопросов относительно падежных форм и степеней сравнения эстонских прилагательных. В качестве возможных вариантов предлагаем несколько статей:

Таблица 40.

# zły <zła, złe; złe, źli> <i>kv</i> gorsz y, <~a, ~e; ~e, gorsi> <i>ül</i> najgorsz y <~a, ~e; ~e, najgorsi>	<i>hea</i> (hea, head, -, heade) <i>SW</i> <i>parem</i> , <i>SN</i> <i>parim/kõige parem</i>
# gor szy	<i>kv</i> → zły
# najgor szy	<i>ül</i> → zły

Словарный материал, использованный в данном параграфе, отчетливо демонстрирует тот факт, что словарные статьи, посвященные имени прилагательному, далеко не всегда содержат всю необходимую грамматическую информацию. Зачастую часть сведений не указывается, поэтому пользователю в подобного рода случаях вновь придется прибегнуть к помощи иных источников.

Нами было предложено несколько вариантов оформления словарных статей с расширенным объемом грамматической информации о лемме и эквивалентах. Безусловно, информации о грамматике слова может быть больше, но мы, прежде всего, указали на те моменты, которые являются наиболее очевидными и актуальными для носителей разных языков.

2.5. Представление информации о морфологических особенностях имен прилагательных в двуязычном польско-эстонском словаре

Для польских имен прилагательных максимальный набор информации, которую следует фиксировать в левой части словарной статьи двуязычного польско-эстонского словаря, должен быть следующим:

- 1) указание на часть речи;
- 2) форма им. п. един. числа муж. рода;
- 3) флексии жен. и ср. рода, формы множ. числа неличномужского и личномужского рода;
- 4) формы косвенных падежей (напр., род. п. един. и множ. числа);
- 5) краткая форма (если есть);
- 6) указание на формы сравнительной и превосходной степени.

В правой части словарной статьи следует включать такие сведения об эстонском эквиваленте, как:

- 1) указание на часть речи;
- 2) формы трех первых падежей един. и множ. числа;
- 3) формы сравнительной и превосходной степени.

В качестве иллюстрации приведем фрагменты нескольких словарных статей, содержащих морфологическую информацию об именах прилагательных в потенциальном польско-эстонском словаре:

Таблица 41.

ciekaw y OS (<i>f</i> -a, <i>n</i> -e, <i>mitm.</i> -e/-i; <i>G m</i> , <i>n</i> -ego, <i>Gf</i> -ej, <i>Acc.</i> -a, <i>Inst.</i> -a) <i>kv</i> ¹ ~ <i>szy</i> , <i>ül</i> ² <i>naj</i> ~ <i>szy</i>	<i>huvitav P</i> (-a, -at; -ad, -ade, -aid) <i>SW</i> ³ <i>huvitavam, SN</i> ⁴ <i>huvitavaim/kõige huvitavam</i>
dobr y OS (<i>f</i> -a, <i>n</i> -e, <i>mitm.</i> -e/-zy; <i>G m</i> , <i>n</i> -ego, <i>Gf</i> -ej, <i>Acc.</i> -a, <i>Inst.</i> -a) <i>kv</i> <i>lepsy</i> (<i>mitm.</i> -e/ <i>lepsi</i>), <i>üv</i> <i>najlepsy</i>	<i>hea P</i> (~, head; ~, heade, häid) <i>SW</i> <i>parem, SN</i> <i>parim/kõige parem</i>
lepsy OS → <i>dobry</i>	
najlepsy OS → <i>dobry</i>	

¹ Сокращение для *keskvõrre*.² Сокращение для *ülivõrre*.³ Сокращение для *stopień wyższy*.⁴ Сокращение для *stopień najwyższy*.

3.1. Глагол в эстонском и польском языке

В ходе выработки теоретических принципов составления двуязычного польско-эстонского словаря, рассчитанного на обе группы пользователей, отдельного рассмотрения требуют морфологические характеристики глагола в польском и эстонском языке.

Набор грамматических категорий глагола в польском и эстонском языке различается и по общему количеству категорий, и по их содержанию и внутренней структуре. В первую очередь необходимо выделить те из них, которые составляют наибольшую трудность для иностранцев и которые должны быть отражены в двуязычном польско-эстонском словаре. Для сравнения грамматические категории глагола в эстонском и польском языке помещены в таблицу:

Таблица 42.

	Эстонский язык	Польский язык
Вид	–	+
Время	+	+
Лицо	+	+
Число	+	+
Наклонение	+	+
Залог	+	+
Форма речи	+	–
Род	–	+

Как видно из таблицы, в эстонском языке нет категории вида и рода, а в польском языке отсутствует категория формы речи. Ошибочным было бы утверждать, что по морфологическим показателям глаголы в польском и эстонском языке отличаются только наличием или отсутствием этих трех категорий, а в остальном наблюдается их полное совпадение и по структуре, и по содержанию, и по семантике.

Здесь важно учитывать, что те категории глагола, которые присутствуют как в польском, так и эстонском языке, совпадают лишь формально; они имеют ряд особенностей в обоих языках, которые возможно выявить в ходе сопоставительного анализа грамматик двух языков.

Как уже говорилось ранее, на данный момент подобных контрастивных исследований нет, что затрудняет анализ морфологической структуры слов в польском и эстонском языках, а, значит, усложняет задачу по выработке лексикографических принципов составления польско-эстонского словаря.

В данном разделе исследования с учетом специфики работы (предполагаемый словарь – польско-эстонский) обсуждаются, в первую очередь, категории вида и рода, отличающие польские глаголы от эстонских. Анализируются и расхождения, касающиеся остальных глагольных категорий в обоих языках. В качестве материала для анализа привлекаются данные из славянско-иноязычных и иноязычно-славянских словарей.

3.2. Категория глагольного вида в контексте двуязычного словаря

Изучению славянского глагольного вида как грамматической категории посвящено огромное количество работ, например, [Маслов 1948, Маслов 1963, Корещу 1962, Ройзензон 1970, Бондарко 1971, Мучник 1971, Авилова 1976, Петрухина 2000, Кароляк 1995, Шелякин 1983, Шелякин 2000, Шелякин 2001, Шелякин 2008 и другие его работы]. В двуязычных словарях, где одним из представленных языков является славянский, задача представления видовых глагольных пар, отличающих славянские языки от других, решается по-разному.

Составителям словарей приходится решать ряд вопросов, касающихся оформления глагольных словарных статей, а также сложностей, связанных с морфологическими, семантическими и другими отличиями членов видовой пары. Один из основных вопросов для составителя словаря – глагол какого грамматического вида – совершенного (далее – СВ) или несовершенного (далее – НСВ) – сделать заголовочным словом.

Далее, анализируя глагольные статьи в ряде словарей, где одним из языков является польский или русский, мы выявили разные подходы к составлению статей и определили ряд морфологических характеристик, которые следует учитывать при составлении статей для глаголов в рамках потенциального двуязычного польско-эстонского словаря.

Внимание акцентируется на отличиях морфологии глагола в двух языках, важных как для носителей эстонского, так и польского языка, прибегающих к помощи двуязычного польско-эстонского словаря.

Предлагаются также наиболее оптимальные, по нашему мнению, варианты текстов словарных статей, в которых введены дополнительные сведения о морфологических показателях глаголов исходного и выходного языка.

Обратимся к ЧЭС, чтобы проанализировать материал статей для трех глаголов: *plésti*, *splésti*, *splétati*. Напомним, что словарь рассчитан на носителей эстонского языка. Видовая принадлежность чешских глаголов фиксируется следующим образом: глаголы СВ отмечены звездочкой *, а глаголы НСВ никак не маркируются. Для глаголов одновременно СВ и НСВ вида ставится помета (*) – звездочка в круглых скобках.

Как видно из Таблицы 43, глаголы *plésti*, *splésti*, *splétati* указаны как отдельные статьи, ссылок, которые бы связали глаголы между собой, нет. Для эстонского пользователя ссылки на парный глагол СВ/НСВ необходимы, поэтому предлагаем вариант статей, содержащих ссылку на парный глагол СВ/НСВ, а также более традиционные пометы, маркирующие вид глагола – *pf* и *impf*.

Таблица 43.

plésti (<i>l. sg. pletu</i>)	1) punuma; 2) kuduma; 3) eksitama, segadusse viima; 4) rumalusi kokku rääkima; <...>
splésti *	1) kokku põimima <i>v.</i> punuma; 2) eksitama, eksiteele viima; 3) segi <i>v.</i> sassi ajama; <...>
splétati	kokku punuma <i>v.</i> põimima <i>v.</i> palmima
# plésti <i>impf.</i> <...>	<...> → splésti <i>pf.</i>
# splésti <i>pf.</i> <...>	<...> → plésti <i>impf.</i>
# splétati <i>impf.</i> <...>	<...> → splésti <i>pf.</i>

В польской традиции составления, например, польско-английских словарей глагол СВ представлен отдельно от соответствующего глагола НСВ при условии, что их аспектуальность выражена префиксом (*czytać* – *przeczytać*). Если же НСВ и СВ различаются суффиксом, то в этом случае оба глагола помещаются в одну статью (*podgryzać* – *podgryźć*). Перекрестные ссылки даются в том случае, если глаголы СВ и НСВ удалены друг от друга в силу алфавитной очередности [Linde-Usiekniewicz, Bańko 1995].

В ПАС (см. Таблицу 44) при каждом глаголе есть помета, указывающая на его видовую принадлежность. В статье для глагола НСВ *pleść* в каждом из значений указывается ссылка на парный приставочный глагол СВ, причем на глагол СВ *spleść* в статье ссылки нет.

В рамках словника в целом глагол СВ *spleść* фиксируется как в роли заголовочного слова, образуя совмещенную статью с глаголом НСВ, так и в роли отсылочного глагола. Глаголы СВ *spleść* и НСВ *splatać* различаются суффиксом, поэтому, согласно установленному в польско-английской лексикографической традиции правилу, они помещены в одну статью.

Такой пример построения словарных статей глагола кажется нам весьма удачным, поэтому этот алгоритм можно перенести и на материал польского и эстонского языков при составлении статей для польских глаголов в потенциальном польско-эстонском словаре.

Таблица 44.

pl eść <i>impf</i> (plotę, pleciesz, plecie, plótl, plotła, pletli)	I <i>vt</i> to plait <...>; to weave <...> → upleść II <i>vt</i> <...> to drivel (on) (o czymś about sth); <...> → napleść
spl eść <i>pf</i> – spl atać <i>impf</i> (~otę, ~eciesz, ~ecie, ~ótl, ~otła, ~etli – ~atam) splatać <i>impf</i> → spleść	I <i>vt</i> <...> to wreath <...>; to plait <...>; to intertwine <...>; to interlace <...>; to lock <...>

В РЭС (Таблица 45) соотносительные глаголы НСВ и СВ указываются в рамках самостоятельных словарных статей. Все заголовочные глаголы снабжаются пометой, указывающей на их видовую принадлежность. Глаголы *плести* и *сплести* соотнесены при помощи отсылки в конце статьи. Глагол НСВ *сплестать* указан в совмещенной статье с заголовочным глаголом СВ *сплести*, как и в ПАС. Кроме того, глагол НСВ *сплестать* как отдельная статья в словаре не указан.

Таблица 45.

плести <i>Г несом.</i>	<i>что</i> punuma, põimima (<i>kõnek. kaülek.</i>), palmima, palmitsema; <...> <i>vrd.</i> сплести
сплести <i>Г сов.</i> → <i>несом.</i> сплестать	<i>что</i> (kokku, ühte, valmis) punuma, põimima, palmima, palmitsema, keerutama (<i>kõnek. kaülek.</i>); <...> <i>vrd.</i> плести

Принцип составления словарных статей для глагола, выбранный авторами ПАС, кажется нам наиболее удачным из рассмотренных в этом разделе, поэтому его можно взять за основу при работе над польско-эстонским словарем. Члены одной видовой пары отображаются в словнике в зависимости от характера видовой соотнесенности – префиксальной или же суффиксальной. Для носителей эстонского языка важно, чтобы сведения, касающиеся видовых характеристик польского глагола, способствовали более эффективному использованию польско-эстонского словаря.

3.3. Категория времени в эстонском и польском языке

В двуязычном словаре словарные статьи, посвященные глаголам, как правило, содержат некоторые формы или флексии личных форм настоящего и прошедшего времени заголовочного слова и/или его эквивалентов. В ПАС один из наиболее типичных способов фиксации форм наст. времени отражен в статьях *pleść – spleść* (см. Таблицу 46). В ЧЭС и РЭС таких примеров крайне мало.

Указание форм прошедшего или будущего времени польских глаголов встречается реже, хотя для эстонского пользователя именно эти формы могут создавать наибольшие трудности. Удачные, на наш взгляд, примеры фиксации личных форм польских глаголов НСВ настоящего и прошедшего времени и глагола СВ будущего и прошедшего времени содержит ПАС.

Следует подчеркнуть, что в эстонском языке, в отличие от польского, нет отдельной грамматической формы будущего времени, поэтому для того, чтобы передать значение будущего, используются иные средства [Поол, Метсланг 2014], напр., помимо основного глагола используются вспомогательные глаголы или же наречия: *hakkan tegema, varsti lähen*.

В польско-эстонском словаре в том случае, когда форме будущего времени польского глагола не будет тождественного с морфологической точки зрения эстонского эквивалента, можно прибегнуть именно к таким глагольным конструкциям со вспомогательными глаголами или наречиями.

Образование форм будущего времени в польском языке неразрывно связано с категорией глагольного вида. От глаголов НСВ форма будущего времени образуется аналитическим путем: вспомогательный глагол *być* 'быть' добавляется к форме прошедшего времени основного глагола: *będę szedł/szła*. У глаголов СВ семантика будущего времени передается формой настоящего времени: *pójdę*.

В рамках польско-эстонского словаря необходимо учитывать, в первую очередь, степень сложности образования личных форм настоящего времени глаголов СВ и будущего времени у польских глаголов НСВ. Для этих целей следует указывать непосредственно в статье основные формы настоящего времени глаголов СВ и формы будущего времени глаголов НСВ, причем в электронной версии словаря можно указать все формы, поместив их в отдельное «окно».

Для носителя эстонского языка немотивированной является морфологическая дифференциация форм *pójdę* и *będę szedł/szła*, передающих значение будущего времени, поскольку перевод на эстонский язык в обоих случаях тождественный: *ma lähen*.

В ЧЭС и РЭС, к примеру, формы будущего времени заголовочных глаголов не указываются (см. Таблицу 43).

Таблица 46.

ПАС	
plēšć <i>impf</i> (plotę, pleciesz, plecie, plótl, plotła, pletli)	I <i>vt</i> to plait <...>; to weave <...> → upleşć
splleşć <i>pf</i> – spllatać <i>impf</i> (~otę, ~eciesz, ~ecie, ~ótl, ~otła, ~etli – ~atam)	II <i>vt</i> <...> to drivel (on) <...> (o czymś about sth); <...> → napleşć
splatać <i>impf</i> → spleść	I <i>vt</i> <...> to wreath <...>; to plait <...>; to intertwine <...>; to interlace <...>; to lock <...>
ЧЭС	
plésti (<i>l. sg. pletu</i>)	1) punuma; 2) kuduma; 3) eksitama, segadusse viima; 4) rumalusi kokku rääkima; <...>
splésti *	1) kokku põimima <i>v.</i> punuma; 2) eksitama, eksiteele viima; 3) segi <i>v.</i> sassi ajama; <...>
splétati	kokku punuma <i>v.</i> põimima <i>v.</i> Palmima
РЭС	
плести <i>Г несов.</i>	<i>что</i> punuma, põimima (<i>kõnek. kaülek.</i>), palmima, palmitsema; <...> <i>vrđ.</i> сплести
сплести <i>Г сов.</i> → <i>несов. сплестать</i>	<i>что</i> (kokku, ühte, valmis) punuma, põimima, palmima, palmitsema, keerutama (<i>kõnek. kaülek.</i>); <...> <i>vrđ.</i> плести
ЭРС	
andma <andma, anda, annab, antud, andis, andke V>	I. (<i>ulatama</i>) давать <даю, даёшь> / дать* <дам, дашь; дал, дала, дало, дали> <i>кого-что, чего, кому</i> , подавать <подаю, подаёшь> / подать* <подам, подашь; подал, подала, подало> <i>что, кому</i> , вручать <вручаю, вручаешь> / вручить* <вручу, вручишь> <i>что, кому-чему</i> ;

В современном эстонском языке существует довольно сложная система прошедших времен [Кюльмоя, Вайгла, Солль 2003: 81–86]. Форм прошедшего времени четыре: претерит (общее прошедшее время), имперфект, перфект и плюсквамперфект; тогда как в польском языке имеется только одно прошедшее время.

В двуязычном польско-эстонском словаре необходимо указывать формы прошедшего времени эстонских глаголов – в бумажном издании можно ограничиться несколькими основными формами, в электронной версии можно указать все формы в отдельном «окне».

Как видно из Таблицы 46, в РЭС эстонские глаголы фиксируются только в форме инфинитива, в ЭРС указываются формы имперфекта эстонских глаголов, например, в статье к глаголу *andma* указана только форма имперфекта *andis*.

Что касается прошедшего времени польских глаголов, то из использованных для анализа словарей указание на формы прошедшего времени

есть в ПАС и выборочно они представлены в ЭРС. Подчеркнем, что в ЧЭС, РЭС, ЭРС фиксация личных форм глагола не всегда производится последовательно.

3.4. Категория лица и числа в эстонском и польском языке

Категории лица и числа (образующие т. н. личные формы глагола) в обоих языках идентичны: как в эстонском, так и в польском языке есть три формы лица и две формы числа. Следовательно, с лексикографической точки зрения сложностей с указанием в словарной статье морфологических показателей форм лица и числа у глаголов нет, т. к. обе категории совпадают.

В двуязычных славянско-иноязычных словарях личные формы глагола фиксируются по-разному: алгоритм, способ и степень полноты представленной морфологической информации разнятся от словаря к словарю. Далее приводится анализ данных из ПАС, ЧЭС, РЭС с целью вычленил наиболее значимые аспекты и предложить вариант для польско-эстонского словаря. В качестве материала берутся статьи из Таблицы 46.

В ПАС личные глагольные формы фиксируются регулярно, но по разным моделям – в некоторых статьях указываются те или иные формы глагола полностью, как, например, в статье *plešć*, а в статье *splešć* указываются только флексии личных форм. Кроме того, у глагола *splatać* в рамках совмещенной статьи отмечена только флексия 1. л. един. числа, а в отдельной статье *splatać* личные формы вообще не указываются.

В ЧЭС личные формы чешских глаголов приводятся только в том случае, «если их образование является нерегулярным» [ЧЭС: 8]. Из числа трех словарных статей только в статье *plésti* фиксируется форма 1. л. един. числа заголовочного глагола.

В РЭС личные формы русских и эстонских глаголов не указываются, что делает использование словаря менее эффективным. В польско-эстонском словаре необходимо фиксировать личные формы как польских глаголов (по примеру статей из ПАС), так и эстонских (по примеру статей из ЭРС). В электронной версии словаря объем информации о личных формах глаголов можно увеличить и дать полную парадигму форм лица и числа.

3.4.1. Супплетивные формы глагола

Необходимо также учесть супплетивность по отношению к инфинитиву некоторых личных форм глагола как в польском, так и в эстонском языке. Крайне актуальным нам кажется замечание А. К. Боровкова, касающееся именно этого вопроса: «Если эстонец или латыш, еще плохо знающий русский язык, наталкивается на такие слова, как ‘шел’, ‘шла’, ‘шли’, и не

знает их перевода, то он напрасно будет искать эти слова в <...> словарях, он нигде не найдет ссылок на то, что они являются формами прошедшего времени от глагола ‘идти’, он не найдет также и слов типа ‘беру’, ‘сошью’, ‘вобью’, ‘бегу’ <...> и т. д.» [Боровков 1957: 171].

Действительно, супплетивные формы в виде отдельной словарной статьи нечасто можно найти в двуязычном русско-иноязычном или славяно-иноязычном и уж тем более в толковом словаре.

Формы типа *шел, шла, шло, шли* зачастую указываются в рамках словарной статьи соответствующего глагольного инфинитива. РЭС – это, пожалуй, одно из немногих исключений, поскольку здесь основные супплетивные формы выносятся в отдельную статью с указанием грамматической характеристики (форма лица, числа, времени) и отсылкой к начальной форме, т. е. инфинитиву; отметим также, что эстонские соответствия/перевод на эстонский язык в подобных статьях не приводятся:

Таблица 47.

пойму I л. буд. вр. Г	понять
пью I л. наст. вр. Г	пить
шёл м. р. прош. вр. Г	идти
шла ж. р. прош. вр. Г	идти

Если мы обратимся к электронной версии ЭРС, то обнаружим, что поиск супплетивных форм не всегда удается. Например, поиск личных форм глагола *minema/minna* ‘идти’ весьма затруднен: форму 3. л. един. числа настоящего времени *läheb* мы находим в рамках словарной статьи *minema* (см. Таблицу 48), а отдельной статьи для этой супплетивной формы нет. Результат поиска неточный (ср. со статьями из РЭС в Таблице 47), более того, такие формы, как *lähen, lähed, läks* найти и, самое главное, соотносить с инфинитивом *minema/minna* не представляется возможным. В правой части статьи к глаголу *minema* даны также супплетивные формы прошедшего времени русских соответствий: *(но)шёл/ (но)шла*.

Таблица 48.

minema <minema, minna, läheb, läheme & lähme, mindud, läks, läksin, minge, mine, minnakse, läinud V>	1. (<i>[eemaldudes] edasi liikuma</i>) иди <иду, идёшь; шёл, шла> [куда], [откуда], [по чему], [за кем-чем]; (<i>hakkama</i>) пойти* <пойду, пойдёшь; пошёл, пошла> [куда], [откуда], [по чему], [за кем-чем];
---	---

В потенциальном польско-эстонском словаре необходимо фиксировать в виде отдельных словарных статей супплетивные формы глаголов польского языка. Словарные статьи для таких супплетивных форм, как например, *szedłem, szli, szły*, будут рассчитаны на носителей эстонского языка. Статьи могут составляться по примеру РЭС (см. Таблицу 47) – с отсылкой к инфинитиву соответствующего глагола.

3.5. Категория рода у глаголов в польском языке

Категория рода у польских глаголов проявляется только в формах прошедшего и будущего времени, а также в формах сослагательного наклонения и, кроме того, у причастий. Напомним, что в эстонском языке грамматическая категория рода отсутствует.

В рамках двуязычного польско-эстонского словаря необходимо помнить о том, что у польских глаголов в форме прошедшего времени и в аналитической форме будущего времени (от глаголов НСВ), а также в сослагательном наклонении во множ. числе проявляется категория личномужского рода, которая имеет особые морфологические показатели.

Фиксация форм рода в статьях, посвященных глаголам, в польско-эстонском словаре необходима, поскольку для эстонского пользователя этот аспект польской морфологии является одним из самых сложных.

Из числа проработанных двуязычных словарей только в ПАС и частично в ЭРС указываются формы глаголов, маркированные по грамматическому роду:

Таблица 49.

ПАС	
plieść <i>impf</i> (plotę, pleciesz, plecie, plótt, plotła)	I vt to plait <...>; to weave <...> → upleść II vt <...> to drivel (on) <...> (o czymś about sth); <...> → napleść
ЭРС	
andma <andma, anda, annab, antud, andis, andke V>	1. (ulatama) давать <даю, даёшь> / дать* <дам, дашь; дал, дала, дало, дали> <i>кого-что, чего, кому</i> , подавать <подаю, подаёшь> / подать* <подам, подашь; подал, подала, подало> <i>что, кому</i> , вручать <вручаю, вручаешь> / вручить* <вручу, вручишь> <i>что, кому-чему</i> ;

В словарную статью глагола мы предлагаем также включить один из видов отглагольных дериватов, а именно причастия – *imiślowy przymiotnikowe*. Эта категория слов может изменяться по родам; кроме того, образование

форм причастий в польском языке имеет свои сложности, поэтому включение их в польско-эстонский словарь будет полезным для носителей эстонского языка.

pl|eść <...> *min. kesks. pleciony* *punuma, põimima* <...>

3.6. Категория наклонения в эстонском и польском языке

В рамках потенциального польско-эстонского словаря следует определить, в каком объеме будет фиксироваться морфологическая информация, касающаяся категории наклонения. Поскольку исходным языком в словаре будет польский, то следует отталкиваться от категории наклонения польских глаголов.

Категория наклонения в эстонском и польском языке отличается, прежде всего, количеством субкатегорий. В польском языке три наклонения: изъявительное, сослагательное и повелительное. В эстонском языке 5 наклонений: помимо изъявительного, сослагательного и повелительного, которые по ряду характеристик сопоставимы с соответствующими польскими категориями, есть еще косвенное и уступительное наклонение [Кюльмоя, Вайгла, Солль 2003: 78–81]. Эти два наклонения не имеют соответствий в польском языке на уровне морфологии.

С лексикографической точки зрения изъявительное наклонение не требует специального указания, что же касается сослагательного и повелительного наклонения, то здесь необходимо определить способ фиксации соответствующих форм глагола в словарной статье. В ПАС, ЧЭС и РЭС формы сослагательного и повелительного наклонения в статьях глаголов не указываются. В ЭРС, например, в статье для глагола *andma* выборочно зафиксированы формы повелительного наклонения.

Как бы могла выглядеть словарная статья для глагола *pleść* в ПАС, если в нее включить сведения о сослагательном и повелительном наклонении? Предлагаем следующий вариант как один из возможных (в электронной версии словаря можно указать весь спектр форм):

Таблица 50.

<p># pl eść <i>impf</i> (plote, pleciesz, plecie, <i>past</i> plótt, plotła, pletli, <i>cond.</i> plóttbym, plóttabym, <i>imper.</i> (nie) pleć! (nie) plećcie!)</p>	<p>I <i>vt</i> to plait <...>; to weave <...> → upleść II <i>vt</i> <...> to drivel (on) <...> (o czymś about sth); <...> → napleść</p>
---	---

Включение в польско-эстонский словарь форм сослагательного и повелительного наклонения заголовочных глаголов и их эстонских соответствий с морфологической точки зрения вполне оправдано: польскому пользователю может потребоваться поиск эквивалентной польскому глаголу формы сослагательного и повелительного наклонения в эстонском языке, а эстонскому пользователю может потребоваться перевод тех же форм на родной эстонский язык.

3.7. Категория залога и формы речи у глаголов в эстонском языке

Содержание категории залога в эстонском языке (см. об этом.: [там же: 89–91]) кардинально отличается от залога в польском языке. В польском языке, как и в других славянских языках, под залогом – активным или пассивным – понимается отношение действия, выраженного глаголом, по отношению к предмету. В эстонском языке семантика залога «выражает принадлежность действия определенному субъекту (*isikuline tegumood* – т. е. все личные формы глагола, например, *maksan, maksin*) или неопределенному субъекту (*umbisikuline tegumood* – особые морфологические формы, например, *makstakse, maksti, on makstud*)» [там же: 43].

В рамках польско-эстонского словаря указание форм залога эстонских глаголов может быть факультативным, поскольку в польском языке этим формам не будет морфологического соответствия. Этот аспект эстонской грамматики может подробно рассматриваться в рамках сравнительного грамматического анализа польского и эстонского языков, но не в рамках двуязычного словаря.

Категория формы речи, присущая эстонским глаголам, не имеет морфологического соответствия в польском языке. В польском языке, как и, например, в русском, форма глагольного отрицания не рассматривается как отдельная категория, так как отрицание формируется путем прибавления отрицательной частицы к форме основного глагола, при этом глагол морфологически не меняется. В эстонском языке формы речи – положительная и отрицательная – отличаются морфологически. Положительная форма речи тождественна личным формам соответствующего глагола, а отрицательная форма образуется по определенным правилам: *loen – ei loe, lugesin – ei lugenud, loetakse – ei loeta*.

В рамках эстонско-иноязычного словаря фиксация отрицательных форм будет весьма уместна с точки зрения пользователя, для которого эстонский язык не является родным и который использует такой словарь в качестве пассивного, т. е. для перевода с эстонского на родной язык.

В рамках потенциального польско-эстонского словаря данная морфологическая категория может быть факультативной; в электронной версии словаря отрицательные формы можно вынести в отдельное «окно».

3.8. Представление информации о морфологических особенностях глаголов в двуязычном польско-эстонском словаре

В ходе сравнительно-сопоставительного изучения глагольных категорий в польском и эстонском языках, а также на основе анализа представления глагольной лексики в различных польско-иноязычных словарях, мы пришли к выводу о том, что набор морфологической информации в словарных статьях глагола в польско-эстонском словаре должен включать ряд показателей, а именно:

В левой части словарной статьи необходимы пометы, указывающие на:

- 1) часть речи;
- 2) видовую принадлежность инфинитива;
- 3) личные формы глагола в настоящем и прошедшем времени;
- 4) формы сослагательного и повелительного наклонения;
- 5) формы причастий;
- 6) инфинитив соотносительного суффиксального глагола с указанием личных форм или отсылку на инфинитив соотносительного префиксального глагола без указания личных форм.

В правой части словарной статьи необходимыми являются такие сведения об эстонском эквивалентном глаголе, как:

- 1) указание на часть речи;
- 2) формы *ma-* и *da-* инфинитива;
- 3) личные формы глагола настоящего и прошедших времен;
- 4) формы сослагательного и повелительного наклонения;
- 5) причастие;
- 6) в электронной версии можно дополнительно указать отрицательные формы и форму неопределенно-личного залога.

Приведем фрагменты нескольких словарных статей для польско-эстонском словаря, содержащих исчерпывающую морфологическую информацию о глаголе:

Таблица 51.

<p>pl eść <i>TS</i>¹ <i>impf</i>² (~otę, ~eciesz, ~ecie; <i>minev.</i>³ ~ótl, ~otła, ~otły, ~etli; <i>kond.</i>⁴ plótlbym/bym plótl, plótlbym/bym plótl; <i>imper.</i>⁵ (nie) pleć! (nie) plećcie! <i>min. kesks.</i>⁶ pleciony)</p>	<p>punu ma, punu da <i>Cz.</i>¹² (~n, ~d, ~b, <i>neg. cz. ter.</i>¹³ ei ~; ~sin, ~sid, ~s, <i>neg. cz. przesz.</i>¹⁴ ei ~nud; ~nud; <i>tr. przyp.</i>¹⁵ ~ksin; <i>tr. roz.</i>¹⁶ (ära) ~! (ärke) ~ge! <i>im. przym. b.</i>¹⁷ ~tud; pöimi ma, pöimi da (~n, ~d, ~b, <i>neg. cz. ter.</i> ei ~; ~sin, ~sid, ~s, <i>neg. cz. przesz.</i> ei ~nud; ~nud; <i>tr. przyp.</i> ~ksin; <i>tr. roz.</i> (ära) ~! (ärke) ~ge! <i>im. przym. b.</i> ~tud; palmi ma, palmi da (~n, ~d, ~b, <i>neg. cz. ter.</i> ei ~; ~sin, ~sid, ~s, <i>neg. cz. przesz.</i> ei ~nud; ~nud; <i>tr. przyp.</i> ~ksin; <i>tr. roz.</i> (ära) ~! (ärke) ~ge! <i>im. przym. b.</i> ~tud; →</p>
<p>spl eść <i>TS pf</i>⁷ – spl atać <i>impf</i> (~otę, ~eciesz, ~ecie; <i>minev.</i> ~ótl, ~otła, ~otły, ~etli; <i>kond.</i> splótlbym/bym splótl, splótlbym/bym splótl; <i>imper.</i> (nie) spleć! (nie) splećcie! <i>min. kesks.</i> spleciony – ~atam, ~atasz, ~ata; <i>minev.</i> ~atał, ~atała, ~atały, ~atali, <i>kond.</i> splatałbym/bym splatał, splatałbym/bym splatała, <i>imper.</i> (nie) splataj! (nie) splatajcie! <i>olev. kesks.</i>⁸ splatający, <i>min. kesks.</i> splatany)</p>	<p>spleć kokku ühte/valmis punu ma, punu da <i>Cz.</i> (~n, ~d, ~b, <i>neg. cz. ter.</i> ei ~; ~sin, ~sid, ~s, <i>neg. cz. przesz.</i> ei ~nud; ~nud; <i>tr. przyp.</i> ~ksin; <i>tr. roz.</i> (ära) ~! (ärke) ~ge! <i>im. przym. b.</i> ~tud; kokku ühte/valmis pöimi ma, pöimi da (~n, ~d, ~b, <i>neg. cz. ter.</i> ei ~; ~sin, ~sid, ~s, <i>neg. cz. przesz.</i> ei ~nud; ~nud; <i>tr. przyp.</i> ~ksin; <i>tr. roz.</i> (ära) ~! (ärke) ~ge! <i>im. przym. b.</i> ~tud; kokku ühte/valmis palmi ma, palmi da (~n, ~d, ~b, <i>neg. cz. ter.</i> ei ~; ~sin, ~sid, ~s, <i>neg. cz. przesz.</i> ei ~nud; ~nud; <i>tr. przyp.</i> ~ksin; <i>tr. roz.</i> (ära) ~! (ärke) ~ge! <i>im. przym. b.</i> ~tud;</p>
<p>splatać <i>TS impf</i> → spleć <i>pf</i> plótl <i>TS min.</i>⁹ <i>ain.</i>¹⁰ <i>m.</i>¹¹ → pleć <i>impf</i></p>	

- ¹ Сокращение для *teğusõna*.
- ² Сокращение для *imperfektiivne aspekt*.
- ³ Сокращение для *minevik*.
- ⁴ Сокращение для *konditsionaal*.
- ⁵ Сокращение для *imperatiiv*.
- ⁶ Сокращение для *mineviku kesksõna*.
- ⁷ Сокращение для *perfektiivne aspekt*.
- ⁸ Сокращение для *oleviku kesksõna*.
- ⁹ Сокращение для *minevik*.
- ¹⁰ Сокращение для *ainsus*.
- ¹¹ Сокращение для *meessugu*.
- ¹² Сокращение для *czasownik*.
- ¹³ Сокращение для *negacja czasu teraźniejszego*.
- ¹⁴ Сокращение для *negacja czasu przeszłego*.
- ¹⁵ Сокращение для *tryb przypuszczający*.
- ¹⁶ Сокращение для *tryb rozkazujący*.
- ¹⁷ Сокращение для *imiesłów przymiotnikowy bierny*.

ГЛАВА IV

ПРИНЦИПЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СЛОВА В ПОЛЬСКО-ЭСТОНСКОМ СЛОВАРЕ

1. Семантика и ее место в двуязычном словаре

Сведения, касающиеся семантики слов, являются наиболее существенной и, в то же время, самой «неуловимой» информацией, которая содержится в словарях [Geeraerts 1984: 3]. Семантическая, т. е. смысловая²⁵, структура слова является основой деления слова на значения. В каждом языке семантическая структура конкретного слова, как правило, имеет свои отличительные особенности, поэтому не всегда удается найти в разных, тем более, неродственных языках, лексические соответствия с идентичным набором сем.

Совпадать семантика слов разных языков может только в ограниченном объеме – по причине анизоморфизма²⁶. Анизоморфизм возникает в следствие того, что в языках существуют разные картины мира, поэтому идеальный межъязыковой эквивалент – скорее исключение, чем правило. Достичь абсолютной эквивалентности крайне сложно [Adamska-Sałaciak 2013a: 222–223].

Случаи несовпадения семантики слов в разных языках представляют для лексикографа наибольшую сложность, потому что здесь проявляются различия в лексическом значении слов разных языков. Именно эти различия порой весьма сложно отобразить на страницах двуязычного словаря.

Основная задача двуязычного словаря заключается в представлении эквивалентов для всех значений всех заголовочных слов так, чтобы каждый эквивалент был по значению идентичен тому значению исходного языка, с которым он соотносится. К сожалению, осуществить эту теоретическую задачу на практике сложно. На это влияют в общей сложности три языковых аспекта: помимо анизоморфизма на поиск нужного эквивалента влияет также неопределенность значения и полисемия (многозначность). На системном уровне неопределенность значения и полисемия расширяют лексические возможности языка (обогащают лексические средства выражения), но в рамках работы над двуязычным словарем они значительно усложняют процесс идентификации значений словарных единиц в каждом из языков [там же: 222].

²⁵ Это понятие использует, например, В. П. Берков в [Берков 1996].

²⁶ Как отмечает Адамска-Салачак, этот термин был предложен Л. Згустой, см. [Adamska-Sałaciak 2013a: 229].

В двуязычном словаре лексика двух языков подбирается и соединяется в рамках одной словарной статьи согласно тождественности лексических значений, когда конкретному значению заголовочного слова в исходном языке соответствует эквивалент с тем же самым значением в выходном языке.

Для того чтобы определить, в какой мере совпадают лексические значения заголовочного слова и его эквивалента или же эквивалентов (если в статье их указано несколько), необходимо выделить все значения слов при помощи их филиации, проанализировать семантику выделенных значений, а затем сравнить между собой полученные результаты в исходном и выходном языках.

В лексикографической традиции в качестве одного из способов раскрытия значения слов широко используется метод семантизации лексических значений. Семантизация значений предполагает, что каждое из значений слова снабжается объяснением, уточнением или дополнением, которое комментирует, где и как данное слово может быть использовано, а также указывает на специфику его функционирования в языке.

С приходом компьютерных технологий в область лексикографии анализ лексики и языка в целом претерпел большие изменения. Главным инструментом работы над словарем стал языковой корпус. В настоящее время корпус стал незаменимым источником словарного материала. И здесь немаловажным становится вопрос о том, каким должен быть необходимый для создания двуязычного словаря корпус. В идеале должно быть два полноценных корпуса, а наличие параллельного или же сопоставимого корпуса будет являться огромным преимуществом.

Среди языковых корпусов выделяются одно- и многоязычные. В число последних входят и двуязычные корпуса. Двуязычные и многоязычные корпуса можно разделить на два основных типа: 1) параллельные, или переводные, корпуса, представляющие множество оригинальных текстов, написанных на исходном языке, и их переводов на один или несколько других языков; существуют корпуса, в которых все языки признаются равнозначными, например, корпуса, созданные на основе официальных документов ООН или Европейского Сообщества (см., напр.: <https://conferences.unite.un.org/UNCORpus/ru>); 2) сопоставимые, или псевдопараллельные, корпуса, собранные по сходным критериям, объединяющие тематически близкие тексты, написанные на двух или нескольких языках, и не являющиеся переводами.

Главное преимущество языкового корпуса заключается в том, что корпус предоставляет данные о синтаксической структуре, в которой обычно используется слово – в отличие от спекуляций на тему того, как слово должно использоваться. Благодаря этому, корпус позволяет сделать процесс составления словаря более точным, эффективным, последовательным [Kilgarriff 2013: 94]. При анализе и выработке принципов построения семантической составляющей словарной статьи нами были задействованы польский и эстонский языковые корпуса.

В четвертой главе исследования затрагиваются некоторые теоретические вопросы филиации, т. е. деления слова на значения. Помимо этого, обсуждаются возможные варианты семантизации значений слов в рамках словарной статьи двуязычного словаря с привлечением практического материала из различных источников.

Кроме того, в данной главе рассматриваются осложняющие факторы, которые нередко сопутствуют выбору (а в ряде случаев правильнее будет говорить о подборе) эквивалентов – это ряды синонимичных эквивалентов. Довольно часто в двуязычных словарях можно встретить переводные эквиваленты в правой части словарной статьи, но, к сожалению, далеко не всегда все указанные эквиваленты в равной степени передают тот же смысл, что и заголовочное слово, а потому не могут считаться полноценными синонимами.

Семантизация лексических значений слова в рамках двуязычного словаря имеет огромную ценность, поскольку благодаря ей пользователь может лучше понять как смысл слов родного языка, так и особенности значения лексики иностранного языка, и, как следствие, более осознанно подойдет к выбору переводных эквивалентов. В итоге сам процесс перевода становится более продуктивным, а использование подобного двуязычного словаря будет намного эффективнее.

В данном разделе исследования на конкретных примерах будет рассмотрен тезис о синонимичности эквивалентов; в ходе анализа словарного и корпусного материала будут предложены варианты по улучшению содержания и структуры словарной статьи именно с точки зрения подбора эквивалентов и степени их синонимичности.

Нами будут также предложены варианты по возможной интеграции лексико-семантической информации в двуязычный польско-эстонский словарь с целью раскрытия перед пользователем (как польским, так и эстонским – что осложняет нашу задачу) семантической структуры слов в рамках словарной статьи.

1.1. Семантизация лексического значения

О необходимости раскрытия семантики слова в процессе работы над словарной статьей еще в середине прошлого века Н. И. Фельдман говорил: «В двуязычных словарях разработка слова состоит не в механическом нанизывании переводов и толкований, а в органическом раскрытии его смысловой структуры» [Фельдман 1957: 11]. Иными словами, раскрытие семантики слова является неотъемлемой частью деления слов на значения.

В лексикографической традиции существуют два мнения относительно того, на основании каких критериев должно осуществляться деление слова на значения [Adamska-Sałaciak 2006: 66–76]. Согласно одной точке зрения [Щерба 1940, Zgusta 1971, Берков 1996], которой придерживаемся и мы в наших рассуждениях, за основу следует брать семантику слова исходного

языка. По другой точке зрения, филиация слов исходного языка должна определяться количеством переводных эквивалентов [Svensen 1987, 1993, Manley, Jacobsen, Pedersen 1988, Gouws 2000].

Выбор между исходным и выходным языком при делении заголовочного слова на значения зависит от типа и задач того или иного двуязычного словаря [Adamska-Sałaciak 2006: 75]. В том случае, когда двуязычный словарь относится к пассивному типу, например, эстонско-русский словарь для носителей русского языка, филиация значений заголовочного слова должна осуществляться согласно семантической структуре выходного – родного языка пользователя, т. е. русского языка. Если двуязычный эстонско-русский словарь является словарем активного типа, где родной язык пользователя – эстонский, то тогда и филиация значений заголовочного слова будет подчинена структуре исходного эстонского языка.

Иными словами, деление слов на значения будет определяться родным языком пользователя, т. к. пользователь словарем, как правило, соотносит значения слова иностранного языка с родным.

При разграничении значений слова в лексикографической практике в русле структурной лингвистики принято брать данные толковых словарей [Фельдман 1957: 14, Берков 1996: 131]. В этом случае значение слова деконтекстуализуется, поскольку основной единицей является слово в чистом виде.

В рамках когнитивного подхода на первом месте, как уже было сказано, стоит корпусный анализ: для того, чтобы выявить и упорядочить значения слова, необходимо изучить данные контекста и в особенности коллокации. Изучению коллокаций посвящены работы многих лингвистов, см., напр.: [Sinclair 1998], [Clear 1993: 277], [Lewis 1993: 93]. Впервые гипотеза о том, что значение слова необходимо изучать через данные текста, прежде всего, через коллокации, была выдвинута в работах Д. Ферта [Firth 1957, 1968] и в дальнейшем была разработана Д. Синклером, который посвятил свои исследования развитию теории языка и лексического значения на базе эмпирических исследований коллокаций, т. е. определенных комбинаций слов, извлеченных именно из языкового корпуса [Hanks 2012: 5]²⁷.

Таким образом, данные из корпуса позволяют найти более точные толкования и сведения о прагматическом использовании слов и выражений, которые ранее не учитывались в традиционных словарях. Согласно когнитивной концепции в лексикографии, слово не является основной единицей значения в языке [Sinclair 2010: 37]²⁸. «Значение слова может быть описано наиболее точно, если слово помещено в определенный контекст» – говорит П. Ханкс [Hanks 2012: 7]. Следуя этой точке зрения, невозможно маркировать значение какого-либо слова вне контекста, для этого нужна конкрет-

²⁷ Помимо лексической сочетаемости слов (которая выражается в виде коллокаций), есть также и грамматическая, получившая название “коллигация” [Firth 1968].

²⁸ Синклер дает примечание, что это положение актуально, прежде всего, для аналитических языков – таких, как английский.

ная языковая ситуация в виде контекста. Это может быть определенное словосочетание (коллокация или коллигация), устойчивое (не)идиоматическое выражение и пр.

Идиоматические выражения включались в словари давно – но только лишь для того, чтобы дать объяснение им, а не непосредственно тому или иному слову исходного или выходного языка. Сейчас корпусные данные способствуют более серьезному изучению значения словосочетаний. В случае, когда объектом исследования является отдельно взятое слово, грамматика находится на первом месте. Когда же внимание смещается с отдельно взятого слова на словосочетание, то возникает соперничество между грамматикой и лексикой [там же: 37–38].

На данном этапе развития двуязычной лексикографии коллокации находятся в центре внимания при использовании корпуса. Отметим также, что П. Ханкс в своих работах говорит также и о важности речевых клише, штампов (*patterns*). Как считает Ханкс, каждое слово в языке ассоциируется с некоторым количеством речевых клише, и в будущем составители словарей должны сосредоточиться именно на анализе клише, поскольку в большинстве случаев то или иное уникальное значение слова может ассоциироваться с конкретным речевым клише [там же: 16].

Поскольку данное исследование нацелено на выработку принципов составления польско-эстонского словаря, который будет предназначаться для носителей обоих языков, механизм филиации заголовочного слова должен быть особым. В таком словаре важно показать структуру слова в обоих языках. Это касается в равной степени фонетики, морфологии и семантики.

Напомним также, что до сих пор не составлено ни одного польско-эстонского словаря, поэтому задача потенциального издания – раскрытие семантической структуры лексики в первую очередь именно польского языка. Учитывая это обстоятельство, в дальнейших рассуждениях за основу деления заголовочного слова на значения будет браться семантика слова в польском языке, но также будет учтен вопрос, связанный с семантизацией эстонских эквивалентов.

Ранее в работе не раз приводился материал ЭПС, который является одним из немногих лексикографических изданий, посвященных эстонскому и польскому языку. Представление фонетических и грамматических характеристик лексики сведено в этом словаре к минимуму, как можно было убедиться в предыдущих разделах исследования.

Теперь же внимание концентрируется на семантической составляющей словарных статей, и сначала нами будет предпринята попытка разобраться в принципах филиации заголовочных слов. С этой целью далее в качестве материала для анализа приводится словарная статья для лексемы *abitu* из ЭПС:

abitu bezradny, nieporadny, niezaradny, niedołączny

В словарной статье нет примеров, иллюстрирующих использование польских эквивалентов в речи и, что самое главное, отсутствуют сведения о семантических различиях в употреблении четырех польских прилагательных. В словаре в целом лишь очень небольшая часть словарных статей снабжена иллюстративными примерами. Это, безусловно, существенный недостаток для любого словаря, но ограниченность в объеме и целевые установки данного издания в некоторой степени могут служить оправданием для отсутствия иллюстративных примеров.

Далее мы намерены на базе словарной статьи *abitu* представить вариант расширенной статьи с информацией о семантике входящих в ее состав лексем и о смысловых связях представленных в ней эквивалентов.

Поскольку данное исследование посвящено выработке теоретических принципов составления польско-эстонского словаря, то материал ЭПС будет также использован для разработки статей с исходным польским и выходным эстонским языком.

Информацию о том, как выглядит смысловая структура каждого из слов анализируемой словарной статьи *abitu* мы можем найти, прежде всего, в толковых словарях обоих языков. При помощи языкового корпуса нам удастся отобрать коллокации для того, чтобы на этом материале выявить наиболее значимые контексты словоупотребления с тем, чтобы поместить их в статьи потенциального польско-эстонского словаря. Полученные сведения о лексических значениях, оттенках значений, коллокациях можно будет использовать для работы по семантизации лексем, входящих в состав словарной статьи. В электронной версии толкового словаря эстонского языка (далее – ТСЭЯ) словарная статья для прилагательного *abitu* выглядит так:

Таблица 48.

abitu <adj>	<p>1. abi, tuge, kaitset vajav; jõuetu, väeti; abitust väljendav, jõuetule iseloomulik. <i>Abitu laps, vanake, invaliid. Inimlaps on sündides vist küll abituim kõigist elusolendeist. Abitud nagu munast koorunud linnupojad. Pisikesed kutsikad niuksusid abitutena. Abitust taimest kasvab kord võimas puu. Abitu pilk, naeratus. Laps vaatas emale abitu näoga otsa. Abitu liigutus.</i></p> <p>2. oskamatu, toimetulematu, küündimatu; saamatu, kohmakas; vilets, kehv.</p> <p>a. (millegi kohta). <i>Artikli keel, sõnastus, stiil on abitu. Abitu katsetus, etüüd. Käsi väriseb ning kiri tuleb abitu. *Rütm komberdas nagu karkudel. Riimid olid ütle mata abitud. E. Tennov.</i></p> <p>b. (kellegi kohta). <i>Abitu algaja. Uus müüja on leti taga abitu ning kohmakas. Laur on toidu tegemisel hirmus abitu. Tüdruk on füüsilikas üsna abitu.</i></p>
--------------------	--

Как видно, лексема *abitu* имеет два основных значения и ряд оттенков значений. Первое значение определяется как ‘нуждающийся в помощи, опоре, защите; бессильный, дряхлый; выражающий беспомощность, характерный для бессильного’. Второе значение определяется как ‘неумелый, несправляющийся; неуклюжий; хилый, убогий’. При этом иллюстративные примеры указывают возможное использование признака по отношению как к объекту, так и субъекту действия – во втором значении указываются соответствующие уточнения под буквами **а** и **б**: «**а.** (о чем-л.)», «**б.** (о ком-л.)».

Первое из значений подразумевает в большей степени физический недостаток и/или необходимость в физической помощи. Второе значение указывает на отсутствие определенных практических умений, навыков, способностей.

Различия между значениями прилагательного *abitu*, согласно дефинициям толкового словаря, позволяют говорить о многозначности слова и о наличии нескольких оттенков у каждого из словарных значений, что должен обязательно отражать и двуязычный словарь.

В рамках толкового словаря интересующее нас слово деконтекстуализовано. Посмотрим теперь, какие данные о его употреблении содержит корпус эстонского языка. Мы пользовались корпусом eTenTen²⁹. Мы проанализировали и систематизировали полученные контексты; ниже приведен небольшой ряд коллокаций для того, чтобы продемонстрировать, как, в каких значениях используется лексема *abitu*:

1. *Abitu auto*
2. *Abitu iroonia*
3. *Abitu mulje*
4. *Abitu tunne*
5. *Abitu ema*
6. *Abitu keha*
7. *Abitu ohver*
8. *Abitu voodihaige*
9. *Isik on abitu*
10. *Laps on abitu*
11. *Olen abitu – süüa teha ei oska*
12. *Abitu isiksuse hoiak*

Принимая во внимание вывод о том (на основании данных толкового словаря), что *abitu* выражает в первом значении наличие физического недостатка (болезни), а во втором отсутствие практических знаний или умений, можно разделить примеры из корпуса условно на четыре группы. В первую группу можно включить те примеры, которые отражают значение физической болезни, необходимости в физической помощи: *abitu voodi-*

²⁹ См. перечень корпусов на сайте <http://www.keeleveeb.ee/>

haige, abitu keha, abitu ohver. Во вторую группу входят, как нам видится, случаи, где значение *abitu* до конца не ясно – это может быть и физический недостаток, и неумение, незнание чего-либо: *isik on abitu, abitu isiksuse hoiak, abitu ema, abitu laps*. Об отсутствии практического навыка – умения готовить – свидетельствует пример *olen abitu – süüa teha ei oska*. И в последнюю группу можно отнести те примеры, где происходит перенос значения: *abitu auto, abitu iroonia, abitu mulje, abitu tunne*.

Выбранные нами примеры из корпуса позволяют также говорить о многозначности слова *abitu*, и могут быть интегрированы в словарную статью в качестве аутентичных примеров словоупотребления.

Принимая во внимание то, как оформлена словарная статья в ЭПС, нельзя говорить о том, что филиация значения слов в словарной статье *abitu* проводится на основании семантической структуры эстонского прилагательного. В ЭПС значения слов не нумеруются, как это обычно делается, например, при помощи арабских цифр, не отделяются точкой с запятой.

Мы попытались изменить структуру словарной статьи из ЭПС, разбив слова на значения, согласно данным ТСЭЯ. Если опираться на эти сведения, то возможен, например, следующий вариант семантизации словарных значений эстонского прилагательного *abitu*:

Таблица 49.

# abitu	1. <abi vajav; jõuetu; abitust väljendav>	2. <oskamatu; kohmakas; vilets>
----------------	---	---------------------------------

Раскрытие значений заголовочного слова поможет, в первую очередь, эстонскому пользователю разобраться, что именно он имеет в виду, используя прилагательное *abitu*, и выбрать наиболее точный эквивалент в польском языке. Польский пользователь в этом случае получит дополнительные сведения о семантической структуре эстонского заголовочного слова и каждого из его значений; с выбором переводящих эквивалентов у него проблем возникнуть не должно.

Составители ЭПС приводят четыре польских эквивалента: *bezzadny, nieporadny, niezadny, niedoleżny*. Следует проанализировать семантические отличия в значениях польских соответствий и выяснить, какие из четырех слов являются с семантической точки зрения наиболее точными эквивалентами эстонского прилагательного *abitu*. В толковом словаре польского языка (далее – ТСПЯ) значения этих прилагательных представлены следующим образом:

Таблица 50.

bezradny	1. niemogący sobie poradzić w życiu lub w trudnej sytuacji; 2. świadczący o niemożności radzenia sobie.
nieporadny	nieumiejący sobie w czymś albo z czymś poradzić; też: świadczący o braku umiejętności lub wprawy
niezaradny	nieumiejący sobie radzić w życiu, w różnych sytuacjach
niedolężny	1. niemający sprawności fizycznej; też: świadczący o braku sprawności fizycznej; 2. nieumiejący poradzić sobie z obowiązkami, z wykonywaniem określonych zadań; też: świadczący o braku umiejętności w danej dziedzinie.

У лексемы *bezradny* выделяется два значения, ключевым компонентом обоих являемся сема ‘нет возможности’ (буквально: ‘не могущий с чем-либо справиться’; ‘свидетельствующий о невозможности самостоятельно справиться с чем-либо’). У прилагательных *nieporadny* и *niezaradny* основным значением будет ‘отсутствие умения, навыка’. И только в одном из значений слова *niedolężny* есть толкование ‘не имеющий *физической* подготовки, навыков, умения в какой-либо области’.

На основании этих дефиниций можно говорить о том, что семантически самым нагруженным будет именно прилагательное *niedolężny*, т. к. в целом оба значения этого слова покрывают семантику трех остальных польских лексем.

Двухязычный словарь (как эстонско-польский, так и польско-эстонский) должен обязательно давать сведения, указывающие на отличия лексических значений слов исходного и выходного языков.

Обратимся далее к корпусу польского языка для того, чтобы проанализировать, каким образом коллокации со словами *bezradny*, *nieporadny*, *niezaradny*, *niedolężny* раскрывают их значения. На данном этапе исследования мы ограничились поиском коллокаций, где основное прилагательное фиксируется в форме муж. рода ед. ч. им. падежа.

Приведем ряд коллокаций для прилагательного *bezradny*, которые отражают основное значение – ‘такой, который не может (самостоятельно) с чем-либо справиться в какой-то ситуации’:

1. *Staje bezradny, bo nic uczynić nie może*
2. *Zdeterminowany i bezradny jednocześnie*
3. *Przy dobitce był już bezradny*
4. *Jest bezradny i nic nie robi*
5. *Bezradny w starciach*
6. *Bezradny wobec potęgi*

Выборка коллокаций для прилагательного *niedolężny* осуществлялась аналогичным образом. Нами были выявлены контексты, в которых основное слово обретает то или иное значение (из числа указанных в толковом словаре):

1. *Niedołężny emeryto*
2. *Nie chcę umierać niedołężny i stary*
3. *Jako silny mężczyzna, a nie niedołężny starzec*
4. *Stary i niedołężny*
5. *Na starość będę niedołężny*
6. *Będzie chory, niedołężny*
7. *Aparat administracyjny jest niedołężny, zacofany i wciąż komunistyczny*

Значение ‘физической немощи, старости’ иллюстрируют первые шесть выражений. Последнее подразумевает еще и некоторую ущербность, отсутствие определенного статуса, о чем свидетельствует прилагательное *zaco-fany*, а также выражение *wciąż komunistyczny*, которые подчеркивают, конкретизируют семантику основного слова.

Анализ корпусных контекстов для прилагательного *nieporadny* также дал определенные результаты. Мы отобрали ряд примеров, иллюстрирующих значение ‘не способный, не могущий с чем-либо справиться’ (примеры 1–3) и ‘свидетельствующий об отсутствии какого-либо умения, навыка’ (примеры 4–10):

1. *Był nieporadny w ataku*
2. *Nieporadny w takich okolicznościach*
3. *W sposób nieporadny*
4. *Nieporadny chór widzów*
5. *Trochę niezgrabny, nieporadny*
6. *Głupi i nieporadny*
7. *Słaby i nieporadny*
8. *Nieporadny gramatycznie*
9. *Nieporadny językowo*
10. *Nieporadny język*

Для прилагательного *niezaradny* мы отобрали из корпуса несколько примеров, которые демонстрируют значение ‘не способный справиться с чем-либо в жизни/ в какой-либо ситуации’. По сравнению в тремя предыдущими прилагательными у *niezaradny* наименее, как мы полагаем, конкретизированное значение, поэтому в состав многих коллокаций входит синтаксически однородное, уточняющее дополнение (имя прилагательное: *słabszy, gorszy, leniwy, niedołężny, dobry, nieruchawy*), которое помогает раскрыть в контексте семантику основного слова. Подобные дополнения в определенных обстоятельствах могут образовывать псевдо-синонимические ряды (примеры 1–5) [Adamska-Sałaciak 2010: 330]:

1. *Słabszy, gorszy, niezaradny*
2. *Człowiek niezaradny, niedołężny*
3. *Leniwy i niezaradny*
4. *Trochę niezaradny i dobry*
5. *Zupełnie niezaradny, nieruchawy i zarządzany przez ludzi*
6. *Niezaradny życiowo*

В дальнейшем приведенные данные о коллокациях польских прилагательных можно интегрировать в словарную статью потенциального польско-эстонского словаря.

Полностью отказаться от использования толковых словарей на данном этапе исследования мы не можем в силу того, что мы не располагаем ни параллельным, ни сопоставительным языковым польско-эстонским и эстонско-польским корпусом, поэтому оценить степень соответствия польской и эстонской лексики без опоры на традиционные словари нам не представляется возможным.

Продемонстрируем один из вариантов того, как можно семантизировать польские имена прилагательные путем соотнесения сведений, которые мы получили из толковых словарей эстонского и польского языка:

Таблица 51.

behradny (<i>abi, tuge, kaitset vajav; abitust väljendav</i>)
nieporadny (<i>saamatu, kohmakas</i>)
niezaradny (<i>oskamatu, toimetulematu, küündimatu</i>)
niedoleżny (<i>jõuetu, väeti; vilets, kehv</i>)

Каждое из четырех польских прилагательных получило своего рода разъяснение на эстонском языке, которое указывает эстонскому пользователю, что означает польское прилагательное. Различия между предложенными в статье переводами для эстонского пользователя станут очевидными, поэтому переводящие эквиваленты уже не будут восприниматься как полностью взаимозаменяемые и тождественные с точки зрения значения. Объяснение значений польских эквивалентов способствует более осознанному и поэтому более точному выбору эстонским пользователем эквивалента из ряда представленных.

Если ввести сюда также дополнительные сведения из ТСПЯ о значениях польских прилагательных, то польский пользователь получит возможность сопоставить семантику значений польских и эстонских слов:

Таблица 52.

behradny (<i>abi, tuge, kaitset vajav; abitust väljendav</i>) (niemogący sobie poradzić w życiu lub w trudnej sytuacji; świadczący o niemożności radzenia sobie)
nieporadny (<i>saamatu, kohmakas</i>) (nieumiejący sobie w czymś albo z czymś poradzić; świadczący o braku umiejętności lub wprawy)
niezaradny (<i>oskamatu, toimetulematu, küündimatu</i>) (nieumiejący sobie radzić w życiu, w różnych sytuacjach)
niedoleżny (<i>jõuetu, väeti; vilets, kehv</i>) (niemający sprawności fizycznej; świadczący o braku sprawności fizycznej; nieumiejący poradzić sobie z obowiązkami, z wykonywaniem określonych zadań; świadczący o braku umiejętności w danej dziedzinie)

Разумеется, в таком виде словарные статьи могут быть использованы лексикографом на начальном этапе работы по интеграции в словник семантической составляющей. Для того чтобы словарная статья приобрела более удобную для пользователя структуру и вид, составитель словаря должен проделать весьма трудоемкую работу по семантизации лексического значения каждого слова.

Данные о семантике слова не должны быть прямым копированием из толковых словарей. Составитель словаря фиксирует в словарной статье – в кратком виде – только самое основное, иллюстрируя по возможности (как это будет ниже видно на примере статей из ПАС) контекстное употребление того или иного слова.

С учетом данных толковых словарей словарная статья для эстонского прилагательного *abitu* в ЭПС может быть оформлена следующим образом:

Таблица 53.

# <i>abitu</i>	1. < <i>abi vajav</i> > <i>bezradny</i> ; < <i>jõuetu</i> > <i>niedolężny</i> ; 2. < <i>oskamatu</i> > <i>niezaradny</i> ; < <i>kohmakas</i> > <i>nieporadny</i> ;
----------------	--

В рамках электронного или онлайн-словаря семантизация может быть, разумеется, более подробной: можно включить иллюстративные примеры, как это сделано в ПАС, или даже гиперссылки на толковый словарь.

Еще раз подчеркнем, что в рамках эстонско-польского словаря, вне зависимости от его формата (бумажный/электронный), семантизация значений польских эквивалентов, представленных в правой части словарной статьи, необходима, прежде всего, для носителя эстонского языка, использующего словарь данного типа в качестве активного (для перевода с эстонского языка на польский, а также для порождения текста на неродном польском языке), так как именно эстонский пользователь нуждается в максимальной конкретизации значений предлагаемых польских соответствий. В противном случае эстонский пользователь будет находиться в замешательстве при выборе польского соответствия, или же вовсе, например, просто выберет первую лексему из предлагаемого перечня, решив, что, скорее всего, она используется чаще, чем остальные.

Проанализируем для сравнения словарные статьи *bezradny*, *niedolężny*, *nieporadny*, *niezaradny* в ПАС:

Таблица 54.

bezradn y adi.	1. [<i>dziecko, starzec</i>] helpless; <...> 2. [<i>uśmiech</i>] helpless, hopeless; <...>
niedoleżn y adi. grad.	1. (niesprawny) [<i>starzec</i>] infirm, decrepit; [<i>inwalida</i>] infirm; <...> 2. (świadczący o niedoleżności) [<i>chód, krok</i>] clumsy 3. (nieudolny) [<i>naśladownictwo</i>] awkward; [<i>styl, usiłowania</i>] clumsy, awkward
nieporadn y adi.	1. (niezaradny) [<i>osoba</i>] inept, incapable; <...> 2. (niezręczny, nieudolny) [<i>ruchy</i>] awkward, ungainly; [<i>styl</i>] gauche, awkward; [<i>tłumaczenie, próby</i>] awkward, clumsy; <...>
niezaradn y adi.	(nieporadny) [<i>gospodarz, dyrektor, staruszek</i>] helpless; (życiowo) inadequate

Все представленные прилагательные снабжены семантизированным переводом. Значения заголовочных слов сопровождаются иллюстративными примерами на польском языке в правой части словарной статьи, выполняющими функцию семантического пояснения – в квадратных скобках. В круглых скобках указывается также близкозначное прилагательное с синонимичным значением. Прилагательные *nieporadny* и *niezaradny* являются при этом перекрестными синонимами.

Благодаря этим сведениям пользователям (как английским, так и польским) демонстрируются семантические различия между словами, которые (на первый взгляд) имеют одно и то же значение.

За счет расширенной семантической информации раскрывается структура лексических значений польских лексем, что делает этот словарь более эффективным в использовании как носителями польского, так и носителями английского языка.

Таким образом, можно говорить о том, что филиация прилагательных *bezradny*, *niedoleżny*, *nieporadny*, *niezaradny* в ПАС отражает семантическую структуру этих лексем, указанную в ТСПЯ.

На основании представленной в анализируемых статьях информации о лексическом значении польских прилагательных можно говорить о том, что метод семантизации лексических значений слова положительно влияет на процесс перевода в целом.

Разумеется, семантизация лексического значения предполагает привлечение дополнительной, требующей большого количества времени и ресурсов работы над языковым материалом. Поэтому ценность и эффективность использования словарей с интегрированными данными по семантизации во многом превосходит те, в которых приемы семантизации значений не применяются.

В ЭРС, например, деление на значения и семантизация лексем не применяется вообще. Словарная статья *abitu* оформлена таким образом:

Таблица 55.

<p>abitu <abitu, abitu, abitud, -, abitute, abitud Adj></p>	<p>беспомощный <беспомощная, беспомощное; беспомощен, беспомощна, беспомощно>; abitu loomake беспомощный зверёк; abitu naeratus беспомощная улыбка; abitud riimid беспомощные рифмы; abitud liigutused беспомощные движения; <i>kellele abitu näoga ~ abitul ilmel otsa vaatama</i> с беспомощным видом ~ беспомощно смотреть/посмотреть* <i>на кого</i>; <i>end abituna tundma [kelle-mille ees]</i> чувствовать/почувствовать* себя беспомощным [<i>перед кем-чем</i>], [<i>в чём</i>]; <i>vanake oli abitu pagu laps</i> старик был беспомощен, как ребёнок</p>
--	---

Эстонскому прилагательному соответствует в русском языке один переводной эквивалент. Однако смысловая структура лексемы *беспомощный* многозначна не только в эстонском языке, как мы увидели на примере ЭПС, но и в русском языке. Согласно данным толкового словаря [Кузнецов 1998] у этого прилагательного два основных значения и несколько оттенков значений (приводим статью с некоторыми сокращениями):

Таблица 56.

<p>беспомощный <...></p>	<p>1. (<i>в чём, перед кем-чем</i>). Неспособный справиться своими силами с чем-л.; нуждающийся в помощи; слабый, бессильный. <i>Б. младенец. Б. в быту. Человек беспомощен перед смертью.</i> // Выражающий слабость, бессилие; свидетельствующий о нём. <i>Б. вид, взгляд. Плакать беспомощными слезами.</i> 2. Не имеющий глубоких знаний, мастерства, умения в чём-л. <i>Технически беспомощен.</i> // Свидетельствующий об отсутствии знаний, мастерства, таланта. <i>Первые стихи беспомощны. Б-ая диссертация.</i> <...></p>
---------------------------------------	--

Как мы видим, семантика лексемы *беспомощный* включает сходные компоненты как в эстонском, так и в русском языке. В первом значении общая сема выражает значение ‘нуждающийся в помощи/abi vajav; бессильный/jõuetu; выражающий бессилие/abitust väljendav’. Во втором значении общность лексического значения определяется семой ‘не имеющий мастерства, умения/oskamatu; свидетельствующий об отсутствии мастерства, таланта/kohmakas’.

Информацию о нескольких значениях/оттенках значений в рамках двуязычного словаря указать необходимо, поскольку у пользователя, который не владеет иностранным языком на должном уровне, нет необходимых сведений о смысловой структуре слова неродного языка. Иллюстрация значений слова и их оттенков при помощи конкретных примеров употребления является одним из вариантов решения данной задачи.

В ЭРС в указанной ранее статье *abitu* как раз предлагается такой вариант. Несмотря на отсутствие филиации значений слов, иллюстративные примеры хорошо отражают разницу между разными оттенками значений: *беспомощная улыбка* явно неравноценна *беспомощности старика*, *беспомощные рифмы* выражают совершенно иное, нежели *беспомощные движения*.

Но пользователь словарем, будь то носитель эстонского или же русского языка, навряд ли почувствует разницу значений только лишь на материале подобных иллюстраций. Единственное, что, пожалуй, явно демонстрируют данные примеры – это то, что в каких-то случаях прилагательное *беспомощный* может использоваться в прямом значении (*движения, старик*), а в каких-то – в переносном (*рифмы, улыбка*).

Для того чтобы выявить и зафиксировать в словарной статье (в данном случае – в статье с заглавным словом *abitu*) ту информацию, которая укажет на разницу значений необходимо использовать метод филиации значения слов и метод семантизации значения слов.

Поскольку целью нашего исследования является выработка лексикографических параметров для польско-эстонского словаря, то далее мы продемонстрируем вариант словарной статьи, опираясь на материал статьи *abitu* из ЭПС, а также на данные из Таблицы 51 и 52.

Просто «перевернуть» статью, т. е. поменять местами левую и правую часть, не получится: в эстонско-польском словаре семантизация значений производится согласно смысловой структуре эстонского языка, а в польско-эстонском словаре следует за основу брать семантику польского языка.

В польско-эстонском словаре, следуя алфавитному порядку, могут быть представлены четыре отдельных словарных статьи: *bezradny*, *niedoleżny*, *nieporadny*, *niezaradny*. ТСПЯ дает сведения о значениях каждого из этих прилагательных. У лексем *bezradny* и *niedoleżny* указываются два значения, каждое из которых в польско-эстонском словаре необходимо семантизировать. У лексем *nieporadny* и *niezaradny* – по одному значению, поэтому эквивалент в обоих случаях будет один. Семантизация значений каждого из заголовочных слов может быть представлена следующим образом:

Таблица 57.

# behradny	1. (<i>niemogący sobie poradzić w życiu lub w trudnej sytuacji</i>) abitu; toimetulematu; 2. (<i>świadczący o niemożności radzenia sobie</i>) saamatu
# niedoleżny	1. (<i>niemający sprawności fizycznej</i>) jõuetu; 2. (<i>świadczący o braku umiejętności w danej dziedzinie</i>) vilets
# nieporadny	(<i>nieumiejący sobie w czymś albo z czymś poradzić</i>) kohmakas
# niezaradny	(<i>nieumiejący sobie radzić w życiu, w różnych sytuacjach</i>) oskamatu

В статьях *nieporadny* и *niezaradny* достаточно, на наш взгляд, ограничиться иллюстративными примерами, выполняющими функцию семантизации значения, т. к. семантическая структура обоих заголовочных слов простая и состоит из одного значения.

Также можно использовать данные коллокаций, за счет которых как польский, так и эстонский пользователь сможет более четко разграничить контекст употребления того или иного эквивалента:

Таблица 58.

# behradny	1. (<i>niemogący sobie poradzić w życiu lub w trudnej sytuacji</i>) abitu; toimetulematu jest behradny i nic nie robi ; 2. (<i>świadczący o niemożności radzenia sobie</i>) saamatu behradny wobec potęgi
# niedoleżny	1. (<i>niemający sprawności fizycznej</i>) jõuetu będzie chory, niedoleżny ; 2. (<i>świadczący o braku umiejętności w danej dziedzinie</i>) vilets aparat administracyjny jest niedoleżny, zacofany i wciąż komunistyczny
# nieporadny	(<i>nieumiejący sobie w czymś albo z czymś poradzić</i>) kohmakas nieporadny w takich okolicznościach, nieporadny językowo
# niezaradny	(<i>nieumiejący sobie radzić w życiu, w różnych sytuacjach</i>) oskamatu człowiek niezaradny, niedoleżny, niezaradny życiowo

Безусловно, предложенные словарные статьи являются одним из вариантов того, как при помощи филиации и семантизации значений может быть оформлена статья в двуязычном словаре в целом и в польско-эстонском словаре в частности.

Наши рассуждения и анализ словарного материала были нацелены подчеркнуть необходимость раскрытия семантики слова в процессе работы над словарной статьей. Семантизация лексического значения раскрывает внутренние – смысловые – связи слов, помогая тем самым пользователю сделать не просто правильный (с грамматической точки зрения) выбор слова, но, что крайне важно, верный по значению и употреблению.

В рамках данного исследования мы стремимся, в первую очередь, продемонстрировать, почему для потенциального польско-эстонского словаря

крайне желательно эксплицировать семантику слов исходного – польского – языка. Но, поскольку, предполагаемый польско-эстонский словарь должен быть рассчитан на две группы пользователей, то важно представить в сопоставлении смысловую структуру как польского, так и эстонского языков.

1.2. Синонимия переводных эквивалентов

Эквивалентность лексики двух языков в составе двуязычного словаря стала объектом изучения и споров огромного числа исследователей (см., например: [Zgusta 1984, Landau 2001: 100–101, Marcinkevičienė 2007, Váradi, Kiss 2007, Snell-Hornby 1990, Schnorr 1986, Martin 1992])³⁰. Несмотря на отсутствие единого толкования понятия эквивалентности, она до сих пор остается основополагающим понятием в двуязычной лексикографии [Adamska-Sałaciak 2010: 392, 404].

Какова природа лексической эквивалентности? Традиционно с лексикографической точки зрения эквивалентность понимается как системное явление в языке, поэтому эквивалент для слова исходного языка в рамках двуязычного словаря будет «действителен» вне зависимости от контекста. При когнитивном подходе к вопросу эквивалентности говорится о том, что необходимо учитывать корпусные данные о коллокациях и идиоматических выражениях, поскольку слово вне контекста не обладает значением. В данном случае речь идет о внутритекстовой эквивалентности [там же: 388], так как выводы относительно тождественности значений опираются на корпусный контекст. В ходе анализа потенциальных эквивалентных слов и выражений сопоставляются их значения, и в зависимости от того, насколько они близки, делается вывод о степени соответствия: частичной, приблизительной или асимметричной [там же: 392].

Эквивалентность различается по типам и уровням, существует также ряд сложностей, возникающих в процессе поиска переводных эквивалентов. В металексикографической литературе традиционно говорится о полной, частичной и нулевой степени эквивалентности лексики двух языков [Adamska-Sałaciak 2013b: 336].

Полная степень эквивалентности выражается в когнитивных эквивалентах. Когнитивный эквивалент – это общий эквивалент, который может использоваться в разных контекстах. Он передает основное (центральное) значение заголовочного слова. Обычно в роли когнитивных эквивалентов выступают моносемные лексические единицы, имеющие четкое денотативное значение (названия растений, животных и пр.) [там же: 338].

³⁰ Критику теоретических работ по теме эквивалентности в рамках двуязычных словарей (в том числе и относительно работ В. П. Беркова) можно найти, например, в работе польского исследователя [Piotrowski 1994: 160].

Частичная эквивалентность выражается в переводных эквивалентах. Переводной эквивалент является хорошим вариантом перевода для заголовочного слова в определенном контексте. Вне контекста такой перевод может не быть эквивалентным.

Нулевая степень эквивалентности в русской лексикографической традиции характеризует т. н. безэквивалентную лексику. В данном случае смысл значения передается через объяснительный эквивалент – парафраз, объясняющий значение заголовочного слова.

Разграничения между типами эквивалентности основаны не только на степени семантической близости между словами исходного и выходного языков. Важными являются и другие факторы: системный или несистемный характер эквивалента, возможность его замены в контексте, степень лексикализации и др. [там же: 336–337]. Использование корпусных данных при установлении эквивалентности лексики двух языков дает существенные результаты: помогает упорядочить варианты перевода для той или иной лексической единицы, выявить случаи отсутствия эквивалентов, определить дистрибутивные отличия между соотносимыми единицами в двух языках [Adamska-Sałaciak 2010: 401].

Когнитивные исследования в области лексикографии выделяют два смежных явления – межъязыковую эквивалентность и внутриязыковую (внутритекстовую) синонимию. Составителям словарей нередко приходится решать вопрос, связанный с синонимичностью слов в правой части словарной статьи.

Синонимия выступает как одно из сопутствующих явлений при подборе иноязычных соответствий. В определенных случаях пользователю словарем сложно оценить, насколько близкими по значению являются предлагаемые эквиваленты. В лингвистической литературе синонимы получили не одно определение. Наиболее общепризнанным и традиционным стало определение, согласно которому синонимами считаются слова, близкие или тождественные по значению, но различающиеся или оттенками значения, или стилистической окраской, или тем и другим [Ахманова 1966, Реформатский 1996, Виноградов 1997].

Даже в небольших по объему двуязычных словарях, как правило, бывает представлена парадигма синонимичных эквивалентов в переводной части словарной статьи. Принципы составления синонимичных рядов выходного языка составитель словаря определяет, как правило, сам, руководствуясь теми или иными критериями.

Нередко правая часть словника в двуязычном словаре оказывается перегружена синонимичными, по мнению составителей словаря, эквивалентами. Хотя эта «синонимичность» носит скорее условный характер.

В результате пользователь словарем (в первую очередь, конечно же, активный пользователь, не владеющий – на должном уровне или же вообще – языком правой части словника) будет в подобной ситуации выбирать переводной эквивалент, исходя из собственных соображений (например, опираясь на предыдущий языковой опыт), а не руководствуясь

объективными языковыми данными (указание в словарной статье на семантические, стилистические и прочие различия между предлагаемыми эквивалентами-«синонимами»).

На самом деле, составители указывают в словарной статье зачастую «множество переводящих эквивалентов, добавляя – из разных соображений – еще ряд просто близких по значению слов» [Берков 1996: 168].

Типологические характеристики синонимов можно классифицировать и выявить три типа синонимии: абсолютная или полная синонимия, описательная или дескриптивная и квази-синонимия.

Абсолютная синонимия – явление нечастое в языке. В рамках двуязычного словаря определенные классы лексики могут выступать как абсолютные синонимы. Это, например, лексика из научно-технической области. Сюда также можно отнести слова, которые имеют один и тот же денотат (а значит и идентичный набор сем) в разных языках: названия представителей флоры и фауны. У абсолютных синонимов полностью совпадает значение и семантика.

Описательная синонимия функционирует в виде отдельно взятых слов, которые поясняют друг друга, как, например, пара английских глаголов *start* и *begin* [Adamska-Salaciak 2013b: 334]. Описательные синонимы совпадают по значению, но у них разные функциональные характеристики, что подтверждается корпусными данными.

Квази-синонимия – явление, при котором общее значение у нескольких слов сохраняется, но нюансы значения у каждого из предполагаемых синонимов разные. В роли квази-синонимов могут выступать пары гипонимов и гиперонимов.

Степень близости значений слов определяет, в какой мере они могут считаться синонимами относительно друг друга (абсолютными, описательными или квази-синонимами). Анализ взятых из корпуса данных поможет – на базе коллокационных характеристик – выявить слова, которые максимально синонимичны между собой.

В двуязычном словаре следует исходить из интересов потенциального пользователя, поэтому в случае, когда для заголовочного слова указывается несколько соответствий, задача составителей – наглядно показать отличия синонимичных эквивалентов.

Нередко попытки подбора синонимичных эквивалентов бывают неудачными. В результате, к сожалению, пользователь, который предполагает, что те или иные предлагаемые в словаре эквиваленты имеют тождественное значение, вводится в заблуждение.

В процессе анализа ряда словарных статей мы проследим, как составители двуязычных словарей фиксируют близкие по значению соответствия, а также при помощи каких дополнительных средств демонстрируют различия между эквивалентами-синонимами.

Как можно было убедиться в предыдущем параграфе на примере статьи *abitu* из ЭПС, указание нескольких переводных эквивалентов без их

семантизации делает использование подобного издания малопродуктивным.

Обратимся еще раз к статье *abitu* из ЭПС, теперь уже с целью выявить, насколько предлагаемые авторами словаря польские эквиваленты синонимичны и могут быть указаны как равноценные и взаимозаменяемые соответствия эстонского прилагательного. Исходное прилагательное *abitu* в эстонском языке имеет два основных значения: первое в целом характеризует физическую слабость, необходимость оказать физическую помощь или поддержку, второе же – отсутствие навыков, умений, способностей (не только физических).

Четыре польских прилагательных следует представить таким образом, чтобы сохранить семантическую структуру исходного эстонского прилагательного и одновременно показать различия в значении польских соответствий.

В Таблице 53 была представлена словарная статья, в которой семантизируется каждое из значений/оттенков значения эстонской лексемы. Если в эту таблицу дополнительно интегрировать данные, например, из Таблицы 58, то в результате возможно будет продемонстрировать различия в значении переводящих эквивалентов.

Таблица 59.

# abitu	1. <abi, tuge, kaitset vajav> bezradny (<i>niemogący sobie poradzić w życiu lub w trudnej sytuacji</i>) <dziecko, starzec>; <jõuetu> niedołężny (<i>niemający sprawności fizycznej</i>) <starzec, inwalida>, 2. <oskamatu, toimetulematu, küündimatu> niezaradny (<i>nieumiejący sobie radzić w życiu, w różnych sytuacjach</i>) <gospodarz, dyrektor>; <saamatu, kohmakas> nieporadny (<i>nieumiejący sobie w czymś albo z czymś poradzić</i>) <osoba>
----------------	---

В процессе работы над двуязычным словарем семантизацию можно задействовать не только как средство раскрытия значений заголовочного слова, но и для разграничения синонимичных переводящих эквивалентов.

Обратимся к материалу статей *bezradny*, *niedołężny*, *nieporadny*, *niezaradny* в ПАС с целью проследить, насколько синонимичны зафиксированные в статьях переводящие эквиваленты. Заголовочные слова *nieporadny* и *niezaradny*, согласно предложенному материалу, являются синонимами относительно друг друга.

В правой части обеих статей значения заголовочного слова семантизируются за счет близкого по значению польского прилагательного: в статье *niezaradny* функцию семантизации выполняет прилагательное *nieporadny* и, соответственно, в статье *nieporadny* синоним *niezaradny* фиксируется как раскрывающий семантику:

Таблица 60.

nieporadny y adi.	1. (niezaradny) [<i>osoba</i>] inept, incapable; <...> 2. (niezręczny, nieudolny) [<i>ruchy</i>] awkward, ungainly; [<i>styl</i>] gauche, awkward; [<i>tlumaczenie, próby</i>] awkward, clumsy; <...>
niezaradny y adi.	(nieporadny) [<i>gospodarz, dyrektor, staruszek</i>] helpless; (życiowo) inadequate

Переводящие эквиваленты для заголовочного слова *nieporadny* даны как синонимичные (через запятую) – для первого значения ‘inept, incapable’, для второго значения – ‘awkward, ungainly’; ‘gauche, awkward’; ‘awkward, clumsy’. Польский пользователь оказывается перед дилеммой: какой из предлагаемых эквивалентов точнее передает значение прилагательного *nieporadny*. Прилагательное *awkward* указывается в представленной статье несколько раз, при этом порядок, в котором фиксируются английские соответствия, кажется спонтанным.

В статье *bezradny* переводящий эквивалент *helpless* указывается дважды, но во втором значении разница между эквивалентами *helpless* и *hopeless* неочевидна без дополнительного пояснения:

Таблица 61.

bezradny y adi.	1. [<i>dziecko, starzec</i>] helpless; <...> 2. [<i>uśmiech</i>] helpless, hopeless; <...>
niezaradny y adi.	(nieporadny) [<i>gospodarz, dyrektor, staruszek</i>] helpless; (życiowo) inadequate

В статье *niedołężny* указан ряд повторяющихся эквивалентов: *awkward, clumsy, infirm*. Различия в значении, стилистических характеристиках, сочетаемости эквивалентов для носителя польского языка в общем-то не являются очевидными, если опираться на материал данной статьи. Без дополнительных пояснений выбор переводящего эквивалента может оказаться, по всей видимости, немотивированным:

Таблица 62.

niedołężny y adi. grad.	1. (niesprawny) [<i>starzec</i>] infirm, decrepit; [<i>inwalida</i>] infirm; <...> 2. (świadczący o niedołężności) [<i>chód, krok</i>] clumsy 3. (nieudolny) [<i>naśladownictwo</i>] awkward; [<i>styl, usiłowania</i>] clumsy, awkward
---------------------------------	---

На материале этих статей видно, кроме всего прочего, что некоторые из значений или оттенков значения заголовочного слова могут соотноситься с одним и тем же переводящим эквивалентом. Здесь стоит задуматься над тем, как можно изменить структуру словарной статьи таким образом, чтобы ни один из представленных в статье переводных эквивалентов не оказался случайным или «на всякий случай» указанным еще раз.

Для контраста приведем также материал статей *bezradny*, *niedoleżny*, *nieporadny* и *niezaradny* из Большого польско-русского словаря (далее – БПРС):

Таблица 63.

bezradny	беспомощный, бессильный; ~ wobec czegoś бессильный перед чем-л.
niedoleżny	1. дряхлый, немощный; ~ starzec дряхлый старик; 2. беспомощный, бессильный; неумелый; ~ e kierownictwo неумелое (бездарное) руководство
nieporadny	неловкий, беспомощный; непрактичный
niezaradny	беспомощный; непрактичный

Переводящие эквиваленты во всех четырех статьях представлены как равнозначные. Без дополнительной семантизации (а также иллюстративных примеров) сделать выбор между прилагательными *беспомощный*, *бессильный*, *непрактичный* весьма сложно.

Активный пользователь словарем, недостаточно владеющий русским языком, вероятнее всего, не увидит разницу между прилагательными *неловкий* и *беспомощный*; синонимами их назвать можно с большой натяжкой. Пользователь будет вынужден самостоятельно проанализировать материал статьи и определить, исходя из имеющейся информации, какой из предлагаемых эквивалентов в том или ином случае точнее передает необходимый смысл/ значение заголовочного слова.

Между эквивалентами, входящими в какой-либо синонимический ряд, как правило, существуют различия в значении, сочетаемости, оценке и пр. Без соответствующих указаний в словарной статье использовать подобные ряды эквивалентов-синонимов неудобно.

Отметим также, что в статьях *bezradny*, *niedoleżny* и *nieporadny* (как в ПАС, так и в БПРС) одни и те же переводящие эквиваленты указываются в разной (вероятно, даже случайной) очередности. Зачастую такой прием используется составителями словарей для того, чтобы создать видимость фиксации разницы значений не между самими эквивалентами, а между заголовочными словами-синонимами [Берков 1996: 168].

В словарной статье, в которой представлены синонимы (независимо от того, исходный это или же выходной язык), необходимо помнить о семантизации лексем. Толкование лексических значений слов, тем более

близкозначных или же синонимов, важно как для активного пользователя словарем, так и для пассивного. Иными словами, семантизация способствует более эффективному использованию словарей.

1.3. Представление информации о семантических характеристиках слова в двуязычном польско-эстонском словаре

Сведения о семантике заголовочного слова и его переводных эквивалентах в рамках двуязычного польско-эстонского словаря должны помещаться в левой части словарной статьи. В первую очередь необходимо представить значения заголовочного слова, исходя из данных толкового словаря польского языка, а также языковых корпусов. Если слово имеет несколько значений/оттенков значения, то каждое из них следует сопроводить уточнениями на польском языке, которые раскрывают его семантику.

В случае, когда в качестве соответствия указывается несколько переводных соответствий, которые являются синонимичными, то тогда каждый из эквивалентов следует сопроводить семантизирующими пояснениями, т. е. дополнительной информацией об особенностях его значения, употребления, стилистической окраски и пр.

В конце приведем фрагмент статьи для потенциального польско-эстонского словаря, содержащей семантическую информацию о лексемах:

Таблица 64.

# behradny	1. (<i>niemogący sobie poradzić w życiu lub w trudnej sytuacji</i>) abitu; toimetulematu jest behradny i nic nie robi ; 2. (<i>świadczący o niemożności radzenia sobie</i>) saamatu behradny wobec potęgi
-------------------	---

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках данной работы был затронут ряд теоретических вопросов, посвященных двуязычным словарям общего типа и принципам их составления. В центре исследования находились двуязычные словари с различными языковыми комбинациями, прежде всего с эстонским и славянскими языками (польским, русским, чешским). Наше внимание сосредоточилось на выработке принципов составления нового польско-эстонского словаря среднего объема и универсального предназначения, параметров словарной статьи, а также системы соответствующих помет для данного лексикографического издания.

Во вводной части диссертации представлен краткий обзор эстонско-славянской лексикографической традиции с указанием ключевых двуязычных словарей, где одним из языков является эстонский, а вторым – один из западнославянских языков (польский, чешский, словацкий). Для сравнения приводятся сведения о достижениях в области эстонско-русской и русско-эстонской лексикографии. Приводятся сведения о существующих электронных лексикографических проектах для большого количества языковых комбинаций, в том числе для польского и эстонского языков. Кроме того, перечисляются лексикографические издания для финского (как близкородственного эстонскому языку) и западнославянских языков с целью демонстрации достижений в этой области на фоне эстонско-западнославянской традиции.

Помимо этого, подчеркивается значимость электронных ресурсов (прежде всего, языковых корпусов), которые на рубеже XX и XXI веков принципиально изменили подход к работе над словарями. В результате дигитализации лексикографии отдельно взятое слово перестало считаться рядом исследователей (см. [Sinclair 1998, 2003], [Hanks 2010, 2012, 2013], [Firth 1957, 1968], [Langacker 2008], [Adamska-Sałaciak 2006, 2010, 2013a]) основной единицей значения; отныне условием раскрытия значения слова является контекст.

Подобный экскурс, на наш взгляд, позволяет увидеть и оценить результаты работы по созданию двуязычных словарей, разговорников и справочников с привлечением славянского и финно-угорского языкового материала и, конечно же, использовать предшествующий опыт при разработке дальнейших теоретических основ по составлению польско-эстонских лексикографических изданий.

В первой главе **«К вопросу о типологии двуязычных словарей»** на материале трудов ряда известных исследователей (см.: [Щерба 1940, Malkiel 1967, Zgusta 1971, Al-Kasimi 1983, Берков 1996, Svensen 1993, 2009, Atkins, Rundell 2008]) выясняется, каким образом ориентированность двуязычного словаря на определенную группу пользователей влияет на составление словника в двуязычных словарях активного типа и пассивного типа для одной и той же пары языков (в нашем случае – эстонского и поль-

ского), а также на процесс и качественный результат составления двуязычного словаря в целом.

Среди исследователей имеют место диаметрально противоположные мнения по вопросу ориентированности двуязычного словаря на пользователей. Согласно одной точке зрения (её придерживаются, например, В. П. Берков и А. М. Аль-Касими), двуязычный словарь должен составляться только для одной группы пользователей, т. е. для носителей одного из представленных в словаре языков; по другой точке зрения (её отстаивают, к примеру, Б. Свенсен, С. Аткинс, М. Ранделл), двуязычный словарь должен ориентироваться на обе группы пользователей, т. е. на носителей обоих языков, представленных в словаре. Сопоставление исследований перечисленных авторов в области двуязычной лексикографии проведено не только для изучения различных точек зрения относительно ориентированности двуязычного словаря на пользователей, но и для определения наиболее подходящего варианта для потенциального польско-эстонского словаря.

Изучив различные теоретические концепции в этой области, мы пришли к выводу о том, что оптимальным решением в нашем случае будет двуязычный (а конкретно – потенциальный польско-эстонский) словарь, которым могут равноценно пользоваться как носители исходного, так и выходного языка. Это означает, что в рамках одной словарной статьи необходимо совместить признаки активного и пассивного словаря.

Таким образом, активный польско-эстонский словарь для носителей польского языка должен быть одновременно пассивным польско-эстонским словарем для носителей эстонского языка. В результате эффективность и частота использования такого словаря, по нашему мнению, будет выше, чем у тех словарей, которые составляются по принципу ориентированности только на одно «направление» (активный – пассивный) и одну группу пользователей.

Во второй главе **«Принципы представления особенностей фонетики и графики в польско-эстонском словаре»** в качестве анализируемого материала были задействованы различные двуязычные словари (эстонско-польский, чешско-эстонский, русско-эстонский, эстонско-русский, польско-английский), а также теоретические монографии, посвященные вопросам фонетики и фонологии.

В ходе анализа были выявлены фонетические особенности польского и эстонского языка, которые по объективным причинам, вытекающим из различий между фонетическими системами эстонского и польского языков, а также обусловленные их артикуляционными сложностями, чужды носителям другого языка, а посему должны найти отражение в двуязычном словаре в виде графической или же аудио-транскрипции.

Отдельно были изучены просодические параметры польского и эстонского языков: тип ударения, характерный для языков, закономерности и исключения в системе ударений обоих языков, отражение просодической характеристики слов польского и эстонского языков применительно к потенциальному польско-эстонскому словарю.

Был рассмотрен тезис о необходимости включения информации о фонетической системе языка и принципах произношения в двуязычный словарь, при этом были указаны возможные комбинации фонетической транскрипции (полная, частичная, выборочная), которые могут встречаться в двуязычных бумажных, электронных и онлайн-словарях.

Во второй главе был также затронут вопрос корреляции между фонетикой и графикой в польском и эстонском языках и необходимости транскрипции в случае недостаточной соотнесенности между фонемой и графемой.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что в рамках потенциального польско-эстонского словаря использование транскрипции должно, прежде всего, помочь эстонскому пользователю справиться со сложными для него – с точки зрения произношения и чтения – польскими лексемами и фразами. Но и польскому пользователю необходима в ряде случаев аналогичная помощь с эстонским языком.

В подобных ситуациях транскрипция должна иметь стандартный вид, т. е. должна помещаться в квадратные скобки. На наш взгляд, электронная и онлайн-версии словаря позволяют использовать транскрипцию в неограниченном объеме: аудио-транскрипцией можно снабдить заголовочные слова, их эквиваленты, иллюстративные примеры как в левой, так и в правой части словника.

Далее нами были проанализированы такие характеристики эстонской фонетики, которые являются трудными для освоения носителями польского языка. Для фонетической системы эстонского языка (в отличие от польской) характерными являются квантитативность, а также система ступеней долготы, которая имеет смысло- и форморазличительную функцию.

В ходе анализа мы пришли к выводу о том, что оптимальным средством для усвоения системы ступеней в эстонском языке и снижения числа возможных грамматических и прочих ошибок со стороны носителя польского языка может стать аудио-транскрибирование. Особенно это актуально для электронных и онлайн-словарей.

Поскольку для польского языка оппозиция фонем по долготе и краткости является нехарактерной, то для носителей польского языка в соответствующем электронном польско-эстонском словаре необходимо дать аудио-транскрипцию эстонских лексем в тех случаях, где долгота и краткость фонем имеет также и смыслоразличительную функцию.

Отдельно рассматриваются также трудности польской фонетики с точки зрения носителей эстонского языка. Отличия в произношении звуков и слов в польском языке обусловили слабую соотнесенность между фонетикой и графикой, вследствие чего польская орфография является весьма сложной для усвоения.

В польском языке к смыслоразличительным относятся качественные различия между фонемами.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что в двуязычном польско-эстонском словаре с целью упростить освоение польской фонетики и графики эстонскими пользователями необходимо обратить внимание на пра-

вила произношения носовых гласных, шипящих согласных, а также на случаи т. н. орфографической синонимии.

В третьей главе «**Принципы представления морфологических показателей слова в польско-эстонском словаре**» внимание уделяется морфологии и ее месту в двуязычном словаре в целом и в потенциальном польско-эстонском словаре в частности. Здесь были выработаны грамматические параметры, которые следует учитывать при составлении словарных статей для эстонских и польских имен существительных, имен прилагательных и глаголов в рамках польско-эстонского словаря общего типа. Кроме того, на материале конкретных словарных статей было предложено решение вопросов по графическому оформлению помет и системы ссылок.

В данном разделе исследования сопоставлялись грамматические категории имен существительных, прилагательных и глаголов в польском и эстонском языках. По количеству и набору категорий эти части речи в обоих языках отличаются.

В эстонском языке имя существительное изменяется по числам и падежам. В польском языке существительное характеризуется родовой соотнесенностью, одушевленностью-неодушевленностью, изменяется по числам и падежам, и во множ. числе характеризуется категорией личномужского или неличномужского рода.

Среди категориальных отличий польских и эстонских имен существительных необходимо, прежде всего, обратить внимание на категорию одушевленности-неодушевленности и на категорию рода, которые в эстонском языке отсутствуют. Категория рода в эстонском языке не имеет формальных грамматических показателей, но, несмотря на это, пол живого существа возможно маркировать при помощи ряда словообразовательных суффиксов. Важно также учитывать возможные ошибки пользователей, связанные с отличиями в образовании форм числа: случаи существительных *singularia tantum* и *pluralia tantum*.

Имя прилагательное в обоих языках изменяется по числам и падежам (но в эстонском языке присутствуют некоторые исключения, например, *ise-laadi*, *katoliku*, которые должны непременно отдельно отмечаться в рамках потенциального польско-эстонского словаря), а также образует (за рядом исключений) сравнительную и превосходную степени сравнения. В польском языке, в отличие от эстонского, для имен прилагательных как в форме един., так и множ. числа релевантна грамматическая категория рода.

Кроме того, от некоторых польских прилагательных образуется краткая форма с нулевым окончанием, которая отличается от полной формы и по своему лексическому значению, и по базовой синтаксической функции, и по морфологическим особенностям.

Глагол в польском и эстонском языке с точки зрения морфологии различается и по общему количеству грамматических категорий, и по их содержанию и структуре.

В данном разделе исследования с учетом специфики работы (предполагаемый словарь – польско-эстонский) обсуждаются, в первую очередь,

категории вида и рода, отличающие польские глаголы от эстонских. Анализируются и расхождения, касающиеся остальных глагольных категорий (время, лицо, число, наклонение, залог, форма речи) в обоих языках.

По нашему мнению, сведения о морфологии польского и эстонского языков в рамках двуязычного польско-эстонского словаря должны помещаться, прежде всего, во вводной части, где дается в сжатом виде основная информация о морфологических особенностях обоих языков, причем на эстонском языке будут представлены сведения о польской морфологии, а на польском языке – об эстонской морфологии.

Словарные пометы, используемые в левой части словника, должны быть понятны в первую очередь носителю эстонского языка, для которого этот словарь является пассивным. Пометы в правой части словника рассчитаны на носителя польского языка, т. к. для него словарь является активным. Таким образом, в польско-эстонском словаре будет два языка для помет: эстонский в левой части словника (для носителей эстонского языка) и польский в правой части словника (для носителей польского языка).

В рамках лексикографического проекта по составлению польско-эстонского словаря были предложены варианты словарных статей с расширенным объемом морфологической информации о польских и эстонских существительных, прилагательных и глаголах.

Внимание уделялось, прежде всего, тем морфологическим характеристикам указанных частей речи двух языков, которые сделают потенциальный польско-эстонский словарь универсальным лексикографическим пособием, где будут отражены типы информации, необходимые для обеих групп пользователей (см. Приложения № 2, 3 и 4).

В четвертой главе **«Принципы представления семантических показателей слова в польско-эстонском словаре»** был предложен ряд рекомендаций по выработке основных семантических параметров словарной статьи для заявленного словарного типа. На конкретных примерах был рассмотрен механизм разбивки лексемы на отдельные значения и оттенки значений, а также принципы подбора эквивалентов.

В этой главе предлагаются варианты по возможной интеграции некоторой лексико-семантической информации в двуязычный польско-эстонский словарь. Для анализа используется материал различных двуязычных (эстонско-польский, польско-английский) и толковых (польский, эстонский, русский) словарей, а также данные, взятые из корпусов польского и эстонского языков.

Кроме того, затрагивается вопрос семантизации лексических значений заголовочного слова и его переводных соответствий: на основании каких критериев должно осуществляться деление слова на значения. Согласно одной точке зрения, которой придерживаемся и мы в наших рассуждениях, следует брать за основу семантику слова исходного языка. По другой точке зрения, филиация слов исходного языка должна определяться количеством переводящих эквивалентов.

В рамках традиционного подхода при разграничении значений слова в лексикографической практике принято брать данные толковых словарей. Когнитивные исследования на первое место ставят корпусный анализ: для того, чтобы выявить и упорядочить значения слова, необходимо изучить данные контекста и в особенности коллокации (см. [Sinclair 1998], [Clear 1993], [Lewis 1993]). Значение какого-либо слова невозможно определить вне контекста (см. [Sinclair 2010], [Hanks 2012]), для этого нужна конкретная языковая ситуация: определенное словосочетание (коллокация или коллигация), устойчивое (не)идиоматическое выражение и пр.

Кроме того, выбор между исходным и выходным языком при делении заголовочного слова на значения зависит от типа и задач того или иного двуязычного словаря. Задача потенциального словаря – раскрытие семантической структуры лексики польского языка.

В четвертой главе также предлагаются варианты разрешения споров по одному из частных, но довольно часто встречающихся вопросов лексической эквивалентности – вопросу синонимии переводящих слов в правой части словника в двуязычном словаре. В металексикографической литературе традиционно говорится о полной, частичной и нулевой степени эквивалентности лексики двух языков.

Использование корпусных данных при установлении эквивалентности лексики двух языков дает существенные результаты: помогает упорядочить варианты перевода для той или иной лексической единицы, выявить случаи отсутствия эквивалентов, определить дистрибутивные отличия между соотносимыми единицами в двух языках. Мы проанализировали ряд словарных статей в нескольких двуязычных словарях, а также корпусные данные – на базе коллокационных характеристик – с целью проследить, насколько синонимичны зафиксированные в статьях эквиваленты.

В результате проведенного анализа были предложены возможные варианты статей, отражающих семантическую структуру слов, для потенциального польско-эстонского словаря.

Мы разработали принципы составления словаря как в традиционной книжной, так и в электронной версии, которая позволяет, прежде всего, ускорить поиск необходимых слов и/или грамматической, семантической информации о слове, а также значительно увеличить объем словарных статей (сделав их более подробными) и самого словаря.

В диссертации «Теоретические основы составления двуязычного словаря: на примере польского и эстонского языков» заложены теоретические основы составления общего двуязычного польско-эстонского словаря, ориентированного одновременно на две группы пользователей: носителей польского и эстонского языков. Мы надеемся, что результаты исследования станут своего рода рекомендацией к действию для специалистов, задействованных в работе по разработке и составлению новых словарей.

Литература

- Авилова 1976 – Н. С. Авилова. *Вид глагола и семантика глагольного слова*. М., 1976.
- Ахманова 1966 – О. С. Ахнова. *Словарь лингвистических терминов*. М., 1966.
- Берков 1996 – В. П. Берков. *Двуязычная лексикография*. СПб., 1996.
- Бондарко 1971 – А. В. Бондарко. *Вид и время русского глагола*. М., 1971.
- Боровков 1957 – А. К. Боровков. Из опыта составления русско-национальных словарей. *Лексикографический сборник*. Вып. I. М., 1957. С. 135–159.
- Вежбицкая 1996 – А. Вежбицкая. *Язык. Культура. Познание*. М., 1996.
- Вежбицкая 2001 – А. Вежбицкая. *Лексикография и концептуальный анализ*. М., 2001.
- Виноградов 1947 – В. В. Виноградов. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. М.–Л., 1947.
- Виноградов 1997 – В. В. Виноградов. *Избранные труды. Лексикология и лексикография*. М., 1977.
- Гак 1978 – В. Г. Гак. Об относительности лексикологических категорий в лексикографии. *Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике*. М., 1978. С. 13–24.
- Кароляк 1995 – С. Кароляк. *Семантика и структура славянского вида I*. Kraków, 1995.
- Кузнецов 1998 – С. А. Кузнецов. *Большой толковый словарь русского языка*. СПб., 1998.
- Кюльмоя, Вайгла, Солль 2003 – И. Кюльмоя, Э. Вайгла, М. Солль. *Краткий справочник по контрастивной грамматике эстонского и русского языков*. Тарту, 2003.
- Маслов 1948 – Ю. С. Маслов. *Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке*. Вып. 4. М., 1948.
- Маслов 1963 – Ю. С. Маслов. *Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке*. М.–Л., 1963.
- Мучник 1971 – И. П. Мучник. *Грамматическая категория глагола и имени в современном русском литературном языке*. М., 1971.
- Паликова 2007 – О. Паликова. *Двуязычный словарь и функционально значимые связи слова*. *Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis* 18. Тарту, 2007.
- Петрухина 2000 – Е. В. Петрухина. *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*. М., 2000.
- Поол, Метсланг 2014 – Р. Поол, Х. Метсланг. Языковые средства описания предстоящих событий в работах русских студентов на эстонском языке. *Acta Slavica Estonica V. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVI. Антропоцентризм в языке и речи. Памяти Михаила Алексеевича Шелякина*. Тарту, 2014. С. 297–311.
- Пяльль, Тотсель, Тукумцев 1962 – Э. Пяльль, Э. Тотсель, Г. Тукумцев. *Сопоставительная грамматика эстонского и русского языка*. Tallinn, 1962.
- Реформатский 1996 – А. А. Реформатский. *Введение в языкознание*. М., 1996.
- Ройзензон 1970 – Л. И. Ройзензон. *Славянская глагольная полипрефиксация*. Минск, 1970.

- Росс 1998 – Э. Росс. *Эстонская лексикография во второй половине XX столетия. Направления развития и выводы*. *Linguistica Uralica* XXXIV. 1. Tallinn, 1998. С. 45–52.
- Фельдман 1957 – Н. И. Фельдман. Об анализе смысловой структуры слова в двуязычных словарях. *Лексикографический сборник*. Вып. I. М., 1957. С. 9–35.
- Чекада 2012 – А. Чекада. Об опыте создания эстонско-польских словарей и разговорников. *Русская филология* 23. *Сборник научных работ молодых филологов*. Tartu, 2012. С. 215–219.
- Чекада 2013 – А. Чекада. К вопросу об истории создания эстонско-польских и польско-эстонских лексикографических изданий. *Acta Slavica Estonica III. Slavica Tartuensia X. Славистика в Эстонии и за ее пределами*. Tartu, 2013. С. 179–193.
- Чекада 2014 – А. Чекада. Об опыте составления сравнительной грамматики эстонского и польского языков (на материале справочника М. Нурмика и Е. Скомооровского). *Русская филология*. 25. *Сборник научных работ молодых филологов*. Tartu, 2014. С. 411–416.
- Шелякин 1983 – М. А. Шелякин. *Категория вида и способы действия русского глагола*. Таллинн, 1983.
- Шелякин 2000 – М. А. Шелякин. *Справочник по русской грамматике*. М., 2000.
- Шелякин 2001 – М. А. Шелякин. *Функциональная грамматика русского языка*. 2001.
- Шелякин 2008 – М. А. Шелякин. *Категория аспектуальности русского глагола*. 2008.
- Щерба 1940 – Л. В. Щерба. *Опыт общей теории лексикографии*. Этюд I. Основные типы словарей. Вып. 3. М., 1940. С. 89–117.
- Adamska-Sałaciak 2006 – А. Adamska-Sałaciak. *Meaning and the Bilingual Dictionary. The case of English and Polish*. Frankfurt am Main. 2006.
- Adamska-Sałaciak 2010 – А. Adamska-Sałaciak. Examining Equivalence. *International Journal of Lexicography*. Vol. 23. No. 4. Oxford, 2010. P. 387–409.
- Adamska-Sałaciak 2013a – А. Adamska-Sałaciak. Issues in Compiling Bilingual Dictionaries. *The Bloomsbury Companion to Lexicography*. Ed. by H. Jackson. 2013. P. 213–231.
- Adamska-Sałaciak 2013b – А. Adamska-Sałaciak. Equivalence, Synonymy, and Sameness of Meaning in a Bilingual Dictionary. *International Journal of Lexicography*. Vol. 26. No. 3. Oxford, 2013. P. 329–345.
- Al-Kasimi 1983 – А. М. Al-Kasimi. *Linguistics and bilingual dictionaries*. Leiden, 1983.
- Ariste 1984 – P. Ariste. *Eesti keele foneetika II*. Tartu, 1984.
- Atkins, Rundell 2008 – B. T. S. Atkins, M. Rundell. *The Oxford Guide to Practical Lexicography*. Oxford, 2008.
- Bąk – P. Bąk. *Gramatyka języka polskiego*. Warszawa, 1997.
- Bogaards 2013 – P. Bogaards. A History of Research in Lexicography. *The Bloomsbury Companion to Lexicography*. Ed. by H. Jackson. 2013. P. 19–28.
- Clear 1993 – J. Clear. From Firth Principles. Computational Tools for the Study of Collocation. Ed. by M. Baker et al. *Text and Technology. In Honour of John Sinclair*. Philadelphia, Amsterdam, 1993. P. 271–292.
- Denisov 2003 – P. N. Denisov. The typology of pedagogical dictionaries. *Lexicography. Critical Concepts*. Ed. by R. R. K. Hartmann. Vol. III. London, 2003. P. 70–89.

- Dukiewicz, Sawicka – L. Dukiewicz, I. Sawicka. *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Fonetyka i fonologia*. Kraków, 1995.
- EKG 1995 – *Eesti keele grammatika I*. Tallinn, 1995.
- Firth 1957a – J. R. Firth. Modes of Meaning. *Papers in Linguistics 1934–1951*. Oxford, 1957.
- Firth 1968 – J. R. Firth. A Synopsis of Linguistic Theory. *Selected Papers of J. R. Firth 1952–1959*. Ed. by F. R. Palmer. London, 1968. P. 168–205. (First published in 1957.)
- Geeraerts 1987 – D. Geeraerts. Types of Semantic Information in Dictionaries. *A Spectrum of Lexicography. Papers from AILA Brussels 1984*. Ed. by R. Ilson. Amsterdam, 1987. P. 1–10.
- Grochowski, Karolak, Topolińska – M. Grochowski, S. Karolak, Z. Topolińska. *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*. Warszawa, 1984.
- Grzegorzczkova etc. 1984 – R. Grzegorzczkova, K. Kallas, K. Kowalik, L. Laskowski, A. Orzechowska, J. Puzynina, H. Wróbel. *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*. Warszawa, 1984.
- Hanks 2010 – P. Hanks. Terminology, Phraseology, and Lexicography. *Euralex Proceedings*. Leeuwarden, 2010. P. 1299–1308.
- Hanks 2012 – P. Hanks. Corpus Evidence and Electronic Lexicography. *Electronic Lexicography*. Ed. by S. Granger, M. Paquot. Oxford, 2012.
- Hanks 2013 – P. Hanks. *Lexical Analysis. Norms and Exploitations*. 2013.
- Jackson 1985 – H. Jackson. Grammar in the Dictionary. *Dictionaries, Lexicography and Language Learning*. Ed. by R. Ilson, Oxford, 1985. P. 53–59.
- Kilgarriff 2013 – A. Kilgarriff. Using Corpora as Data Sources for Dictionaries. *The Bloomsbury Companion to Lexicography*. Ed. by H. Jackson. 2013. P. 77–96.
- Kopečný 1962 – Fr. Kopečný. *Slovesný vid v češtině*. Praha, 1962.
- Landau 2001 – S. I. Landau. *Dictionaries: the art and craft of lexicography*. Cambridge, 2001.
- Langacker 2008 – R. Langacker. *Cognitive Grammar: A Basic Introduction*. New York, 2008.
- Lew 2009 – R. Lew. Towards Variable Function-Dependent Sense Ordering in Future Dictionaries. *Lexicography at a Crossroads*. Vol. 90. Bern, 2009. P. 237–264.
- Lewis 1993 – M. Lewis. *Implementing the lexical approach: Putting theory into practice*. Hove, 1993. // <http://myenglishpages.com/blog/lexical-approach/>
- Linde-Usiekiewicz, Bańko 1995 – J. Linde-Usiekiewicz, M. Bańko. A new Polish-English dictionary: methodology and sources. *Bilingual Lexicography in Poland: Theory and Practice*. Ed. by J. Wawrzyńczyk. Warszawa, 1995. P. 56–71.
- Maciołek, Tambor 2012 – M. Maciołek, J. Tambor. *Głoski polskie*. Katowice, 2012.
- Malkiel 1967 – Y. Malkiel. A Typological Classification of Dictionaries on the Basis of the Distinctive Features. *Problems in Lexicography*. Ed. by F. Householder, S. Saporta. Bloomington, 1967. P. 3–24.
- Malkiel 1971 – Y. Malkiel. Lexicography / *The Learning of Language*. New York, 1971. P. 363–387.
- Marcinkevičienė 2007 – R. Marcinkevičienė. The importance of the syntagmatic dimension in the multilingual lexical database. *Text Corpora and Multilingual Lexicography*. Ed. by W. Teubert. Vol 8. Amsterdam, 2007. P. 49–58.
- Martin 1992 – W. Martin. On the organization of semantic data in passive bilingual dictionaries. *EURALEX '90. Proceedings. Actas del IV congreso internacional*. Barcelona, 1992. P. 193–201.

- Matulewska, Wasielewska 2004 – M. Matulewska, M. Wasielewska. *Polsko-estońsko-angielski elektroniczny słownik tematyczny*. *Investigationes Linguisticae*. IX. 2004. S. 1–9. URL: http://www.staff.amu.edu.pl/~inveling/pdf/matulewska_wasielewska1_inve11.pdf (07.04.2013)
- Mölder 1967 – A. Mölder. *Eesti ja vene keele kõrvutav grammatika*. Tallinn, 1967.
- Nagórko – A. Nagórko. *Zarys gramatyki polskiej (za słowotwórstwem)*. Warszawa, 1998.
- Persson 1988 – G. Persson. Synonymy or hyponymy – that's the question? *Lexicographica*. Series Maior 26. Symposium on Lexicography IV. Proceedings of the Fourth International Symposium on Lexicography April 20–22, 1988 at the University of Copenhagen. Tübingen, 1988. P. 63–70.
- Piotrowski 1994 – T. Piotrowski. *Z zagadnień leksykografii*. Warszawa, 1994.
- Saravanan 2009 – R. Saravanan. Structural Format for a Dialect Dictionary Showing Lexical Variation with Special Reference to Microstructure and Macrostructure. *Lexicography at a Crossroads. Dictionaries and Encyclopedias Today, Lexicographical Tools Tomorrow*. Vol. 90. 2009. Bern, P. 311–326.
- Schnorr 1986 – V. Schnorr. Translational Equivalent and/or Explanation? The Perennial Problem of Equivalence. *Lexicographica. International Annual for Lexicography*. Vol. 2. Tübingen, 1986. P. 53–60.
- Sebeok 1962 – T. A. Sebeok. Materials for a Typology of Dictionaries. *Lingua* 11. 1962. P. 363–374.
- Sinclair 1998 – J. Sinclair. *Corpus, concordance, collocation: Describing English Language*. Oxford, 1998.
- Sinclair 2003 – J. Sinclair. *Reading Concordances*. Harlow, 2003.
- Sinclair 2010 – J. Sinclair. Defining the Definiendum. *A Way with Words: Recent Advances in Lexical Theory and Analysis*. Ed. by G.-M. de Schryver, 2010. P. 37–47.
- Snell-Hornby 1990 – M. Snell-Hornby. Dynamics in meaning as a problem for bilingual lexicography. *Meaning and Lexicography*. Ed. by J. Tomaszczyk, B. Lewandowska-Tomaszczyk. Vol. 28. Amsterdam, 1990. P. 209–226.
- Svensen 1993 – B. Svensen. *Practical Lexicography: Principles and Methods of Dictionary-Making*. Oxford, New York, 1993.
- Svensen 2009 – B. Svensen. *A Handbook of Lexicography. The Theory and Practice of Dictionary-Making*. Cambridge, 2009.
- Zgusta 1971 – L. Zgusta. *Manual of Lexicography*. Hague, 1971.
- Zgusta 1984 – L. Zgusta. Translationalequivalence in the bilingual dictionary. *Lexicographica. Series Maior 1. LEXeter'83 Proceedings. Papers from the International Conference on Lexicography at Exeter, 9–12 September 1983*. Ed. by R. R. K. Hartmann. Tübingen, 1984. P. 147–154.
- Żmigrodzki – P. Żmigrodzki. *Wprowadzenie do leksykografii polskiej*. Katowice, 2005.
- The Principles of the IPA 1967 – *The Principles of the International Phonetic Association*. London, 1967.
- Tóth, Wasielewska 2000 – S. Tóth, M. Wasielewska. *Vanemat ja uuemat eesti-poola leksikograafia alalt*. Keel ja kirjandus. XLIII. 11. Tallinn, 2000. Lk. 827–829.
- Varadi, Kiss 2007 – T. Váradi, G. Kiss. Equivalence and non-equivalence in parallel corpora. *Text Corpora and Multilingual Lexicography*. Ed. by W. Teubert. Vol 8. Amsterdam, 2007. P. 147–156.
- Wierzbicka 1972 – A. Wierzbicka. *Semantic Primitives*. 1972.
- Wierzbicka 1985 – A. Wierzbicka. *Lexicography and Conceptual Analysis*. 1985.
- Wiik 1991 – K. Wiik. *Foneetika alused*. Tartu, 1991.

Электронные источники

<http://euralex.org/>
<http://opus.lingfil.uu.se/>
<http://www.keeleveeb.ee/>
<http://www.ruslang.ru/doc/lexcomission/slav-lex.pdf>
<https://conferences.unite.un.org/UNCorpus/ru>
<https://et.glosbe.com/>
<https://www.slowniki.eu/>
www.annaabi.ee
www.dictionary.ee
www.vene-estti.ase.ee

Словари и пособия

БПРС – D. Hessen., R. Stypuła. *Wielki słownik polsko-rosyjski. Большой польско-русский словарь.* Warszawa – Moskwa, 1967.
ПАС – *Wielki słownik polsko-anglijski PWN Oxford.* 2005
РППРС – S. Chwatow, M. Timoszuk. *Русско-польский, польско-русский словарь. Słownik rosyjsko-polski, polsko-rosyjski.* 2002.
Русско-эстонский словарь 1984–1994 – *Русско-эстонский словарь.* I–IV. Tallinn, 1984–1994.
РЭС – Русско-эстонский словарь. Т. I–II. Таллинн, 2000.
ТСПЯ – Słownik języka polskiego. www.sjp.pl
ТСЭЯ – Eesti keele seletav sõnaraamat. Tallinn, 2009.
ЭПС – L. Erin, W. Stefańczyk. *Eesti-poola sõnastik. Słownik estońsko-polski.* Kraków, 2000.
ЭРС – Eesti-vene sõnaraamat. Эстонско-русский словарь. Kõide I–V. Tallinn, 1997–2009.
Bielecki 2009 – R. Bielecki. *Język estoński dla początkujących. Teksty i gramatyka.* Poznań, 2009.
Bielecki 2010 – R. Bielecki. *Język estoński dla początkujących. Słownik estońsko-polski i polsko-estoński.* Poznań, 2010.
Bielecki 2011 – R. Bielecki. *Język estoński dla początkujących. Ćwiczenia i rozwiązywania.* Poznań, 2011.
Borowska-Peterson, Peterson 2008 – S. Borowska-Peterson, M. Peterson. *Eesti-poola vestmik.* Tallinn, 2008.
Čermák, Lindroosová 1986 – F. Čermák, H. Lindroosová. *Česko-finský a fínsko-český slovník na cesty.* Praha, 1986.
Česko-finská konverzace 2010 – *Česko-finská konverzace.* Brno, 2010.
Chvátal 2002 – V. Chvátal. *Suomi-tšekki-suomi luonnontieteellinen sanakirja = Finsko-česko-finský přírodovědný slovník.* 2002.
Chvátal 2003 – V. Chvátal. *Slovníček odborných přírodovědeckých výrazů, fínsko-český a česko-finský.* Tachov, 2003.
Chvátal 2004 – V. Chvátal. *Suomi-tšekki ja tšekki-suomi luonnontieteellinen sanakirja. Finsko-český a česko-finský přírodovědný slovník.* Domažlice, 2004.
Eesti-vene sõnaraamat 1997–2009 – *Eesti-vene sõnaraamat.* I–V. Tallinn, 1997–2009.
Eesti-Wene sõnaraamat 1890 – *Eesti-Wene sõnaraamat Wiedemanni järele seadnud M. Salem.* Tallinn, 1890.

- Erin, Stefańczyk 2000b – L. Erin, W. Stefańczyk. *Poola keel: podręcznik języka polskiego dla Estończyków*. Warszawa, 2000.
- Grocký 2009 – J. Grocký. *Sanakirja-suomi-slovakia-suomi*. 2009.
- Hebedová 2012 – P. Hebedová. *1000 finských slovíček. Ilustrovaný slovník*. 2012.
- Kaljuste 1996 – T. Kaljuste. *Languages around the Baltic Sea. Dictionary in Nine Languages. Keeled ümber Läänemere. Üheksakeelne sõnastik*. Tallinn, 1996.
- Krawczykiewicz 2005 – A. Krawczykiewicz. *Fińsko-polski i polsko-fiński słownik kieszonkowy*. Helsinki, 2005.
- Kučerová 1962 – H. Kučerová. *Česko-finské rozhovory*. Praha, 1962.
- Kučerová, Lemmetyinenová, Janešová, Prokopová 1982 – H. Kučerová, B. Lemmetyinenová, J. Janešová, K. Prokopová. *Česko-finská konverzace*. Praha, 1982.
- Leemets, Smirnov 1989 – H. Leemets, S. Smirnov. *Tšehhi-eesti vestmik. Česko-estonská konverzace*. Tallinn, 1989.
- Lindroos-Čermáková 2003 – H. Lindroos-Čermáková. *Suomi-tšekki-suomi taskusanakirja*. Helsinki, 2003.
- Lindroosová, Čermák 1982 – H. Lindroosová, F. Čermák. *Stručná mluvnice finštiny*. Praha, 1982.
- Lindroosová-Čermáková 1984 – H. Lindroosová-Čermáková. *Suomi-tšekki-suomi taskusanakirja*. Porvoo – Helsinki – Juva, 1984.
- Major 2000 – M. Major. *Eesti-poola vestmik. Rozmówki estońsko-polskie*. Tallinn, 2000.
- Nurmik, Skomorowski 1937 – M. Nurmik, E. Skomorowski. *Praktiline eesti-poola, poola-eesti käsiraamat. Praktyczny podręcznik estońsko-polski i polsko-estoński*. Tartu, 1937.
- Raid, Smirnov 1966 – A. Raid, S. Smirnov. *Tšehhi-eesti sõnaraamat*. Tallinn, 1966.
- Rozmówki fińskie ze słownikiem i gramatyką 2013 – *Rozmówki fińskie ze słownikiem i gramatyką*. 2013.
- Rozmówki polsko-fińskie 2006 – *Rozmówki polsko-fińskie*. 2006.
- Sepre, Sepre, Wójcik 1980 – W. Sepre, R. Sepre, A. Wojcik. *Mini-rozmówki estońskie*. Warszawa, 1980.
- Słownik polsko-fiński i fińsko-polski 2009 – *Słownik polsko-fiński i fińsko-polski*. 2009.
- Suomi Slovakia Suomi 2001 – *Suomi Slovakia Suomi. Fínsko-Slovenský, Slovensko-Fínsky slovník*. 2001.
- Trypućko 1962 – J. Trypućko. *Mały słownik polsko-fiński*. Warszawa, 1962.
- Vedral 2006 – J. Vedral. *Česko-finský biologický slovník*. Praha, 2006.
- Vedral 2008 – J. Vedral. *Fínsko-český biologický slovník na CD*. Praha, 2008.
- Vedral 2011 – J. Vedral. *Fínsko-český slovník veřejných zakázek*. Praha, 2011.
- Vene-eesti sõnaraamat 2000a – *Vene-eesti sõnaraamat*. I-II. Tallinn, 2000.
- Vene-eesti sõnaraamat 2000b – *Vene-eesti sõnaraamat*. Tallinn, 2000.
- Wałęga 1978 – S. Wałęga. *Słownik fińsko-polski*. Warszawa, 1978.
- Wałęga 1986 – S. Wałęga. *Słownik polsko-fiński*. Warszawa, 1986.
- Wene-eesti sõna-raamat 1885 – *Wene-eesti sõna-raamat*. Tallinn, 1885.
- Wojan 2012 – K. Wojan. *Polsko-fiński tezaurus tematyczny. Część I. Ziemia i kosmos*. Gdańsk, 2012.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Фрагмент вводной части к польско-эстонскому словарю

Słownik polsko-estoński

Przedmowa

Na rynku słowników dwujęzycznych dotychczas nie pojawił się odrębny słownik polsko-estoński, który odpowiadałby potrzebom użytkowników obu języków, pragnących skorzystać z takiego wydania. Niniejsza publikacja jest próbą napisania słownika, pomagającego w nauce zarówno języka polskiego jak i estońskiego. Słownik polsko-estoński przeznaczony jest dla obu grup użytkowników.

W słowniku polsko-estońskim staramy się przede wszystkim zwrócić uwagę użytkownika na ewentualne różnice gramatyczne występujące pomiędzy wyrazem polskim a jego estońskim odpowiednikiem, w szczególności tam, gdzie niezajomość tych różnic może doprowadzić do błędu.

Polski użytkownik będzie mógł wykonywać tłumaczenia na język estoński, a estoński użytkownik będzie posługiwał się słownikiem przy czytaniu tekstów polskich lub nauce języka polskiego jako obcego. Pewne informacje, które ten słownik zawiera, przeznaczone są wyłącznie dla polskich lub wyłącznie dla estońskich użytkowników. Dotyczy to przede wszystkim, informacji o odmianie wyrazów: np., formy liczby pojedynczej i mnogiej rzeczowników oraz przymiotników, formy czasu przeszłego czasowników, odsyłacze od trudnych do rozpoznania form fleksyjnych do formy podstawowej).

Artykuły słownikowe zbudowane są na bazie znaczeń polskich wyrazów. Jeżeli polski wyraz jest wieloznaczeniowy, to każde osobne znaczenie posiada krótkie wytłumaczenie w języku estońskim. Definiowanie znaczenia ma przede wszystkim pomagać użytkownikom estońskim w zrozumieniu znaczenia polskiego wyrazu. Każde znaczenie opatrzone jest przykładami używania polskich jak i estońskich odpowiedników. Słownik zawiera informacje dotyczące wymowy wyrazów, podstawowych form fleksyjnych, składni rzędu, używania wyrazów itp. W słowniku zaprezentowane zostało słownictwo z różnych dziedzin.

System fonetyczny języka estońskiego różni się od systemu fonetycznego języka polskiego. Słownik zawiera tabelę głosek obu języków. Transkrypcja fonetyczna podana jest również w nawiasach kwadratowych w ramach hasła wyrazu.

Rzeczowniki polskie zostały opatrzone kwalifikatorem gramatycznym *NS*. Przy rzeczownikach polskich oraz ich estońskich odpowiednikach podane są formy przypadków liczby pojedynczej oraz mnogiej. Formy supletywne rzeczowników polskich podane są jako oddzielne hasła, w których odsyła się do formy podstawowej: *bracia* → *brat*.

Przymiotniki polskie zostały opatrzone kwalifikatorem gramatycznym OS. Zostały one podane w mianowniku liczby pojedynczej, w rodzaju męskim, w stopniu równym. Hasło przymiotnikowe zawiera również formy rodzaju żeńskiego, nijakiego oraz formy liczby mnogiej. Formy stopnia wyższego oraz najwyższego przymiotników polskich zostały podane zg z kolejnością alfabetyczną, w tekście słownika jako oddzielne hasła, np., *lepszy OS* → *dobry*. Przymiotniki estońskie zostały podane w mianowniku liczby pojedynczej, podane są również formy drugiego oraz trzeciego przypadków. Formy stopnia wyższego oraz najwyższego estońskich odpowiedników zostały podane w ramach tego samego hasła, co i forma stopnia równego.

Czasowniki polskie zostały podane w formie bezokolicznika. Każdy czasownik opatrzony jest skrótem *pf.* lub *impf.*, który określa postać danego czasownika. Przy czasownikach estońskich zostały podane obie formy bezokolicznika. Przy czasownikach polskich oraz estońskich zostały podane formy 1., 2. i 3. osoby liczby pojedynczej czasu teraźniejszego oraz przeszłego, formy trybu przypuszczającego, rozkazującego oraz imiesłówów. Przy czasownikach estońskich zostały podane dodatkowo formy negacji czasu teraźniejszego oraz przeszłego.

Poola-estti sõnaraamat Eessõna

Kakskeelsete sõnaraamatute turul siiani puudub poola-estti sõnastik, mis vastaks mõlema keele kasutajate nõuetele, kes sooviksid sellist väljaannet kasutada. Antud väljaanne on katse kirjutada sõnaraamat, mis aitab nii poola, kui ka eesti keele omandamisele kaasa. Poola-estti sõnastik on mõeldud mõlema keele kasutajaile.

Poola-estti sõnastiku raames püüame eelkõige pöörata lugeja tähelepanu võimalikele grammatilistele erinevustele poola märksõna ja selle eesti vaste vahel, eriti seal, kus nende erinevuste mittetundmine võib viia vigadeni.

Poola kasutaja saab selle sõnastiku abil teha tõlkeid eesti keelde, eesti kasutaja saab aga selle sõnastikuga lugeda poolakeelseid tekste või hõlbustada poola keele õpet. Teatud andmed, mis sisalduvad selles sõnastikus, on mõeldud kas ainult poola või ainult eesti kasutajaile. Nendeks andmeteks on eelkõige andmed märksõnade ja nende vastete muutmise kohta (nt., nimisõnade või omadussõnade ainsuse ja mitmuse vormid, viited raskesti äratuntavate vormidelt põhivormidele).

Sõnastiku sõnaartiklid on üles ehitatud sellisel viisil, et aluseks on võetud poola sõnade tähendus. Kui poola sõnal on mitu tähendust, siis igaühe kohta antakse lühike selgitus. Tähenduse lahtiseletamine aitab eelkõige eesti kasutajal saada aru, mida täpselt mõeldakse poola väljendi ühe või teise tähenduse all. Iga tähenduse juures tuuakse välja ka kasutamise näiteid. Sõnastik sisaldab hääldamist, põhilisi muutevorme, ühildumist, kasutamist. Sõnaraamatus on erinevaid valdkondi hõlmav sõnavara.

Poola ja eesti häälikute süsteem on erinev. Poola keeles esineb kaashäälikuid, mis puuduvad eesti keeles. Sõnastikus on olemas häälikute koondtabel. Vajalik transkriptsioon on fikseeritud ka vastavas sõnaartiklis.

Nimisõnaartiklis fikseeritakse vasakus osas poola minisõna grammatilised tunnused: sõnaliik, grammatiline sugu, kas tegemist on eluta või elusolendiga. Lisaks sellele nii vasakus, kui ka paremas osas tuuakse välja käändevorme, k.a. mitmust. Kui nimisõnal esineb ebareeglipäraseid vorme, siis neid märgitakse ära samas artiklis ning ka omaette artiklina, kus on viide sõna algvormile. Poola keeles on nagu eesti keeleski kindel rühm nimisõnu, millel on ainult ainus (*singularia tantum*, nt., odzież “riided”, młodzież “noorsugu”) või ainult mitmus (*pluralia tantum*, nt., usta “suu”, skrzypce “viul”). Nende puhul antakse sõnaartiklis vastav märged.

Omadussõnaartiklis fikseeritakse vasakus osas poola omadussõna algvormis meessoost lõpuga. Lisaks sellele märgitakse ära ka naissoost, keskssoost vormide lõpud ning mitmuse vormid. Poola omadussõna ja selle eesti vaste juures fikseeritakse käändelõpud, keskvõrre ja ülivõrre (juhul, kui antud omadussõnal esineb võrdlusastmeid).

Tegusõnaartiklis fikseeritakse vasakus osas kõik poola tegusõnale iseloomulikud grammatilised tunnused: isikulised vormid olevikus, minevikus, tulevikus, tingiva ja käskiva kõneviisi vormid; märgitakse ära paaristegusõna. Poola keeles on aspekti kategooria, seepärast on sõnastikus fikseeritud mõlemad aspekti vormid: lõpetamata tegevuse väljendav tegusõna (*imperfektum*) ja lõpetatud tegevuse väljendav tegusõna (*perfektum*): nt., robić – zrobić “tegema”. Paremas osas märgitakse eesti tegusõna isikulised vormid. Eraldi artiklina fikseeritakse sõnastikus ebareeglipäraseid tegusõnavorme ning lisatakse viide tegusõna algvormile.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Пример статьи имени существительного в двуязычном польско-эстонском словаре

deszcz [-šč] *NS m* (*G -u, Inst. -em, Loc. -u, Voc. -u!* *mitm. Nom. -e, G -ów, Dat. -om, Inst. -ami, Loc. -ach*)

vihm (-a, -a, -a/-asse; -ad, -ade, -asid/-u)
uwelny ~ hoovihm; **kwasne** ~ e
happevihmad; **pada** ~ vihma sajab;
leje ~ vihma valab; ~ **kropi** tibutab
vihma; **moknąć na ~u** saama vihmas
läbimärjaks; ◇ **rosnąć jak grzyby po ~u**
kerkima nagu seeni pärast vihma;
z ~u pod rynnę vihma käest räästa
alla

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Пример статьи имени прилагательного в двуязычном польско-эстонском словаре

bezradny OS (*f*-a, *n* -e, *mitm.* -e/-i; *G*
m, n -ego, *Gf* -ej, *Acc.* -ą, *Inst.* -ą)
kv^a bardziej ~

abitu *P* (-, -, -t; -, -te, -id) *SW* -m, *SN* -
im/kõige -m **1. niemogący sobie
poradzić w życiu lub w trudnej
sytuacji** (elus v. raskes olukorras
toimetulematu) toimetulematu **jest
bezradny i nic nie robi;**
**2. świadczący o niemożności radzenia
sobie saamatu bezradny wobec
potęgi**

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Пример статьи глагола в двуязычном польско-эстонском словаре

pl|eść [-šč] *TS impf* (~otę, ~eciesz, ~ecie; *minev.* ~ótl, ~otła, ~otły, ~etli; *kond.* plótlbym/bym plótl, plótlabym/ bym plótlą; *imper.* (nie) pleć! (nie) plećcie! *min. kesks.* pleciony)

põimi|ma, põimi|da (~n, ~d, ~b, *neg. cz. ter.* ei ~; ~sin, ~sid, ~s, *neg. cz. przesz.* ei ~nud; ~nud; *tr. przyp.* ~ksin; *tr. roz.* (ära) ~! (ärge) ~ge! *im. przym. b.* ~tud)
1. *łączyć pasma, pręty, nici przeciągając, przekładając jedne przez drugia* (nõõri, vitsa, lõnga teatud järjekorras risti teiste vahelt, alt ja pealt läbi pistma, punuma) ~ **kosze, wianki, warkocze** põimima korvid, pärjad, patsid **2.** *mówić bez sensu* (lollu juttu ajama) ~ **glupstwa, bzdury** ajama rumalusi, lollusi → **spleć**

SUMMARY IN ESTONIAN

Kakskeelse sõnaraamatu koostamise teoreetilised alused: poola- ja eestikeelse materjali põhjal

Viimasel ajal on Eestis suurenenud vajadus tehniliste, ilukirjanduslike ja teaduslike poola-eesti ja eesti-poola tõlgete järele. Samas on suurenenud ka vajalikkus vastava poola-eesti ja eesti-poola teatmekirjanduse järele. Mitmeaastase tõlkekogemuse vältel puutus väitekirja autor tihtipeale kokku sellega, et olemasolevates poola ja eesti leksikograafilistes väljaannetes puudub vajalik sõnavara, ning seetõttu tuli abivahendina kasutada kolmandat keelt. Sel juhul aitavad keerulisest olukorrast välja tulla sõnaraamatud, kus lähte- või sihtkeeleks on muu keel (nt inglise või vene). Kuid, nagu teada, tõlkimine vahendava keele abil raskendab ja aeglustab tõlkeprotsessi ning – mis on kõige olulisem – langeb tõlkekvaliteeti.

Hetkel võib tõdeda, et töö poola-eesti ja eesti-poola leksikograafia alal on äärmiselt ebasüsteemaatiline. Seepärast on uute poola-eesti ja eesti-poola sõnaraamatute koostamise küsimus väga päevakohane. Antud väitekirjas keskendutakse kakskeelse poola-eesti sõnaraamatu koostamise teoreetiliste aluste väljatöötamisele.

Uurimisobjektiks on üldised kakskeelsed sõnaraamatud ning nende koostamise põhimõtted. Väitekirjas käsitletakse kakskeelseid sõnaraamatuid, kus üheks keeleks on slaavi keel, eelkõige poola keel, aga ka tšehhi ja vene keel, ning teiseks keeleks eesti keel (kaasatud on ka inglise keele sõnastikke). Samuti on kasutatud ka teisi keeleressursse, nagu nt keelekorpusi.

Töö eesmärgid on järgmised:

1. anda ülevaade Eestis ilmunud kakskeelsete slaavi-eesti ja eesti-slaavi (sealh vene-eesti / eesti-vene, tšehhi-eesti, poola-eesti jt) leksikograafilistest väljaannetest; siinjuures vaadeldakse ka väljakujunenud traditsiooniga slaavi-soome leksikograafilisi väljaandeid (sõnastikud, vestmikud);
2. erinevate sõnaraamatute kirjeldamine lähtuvalt kasutaja eesmärkidest ja ülesannetest; kakskeelse sõnaraamatu eduka koostamisprotsessi ning kvaliteetse tulemuse jaoks vajalike parameetrite paikapanemine;
3. lekseemi foneetiliste ja graafiliste eripärade märkimise põhimõtete väljatöötamine tulevikus koostatavas poola-eesti sõnaraamatus;
4. grammatiliste parameetrite väljatöötamine substantiivi, adjektiivi ja verbi artikli jaoks võimalikus poola-eesti sõnaraamatus;
5. lekseemi semantiliste parameetrite väljatöötamine sõnaraamatu artiklis võimalikus poola-eesti sõnaraamatus.

Materjal ja uurimismeetodid. Väitekirjas rakendatakse leksikograafiaale iseloomulikke uurimismeetodeid:

1. sõnaraamatu klassifikatsioonide analüüs;
2. erinevate kakskeelse sõnaraamatu artiklite võrdlev uurimine;
3. sõnaraamatukontseptsioonide ja -projektide võrdlemine ja analüüsimine.

Väitekirja peamiseks uurimismaterjaliks on kakskeelsed sõnaraamatud, milles on erinevates kombinatsioonides esindatud poola, vene, tšehhi, eesti ja inglise keel. Väitekirja autor analüüsib eelkõige neid väljaandeid, mis on uurimisteemaga otseselt seotud, ehk slaavi-eesti sõnaraamatuid; siinjuures käsitletakse ka mahukaid mitmekõitelisi kakskeelseid sõnaraamatuid, mis on ilmunud tunnustatud akadeemilistes väljaannetes, nagu nt Oxford University Press, PWN, Wiedza Powszechna, Eesti Keele Instituut, Hayka.

Sõnaraamatute analüüsi juures käsitletakse mitte ainult keelelist materjali (sõnastiku osa), vaid ka teoreetilist sissejuhatavat osa, kuhu kuuluvad ka eesõna, grammatilised tabelid, lühendite süsteem jt. See on oluline, kuna sõnaraamatu sissejuhatavas osas jagavad selle koostajad enamasti oma kogemust, viitavad keelte iseärasustele ning raskustele, millega nad on väljaande koostamise ajal kokku puutunud.

Käesoleva väitekirja uurimiskeeleks valiti vene keel, kuna see on paljudes riikides, sealh ka Eestis ja Poolas, erinevates teadusvaldkondades üks enim kasutatavaid. Väitekirja keele valiku puhul oli oluliseks argumendiks ka teksti võimalikult laia lugejaskonnani jõudmine: eesti keeles avaldatud väitekirja ei jõuaks Poola teadusringkondades oma võimalike lugejateni ega leiaks vastavat tunnustust, nagu ka poola keele kasuks otsustamise korral oleks Eestis selle lugejate hulk vähene.

Töös rõhutatakse eelkõige grammatiliste andmete (foneetilised parameetrid, sõnavara morfoloogilised tunnused) esitlemist sõnaraamatus. Samuti analüüsitakse sõna semantiliste andmete (leksikaalne tähendus, vastete leidmine, sünonüümid) märkimise põhimõtteid kakskeelse sõnaraamatu artikli raames.

Uurimise aktuaalsust saab põhjendada sellega, et hetkel olemasolevad poola-eesti ja eesti-poola leksikograafilised väljaanded ei ole piisavad, et rahuldada potentsiaalseid kasutajaid, kes kasutavat mõnda töös mainitud väljaannet (sõnastikud, vestmikud) kas aktiivse või passiivse sõnaraamatuna. Väitekirjas võetakse arvesse samuti ka uusi nüüdisaegseid leksikograafiliste väljaannete liike, nt e-sõnastikud; pakutakse võimalikke lahendusi sõnaraamatute eriliikide jaoks: mitte ainult pabersõnaraamatutele, vaid ka elektroonsetele väljaannetele.

Väitekirja sisu ja ülesehitus. Väitekirja koosneb sissejuhatusest, neljast peatükist, kokkuvõttest, lisast ja bibliograafiast / kasutatud kirjanduse loetelust.

Sissejuhatuses kirjeldatakse võimalikult ammendavalt saavutusi kakskeelse leksikograafia valdkonnas eesti ja slaavi keelte materjalil (ühe- ja kahesuunalised üldsõnastikud, erialased sõnaraamatud, vestmikud). Samuti antakse ülevaade soome – lääne-slaavi sõnaraamatutest, kus loetletakse leksikograafide tööd eesti-poola / poola-eesti, eesti-vene / vene-eesti, tšehhi-eesti suunal, aga ka soome-poola / poola-soome, soome-tšehhi / tšehhi-soome, soome-slovakkia / slovakkia-soome suunal.

Esimeses peatükis käsitletakse põhjalikult erinevaid sõnaraamatute liike ning nende klassifikatsioone. Peatüki eesmärk on vaadelda, kuidas on omavahel seotud kakskeelse sõnaraamatu suunatus mingile konkreetsele kasutajate rühmale ning sõnartikli ülesehitus ja sisu.

Antud peatükis analüüsitakse sõnaraamatuid, mis on mõeldud kas 1) ainult ühele kasutajate sihtrühmale (kas lähte- või sihtkeele kõnelejatele) või 2) kahele kasutajate sihtrühmale (ehk nii lähte- kui ka sihtkeele kõnelejatele). Sõnaraamatu sihtrühmast sõltub, kas teatud sõnaraamat kuulub aktiivsete või passiivsete hulka, ning see määrab omakorda, millise mudeli järgi tuleb korraldada keelematerjali kogumist ja töötlemist. Antud osas tehakse kindlaks, milliseid aspekte tuleb silmas pidada potentsiaalse passiivse ja aktiivse poola-eesti sõnaraamatu koostamisel.

Teises peatükis vaadeldakse küsimusi, mis on seotud eelkõige poola ja eesti keele foneetiliste (häälikud ja nende eripära, sõnade hääldus, foneetiline transkriptsioon) ning graafiliste (tähed, mis on iseloomulikud poola või eesti keelele) karakteristikutega, mida tuleb arvesse võtta potentsiaalse poola-eesti sõnaraamatu koostamisel.

Poola ja eesti keele foneetika ja graafika esitamise ja kirjeldamise põhimõtete arutamisel on välja selgitatud mõlema keele eripärad, mis on raskuseks nt keele õppimisel võõrkeelena (poola keeles nt sibilandid *ż, ź, ś, cz* jt, nasaalsed vokaalid *q, ɛ* ja eesti keeles nt vokaalid *õ, ü, ä* ning eesti keelele iseloomulik vältesüsteem) ning mida peab rakendama potentsiaalse poola-eesti sõnaraamatu sees kas graafilise või helitranskriptsiooni näol. Erinevate sõnaraamatute põhjal pakutakse võimalikke lahendusi foneetilistele ja graafilistele küsimustele potentsiaalses poola-eesti sõnaraamatus.

Kolmandas peatükis käsitletakse teatud määral poola ja eesti keele vormiõpetust. Vaadeldakse erinevaid lähenemisvõimalusi sõnartiklite vormistamisele ja koostamisele substantiivide, adjektiivide ja verbide puhul poola ja eesti keeles. Seejuures lähtutakse mitmete kakskeelsete sõnaraamatute materjali analüüsitulemustest. Vaadeldakse sõnaraamatu lühendite, märgiste ja viidete süsteemi – käsitletakse nende graafilist integreerimist sõnastiku mikro- ja meediastruktuuri potentsiaalse poola-eesti sõnaraamatu puhul.

Kolmandas peatükis on välja töötatud morfoloogilised parameetrid, mida on vaja arvesse võtta sõnartiklite koostamisel poola ja eesti substantiivide, adjektiivide ja verbide puhul potentsiaalse poola-eesti sõnaraamatu raames.

Poola substantiivide puhul on olulisemaks karakteristikuks grammatilise soo kategoria (ja seda nii singulari kui ka pluraali puhul). Kuna eesti keeles puuduvad grammatilise soo kategoriaal morfoloogilised tunnused, siis on poola-eesti sõnaraamatu koostamisel vajalike viidete tegemine väga oluline.

Grammatilise soo kategoriaaga on otseselt seotud ka nt etnonüümide sõnavormid. Nii eesti kui ka poola keeles saab etnonüümide puhul kasutada sõnu nii nais- kui ka meesvormis: *eestlane/eestlanna, Estończyk/Estonka*. Sõnaraamatutes käsitletakse etnonüüme väga erinevalt. Siinjuures analüüsitakse rahvanimetustega seotud andmeid erinevate sõnaraamatute näitel.

Substantiivide puhul nii eesti kui ka vene keeles on samuti oluline arvu-kategoria: mõlemas keeles on hulk erandeid, kui nimisõnal on olemas kas ainult ainsus (*singularia tantum*) või ainult mitmus (*pluralia tantum*); oluline on ära märkida ka need juhtumid, kus nimisõna arvukategoria on nendes keeltes

erinev (nt poola keeles on substantiivil ainult mitmuse vorm, kuid eesti keeles on sel olemas nii ainsus kui ka mitmus).

Ka adjektiivide puhul on tähtsaim grammatilise soo kategooria: eesti keeles see puudub, poola keeles on see aga olemas (ainsuses ja mitmuses). Selles peatüki osas käsitletakse ka omadussõnade käänamise eripära poola ja eesti keeles, pööratakse tähelepanu võimalikele kitsaskohtadele (nt eesti adjektiivid, mis ei käändu). Mitmete sõnaraamatute näitel vaadeldakse ka adjektiivide võrdlusastmeid ning võrdlusastemete vormide märkimisvõimalusi sõnaraamatu artiklis.

Kolmandas peatükis käsitletakse ka verbidega seotud küsimusi. Võrreldakse eelkõige tegusõna kategooriad (aeg, isik, arv, aspekt, sugu, kõneviis, tegumood, kõneliik, kõne) poola ja eesti keeles, tehakse selgeks, millised verbi kategooriad on olemas või puuduvad poola ja eesti keeltes, ning rõhutatakse neid kategooriaid, mis on olulised potentsiaalse poola-eesti sõnaraamatu jaoks. Käesolevas osas analüüsitakse eraldi iga verbi kategooriat, tuginedes sõnaartiklitele kakskeelsetest sõnaraamatutest (eesti-poola, tšehhi-eesti, vene-eesti, eesti-vene, poola-inglise). Vaadeldakse, kuidas saab poola ja eesti verbivormimoodustuse andmeid rakendada potentsiaalses poola-eesti sõnaraamatus.

Neljandas peatükis käsitletakse küsimusi, mis on seotud sõnaartikli semantilise osaga. Siinkohal analüüsitakse näiteid erinevatest kakskeelsetest sõnaraamatutest, kusjuures kaasatakse ka eesti, poola ja vene seletavaid sõnaraamatuid, mis aitavad paremini mõista sõna leksikaal-semantilisi seoseid. Antud peatükis võrreldakse samuti vastete otsingu- ning kokkusobimise mehhanisme. Tähelepanu all on ka lähte- ja sihtkeele sõna tähenduse semantiseerimise küsimused; analüüsitakse raskusi, mis võivad tekkida sünonüümia puhul.

Antud väitekirja raames käsitletakse küsimusi, mis on pühendatud kakskeelsetele sõnaraamatutele ja nende koostamise põhimõtetele. Töös käsitletakse potentsiaalse poola-eesti sõnaraamatu struktuuri, mõlema keele erinevustest tulenevaid koostamise iseärasusi; rõhutatakse sõnaraamatu poola- ja eestikeelse kasutaja eri vajadusi, keelelist tausta. Tuginedes teoreetiliste aspektide analüüsile pakub väitekirja autor välja ka praktilise lahenduse, nimelt koostab kolm näidisartiklit poola substantiivi, adjektiivi ja verbi näitel.

SUMMARY

Theoretical Foundations of Compiling a Bilingual Dictionary: on the Basis of Resources in the Polish and Estonian Language

Recently, in Estonia, there has been an increase in the need for technical, literary, and scientific Polish–Estonian and Estonian–Polish translations. At the same time, the need for corresponding reference literature has also increased. Through translation experience acquired over a number of years, the author of this dissertation often encountered the fact that existing Polish and Estonian lexicographical publications lacked the necessary vocabulary and, therefore, one had to resort to using a third language. In this case, one can solve a difficult situation by using a dictionary the source or target language of which is another language (e.g., English or Russian). But, as you know, translating through an intermediate language complicates and slows down the translation process and, what is most important, decreases the quality of the translation.

At this time, it can be said that work in the field of Polish–Estonian and Estonian–Polish lexicography is highly unsystematic. Therefore, the issue of compiling new Polish–Estonian and Estonian–Polish dictionaries is very topical. This dissertation focuses on preparing the theoretical foundations of compiling a bilingual Polish–Estonian dictionary.

The research objects are general bilingual dictionaries and principles of their compilation. The dissertation deals with bilingual dictionaries in which one of the languages is Slavic, primarily the Polish language, but also the Czech or Russian language, and the other language is Estonian (English-language dictionaries are also included). Other linguistic resources, such as lexical corpora, are also used.

The objectives of the study are as follows:

1. to provide an overview of bilingual Slavic–Estonian and Estonian–Slavic (incl. Russian–Estonian / Estonian–Russian / Czech–Estonian / Polish–Estonian, etc.) lexicographical publications that have been published in Estonia; additionally, Slavic–Finnish lexicographical publications (e.g., dictionaries, phrasebooks), which have a well-established tradition, are also explored;
2. description of various dictionaries in terms of the goals and tasks of the user; setting the necessary parameters for a successful process of compiling a bilingual dictionary and high-quality results thereof;
3. development of the principles of designating phonetic and graphic particularities of lexemes in the Polish–Estonian dictionary that is to be compiled in the future;
4. development of grammatical parameters of nouns, adjectives, and verbs for entries in the possible Polish–Estonian dictionary;
5. development of semantic parameters of lexemes for entries in the possible Polish–Estonian dictionary.

Resources and methods of research. The dissertation implements research methods characteristic of lexicography:

1. analysis of dictionary classifications;
2. comparative study of entries in different bilingual dictionaries;
3. comparison and analysis of dictionary concepts and projects.

The main research material of the dissertation is bilingual dictionaries that represent, in various combinations, the Polish, Russian, Czech, Estonian, and English language. The author of the dissertation analyses especially those publications that are directly related to the research topic, which are Slavic–Estonian dictionaries; additionally, extensive multivolume bilingual dictionaries that have been released by recognised academic publishers, such as Oxford University Press, PWN, Wiedza Powszechna, Eesti Keele Instituut, and Hayka, are also discussed.

Dictionary analysis deals not only with linguistic material (i.e., the dictionary part), but also with the theoretical, introductory part, which includes the foreword, grammatical tables, system of abbreviations, etc. This is important because, in the introductory part of the dictionary, its editors tend to share their experience, as well as refer to the characteristics and complexities of languages that they encountered in the course of the preparation of the publication.

Russian was selected as the research language of this dissertation because, in many countries, incl. Estonia and Poland, it is among the most widely used in various fields of science. An important argument in favour of this selection dissertation language is also the possibility of this text reaching the widest possible readership: a dissertation published in the Estonian language would reach its potential readers in the Polish scientific community, nor would it receive appropriate recognition, just like a decision in favour of the Polish language would result in a limited number of readers in Estonia.

The study emphasises, in particular, the presentation of grammatical information (e.g., phonetic parameters, morphological characteristics of vocabulary) in dictionaries. It also analyses the principles of furnishing the semantic information of words (e.g., lexical meaning, finding equivalents, synonymy) within the framework of a bilingual dictionary.

The topicality of the research can be justified by the fact that currently existing Polish–Estonian and Estonian–Polish lexicographical publications are not sufficient to meet the needs of potential users, who use some of the publications mentioned in the study (e.g., dictionaries, phrasebooks) as either active or passive dictionaries. The dissertation also takes account of new, modern types of lexicographical publications, such as online dictionaries; offers possible solutions for specific types of dictionaries: not just for paper dictionaries, but also for electronic publications.

Content and structure of the dissertation. The dissertation consists of the introduction, four chapters, conclusion, appendix, and bibliography / list of references.

The introduction describes, as exhaustively as possible, achievements in the field of bilingual lexicography on the basis of Estonian and Slavic resources (e.g., uni- and bidirectional general dictionaries, elektrspecialised dictionaries, phrasebooks). It also provides an overview of Finnish – West Slavic dictionaries, which lists lexicographers' works in Estonian–Polish / Polish–Estonian, Estonian–Russian / Russian–Estonian, and Czech–Estonian direction, as well as in Finnish–Polish / Polish–Finnish, Finnish–Czech / Czech–Finnish, and Finnish–Slovak / Slovak–Finnish direction.

The first chapter deals extensively with different types of dictionaries and their classifications. The purpose of the chapter is to examine the relationship between the orientation of a bilingual dictionary towards a particular group of users and the structure and content of a word entry.

This chapter analyses dictionaries that are meant either for (1) only one target group of users (i.e., speakers of either the source or target language), or for (2) two target groups of users (i.e., speakers of both the source and target language). The target group of a dictionary determines whether a given dictionary belongs among the active or passive ones, and this, in turn, determines the model according to which one must organise the collection and processing of linguistic material. This section will determine what aspects need to be borne in mind when compiling a potential passive and active Polish–Estonian dictionary.

The second chapters examines issues that are related in particular, to the phonetic (e.g., sounds and their particularities, pronunciation of words, phonetic transcription) and graphic (e.g., letters that are characteristic of Polish or Estonian) characteristics of Polish and Estonian, which must be taken into account when compiling a potential Polish–Estonian dictionary.

While discussing the principles of presenting and describing the phonetics and graphics of Polish and Estonian, the study identifies the particularities of both languages that pose a challenge, e.g., when learning the language as a foreign language (in Polish, e.g., the sibilants *ż, ź, ś, cz*, etc. and nasal vocals *ą, ę*, and, in Estonian, e.g., the vocals *õ, ü, ä* and the system of degrees of quantity characteristic of the Estonian language), and which must be implemented within a potential Polish–Estonian dictionary in the form of either a graphic or phonetic transcription. On the basis of various dictionaries, possible solutions to phonetic and graphic issues are provided in a potential Polish–Estonian dictionary.

The third chapter deals, to a certain extent, with the morphology of the Polish and Estonian language. It considers different approaches to the formulation and preparation of word entries in terms of substantives, adjectives, and verbs in Polish and Estonian. Additionally, this is based on the analysis results of material from a number of bilingual dictionaries. It examines a dictionary system of abbreviations, labels, and references; discusses their graphic integration into a dictionary's micro and media structure in a potential Polish–Estonian dictionary.

The third chapter develops morphological parameters that must be taken into account in terms of Polish and Estonian substantives, adjectives, and verbs

when formulating and preparing word entries within the framework of a potential Polish–Estonian dictionary.

As to the Polish substantives, the main characteristic is the category of grammatical gender (and this in case of both the singular and plural number). Since, in the Estonian language, the category of grammatical gender lacks morphological characteristics, it is very important to make necessary references when compiling a Polish–Estonian dictionary.

The category of grammatical gender is also directly related to, e.g., the word forms of ethnonyms. In both the Estonian and Polish language, ethnonym are words that can be used in both their female and male form: *eestlane/eestlanna*, *Estończyk/Estonka* ‘an Estonian person’. Dictionaries treat ethnonyms very differently. Here, information pertaining to ethnic names are analysed on the example of various dictionaries.

As to substantives, the category of number is also important with respect to both the Estonian and Russian language: both languages contain a number of exceptions where a noun appears only in the singular (*singularia tantum*) or plural (*pluralia tantum*) form; it is also important to label the cases in which a noun differs in these languages in terms of the category of number (e.g., in Polish, the substantive has only the plural form, but it has both the singular and plural form in Estonian).

The category of grammatical gender is the most important aspect also in the case of adjectives: it is absent in the Estonian language, but present in Polish (in singular and plural). This section of the chapter also covers the particularities of inflecting the adjectives in Polish and Estonian, addressing possible challenges (e.g., Estonian adjectives that have no inflexions). The comparative levels of adjectives and possibilities of designating the forms of comparative levels in a dictionary entry are also investigated on the example of various dictionaries.

The third chapter also includes verb-related issues. In particular, it compares the verb categories (e.g., tense, person, number, aspect, gender, mood, style, voice, polarity) of the Polish and Estonian language, determines what verb categories are present or absent in Polish and Estonian, and highlights the categories that are important for a potential Polish–Estonian dictionary. This section analyses each verb category separately on the basis of word entries in bilingual dictionaries (i.e., Estonian–Polish, Czech–Estonian, Russian–Estonian, Estonian–Russian, and Polish–English). It investigates the possibility of implementing information pertaining to the formation of Polish and Estonian verb forms in a potential Polish–Estonian dictionary.

The fourth chapter deals with issues related to the semantic portion of word entries. Here, examples from various bilingual dictionaries are analysed while Estonian, Polish, and Russian descriptive dictionaries are also incorporated in order to contribute to a better understanding of lexicosemantic relations. This chapter also compares equivalents’ mechanisms of search and compatibility. The focus is also on the issues of semanticising the meanings of source- and target-language words: difficulties that may arise in the case of synonymy are analysed.

Within its framework, the dissertation addresses questions devoted to bilingual dictionaries and principles of their compilation. The study deals with the structure of a potential Polish–Estonian dictionary and particularities of the compilation process arising from differences between the two languages; emphasises the various needs and linguistic background of Polish- and Estonian-speaking users of the dictionary. Based on the analysis of theoretical aspects, the author of the dissertation also offers a practical solution; namely, by compiling three illustrative entries on the example of the Polish substantive, adjective, and verb.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Имя: Алисия Чекада
Гражданство: Эстония
Дата рождения: 11 октября 1984, Кестхей, Венгрия
Адрес: ул. Тамме 17–76, 90508, Хаапсалу, Эстония
Телефон: +372 5552 0838
Адрес эл. почты: salasona@yandex.ru
Языки: русский, английский, эстонский, польский, чешский

Образование:

1991–1999 Русская гимназия, Хаапсалу
2000–2003 Гимназия Вейдеманна, Хаапсалу
2003–2006 Философский факультет Тартуского университета
(русская и славянская филология), бакалавриат
2006–2007 Факультет польской филологии Ягеллонского
университета, программа студенческого обмена
ЭРАСМУС
2006–2009 Философский факультет Тартуского университета
(русская и славянская филология), магистратура
2011–2017 Философский факультет Тартуского университета
(славянская филология), докторантура

Научная деятельность:

Области научных интересов: славянская филология, польский язык и литература, лексикография, двуязычная лексикография

Опубликовано 8 научных статей в международных изданиях.

ELULOOKIRJELDUS

Nimi: Alisija Tšekada
Kodakondsus: Eesti
Sünniaeg: 11. oktoober 1984, Keszthely, Ungari
Aadress: Tamme 17–76, 90508, Haapsalu, Eesti
Telefon: +372 5552 0838
Epost: salasona@yandex.ru
Keeleoskus: vene, inglise, eesti, poola, tšehhi

Haridus:

1991–1999 Haapsalu Vene gümnaasium
2000–2003 Haapsalu Wiedemanni Gümnaasium
2003–2006 Tartu Ülikool, vene ja slaavi filoloogia, bakalaureuseõpe
2006–2007 Poola filoloogia osakond, Jagielloni Ülikool (Krakow, Poola),
ERASMUS vahetusprogramm
2006–2009 Tartu Ülikool, vene ja slaavi filoloogia (vene kirjandus),
magistriõpe
2011–2017 Tartu Ülikool, vene ja slaavi filoloogia (slaavi filoloogia),
doktoriõpe

Teadustegevus

Peamised uurimisvaldkonnad: slaavi filoloogia, poola keel ja kirjandus, leksikograafia, kakskeelne leksikograafia

Avaldatud 8 teadustööd rahvusvahelise levikuga väljaannetes.

ALISIJA TŠEKADA TEADUSTÖÖDE NIMEKIRI

1. Об опыте создания эстонско-польских словарей и разговорников. *Русская филология* 23. Сборник научных работ молодых филологов. Tartu Ülikooli kirjastus, Tartu, 2012. С. 215–219
2. Способы передачи грамматической категории рода польских имен существительных в эстонско-польском словаре. *Prolinani slovanskych prostredi*. Praha, 2012. С.179–184.
3. Проблема представления и разграничения синонимии и полисемии в двуязычном словаре на материале эстонского и польского языков. *Русская филология*. 24. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2013. С. 40–407.
4. К вопросу об истории создания эстонско-польских и польско-эстонских лексикографических изданий. *Acta Slavica Estonica III*. Тарту. 2013. С. 179–193.
5. К вопросу о сравнительно-сопоставительном изучении словообразовательных особенностей этнонимов в эстонском и польском языках. *Studia Slavica XI*. Tallinn. 2013. С. 161–168.
6. Об опыте составления сравнительной грамматики эстонского и польского языков (на материале справочника М. Нурмика и Е. Скоморевского). *Русская филология*. 25. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2014. С. 411–416.
7. К вопросу о типологии двуязычных словарей. *Русская филология*. 26. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2015. С. 298–303.
8. О славянской лексикографии в Эстонии. *Studia Slavica Hungarica*. 61 (1). Budapest, 2016. С. 85–89.

DISSERTATIONES PHILOLOGIAE SLAVICAE UNIVERSITATIS TARTUENSIS

1. **Юрий Кудрявцев.** Очерки по русской исторической фонологии и морфологии. Тарту, 1996, 157 с.
2. **Светлана Туровская.** Проблемы изучения модальных смыслов: теоретический аспект (на материале современного русского языка). Тарту, 1997, 138 с.
3. **Елена Погосян.** Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997, 160 с.
4. **Ирина Белобровцева.** Роман Михаила Булгакова “Мастер и Маргарита”: конструктивные принципы организации текста. Тарту, 1997, 168 с.
5. **Светлана Кульюс.** «Эзотерические» коды романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (эксплицитное и имплицитное в романе). Тарту, 1998, 210 с.
6. **Леа Пильд.** Тургенев в восприятии русских символистов (1890–1900-е годы). Тарту, 1999, 136 с.
7. **Роман Лейбов.** «Лирический фрагмент» Тютчева: жанр и контекст. Тарту, 2000, 143 с.
8. **Валентина Щаднева.** Дискурсивно обусловленные невербализованные компоненты высказывания. Тарту, 2000, 210 с.
9. **Александр Данилевский.** Поэтика «Повести о пустяках» Б. Темиряева (Юрия Анненкова). Тарту, 2000, 154 с.
10. **Татьяна Фрайман.** Творческая стратегия и поэтика жуковского (1800 – первая половина 1820-х годов). Тарту, 2002, 165 с.
11. **Татьяна Троянова.** Антропоцентрическая метафора в русском и эстонском языках (на материале имён существительных). Тарту, 2003, 166 с.
12. **Елена Нымм.** Литературная позиция еронима ясинского (1880–1890-е годы). Тарту, 2003, 169 с.
13. **Эрика-Оксана Хааг.** Функциональная типология и средства выражения причинно-следственных отношений в современном русском языке. Тарту, 2004, 165 с.
14. **Вадим Семенов.** Иосиф Бродский в северной ссылке: поэтика автобиографизма. Тарту, 2004, 176 с.
15. **Роман Войтехович.** Психея в творчестве М. Цветаевой: Эволюция образа и сюжета. Тарту, 2005, 165 с.
16. **Анжелика Штейнгольд.** Отражение древнеславянских верований в русском лексиконе. Тарту, 2006, 202 с.
17. **Катрин Кару.** Уступительные конструкции в эстонском и русском языках. Тарту, 2006, 249 с.
18. **Оксана Паликова.** Двухязычный словарь и функционально значимые связи слова. Тарту, 2007, 140 с.
19. **Тимур Гузаиров.** Жуковский — историк и идеолог николаевского царствования. Тарту, 2007. 156 с.

20. **Татьяна Кузовкина.** Феномен болгарина: проблема литературной тактики. Тарту, 2007. 163 с.
21. **Ольга Бурдакова.** Имперфективация глаголов *v* продуктивного класса в современном русском языке. Тарту, 2008. 194 с.
22. **Ирина Абисогомян.** Становление чешской лексикографии в эпоху национального возрождения: традиции и новаторство. Тарту, 2009. 200 с.
23. **Ирина Табакова.** Основные типы аббревиатур в современном польском языке (к специфике моделей производящих синтаксических структур). Тарту, 2009. 212 с.
24. **Дмитрий Иванов.** Творчество А. А. Шаховского-комедиографа: теория и практика национального театра. Тарту, 2009. 224 с.
25. **Инна Булкина.** Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное. Тарту, 2010. 213 с.
26. **Алексей Вдовин.** Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. Тарту, 2011. 238 с.
27. **Ольга Мусаева.** Рецепция творчества Федерико Гарсиа Лорки в русской культуре (1930–1960-е гг.). Тарту, 2011. 217 с.
28. **Мария Боровикова.** Поэтика Марины Цветаевой (лирика конца 1900-х –1910-х годов). Тарту, 2011. 150 с.
29. **Ольга Ягинцева.** Этимологическое исследование некоторых диалектных названий предметов домашнего обихода. Тарту, 2014. 129 с.
30. **Ирина Рудик.** Русская тема в сборнике Марины Цветаевой «Версты. Стихи. Выпуск I» (1922 г.). Тарту, 2014. 166 с.
31. **Елизавета Фомина.** Национальная характерология в прозе И. С. Тургенева. Тарту, 2014. 150 с.
32. **Павел Успенский.** Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. – 1917 г.). Тарту, 2014. 214 с.
33. **Константин Поливанов.** «Доктор Живаго» как исторический роман. Тарту, 2015. 262 с.
34. **Сирье Купп-Сазонов.** О роли грамматики в переводе (на материале временных форм глагола в русском и эстонском языках). Тарту, 2015. 246 с.
35. **Андрей Федотов.** Русский театральный журнал в культурном контексте 1840-х годов. Тарту, 2016. 178 с.
36. **Кристина Сарычева.** Восприятие Ф. И. Тютчева и А. А. Фета в русской литературной критике 1870-х –1900-х гг. Тарту, 2016. 173 с.